

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2019. № 10(130)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2019
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург); председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук, начальник департамента Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами (Москва)

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPА

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPА and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences, Head of the Department of the Presidential Directorate for Inter-regional Relations and Cultural Contacts with Foreign Countries (Moscow)

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkевич A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);

Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

6 От главного редактора

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 8 **ШАМАХОВ В. А., МАКСИМЦЕВ И. А., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Внешнеэкономические связи России и Беларуси: объективные возможности и субъективные препятствия развития
- 17 **МЕРЕШКИН Д. Е., РАЗУВАЕВ Н. В.**
Концепция взаимоотношения власти и личности в Конституции Российской Федерации: итоги развития и современные проблемы
- 28 **БАРАНОВ Н. А.**
Открытость vs безопасность: приоритеты для государства и гражданского общества в условиях цифровизации

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 37 **ЗАХАРОВА Н. В., ЛАБУДИН А. В.**
Формирование инновационной экономики в Швеции: особенности и перспективы
- 49 **ЖИХАРЕВА А. К.**
Возможные проблемы применения региональных рейтингов
- 61 **ЖАББАРОВ И. Р.**
Новые реалии реструктуризации российских компаний
- 68 **ЗАКИЕВА Л. Б., СОКОЛОВ А. Ю.**
Философия JIT в современных системах управленческого учета затрат и результатов

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 81 **АЛЕКСАНДРОВ В. Б.**
О роли мифологии в формировании исторического самосознания современного человека

A LINEA

- 92 **ВЕРСОЦКИЙ Р. Р.**
Малое и среднее предпринимательство и его роль в рыночной экономике России
- 100 **ЗНАМЕНЩИКОВ А. О.**
Республика Крым и Севастополь: первые итоги реализации государственных программ в экономической и социальной сферах

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 110 **МЕЛЬНИК Г. С., МИСОНЖНИКОВ Б. Я.**
Свобода слова и угрозы информационной безопасности. Рецензия на монографию «Свобода слова и медиабезопасность»

EDITOR'S COLUMN

- 6 From the Chief Editor**

POLICY AND LAWFUL STATE

- 8 VLADIMIR A. SHAMAKHOV, IGOR A. MAKSIMTSEV, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Foreign Economic Relations of Russia and Belarus: Objective Possibilities and Subjective Obstacles of Development
- 17 DMITRIY E. MERESHKIN, NIKOLAY V. RAZUVAEV**
The Concept of the Relationships of Power and Person in the Constitution of the Russian Federation: Results of Development and Contemporary Problems
- 28 NIKOLAY A. BARANOV**
Openness vs Security: Priorities for the State and Civil Society in the Conditions of Digitalization

POWER AND ECONOMY

- 37 NATALYA V. ZAKHAROVA, ALEXANDER V. LABUDIN**
The Formation of the Innovative Economy of Sweden: Peculiarities and Prospects
- 49 ALINA K. ZHIKHAREVA**
Possible Problems with the Use of Regional Ratings
- 61 ILDAR R. ZHABBAROV**
New Realities of Restructuring of Russian Companies
- 68 LILIYA B. ZAKIEVA, ANDREY Yu. SOKOLOV**
JIT Philosophy in Modern Management Cost Accounting and Performance Management Systems

HISTORY AND CULTURE

- 81 VLADIMIR B. ALEKSANDROV**
About the Mythology Role in Formation of Historical Consciousness Modern Person

A LINEA

- 92 ROMAN R. VERSOCKIY**
Small and Medium-sized Business and Its Role in the Russian Market Economy
- 100 ARTEM O. ZNAMENSHCHIKOV**
Republic of Crimea and Sevastopol: First Results of Implementation of State Programs in Economic and Social Spheres

ANNUAL CONTENT

- 110 GALINA S. MELNIK, BORIS Ya. MISONZHNIKOV**
Freedom of Speech and Threats to Information Security. Review of the monograph "Freedom of Speech and Media Security"

От главного редактора

Одним из событий, обсуждаемых в обществе, стала очередная дискуссия о реформе государственной службы. В соответствии с общей практикой, вся сложность реформирования государственного и муниципального управления при обсуждении свелась к двум вопросам: сокращении числа занятых и повышении зарплаты оставшимся.

Практически не обсуждался главный вопрос — зачем это делается, и каких результатов планируется добиться. Как обычно, дискуссия была инициирована непродуманным выступлением чиновника, первого замминистра финансов Российской Федерации Татьяны Нестеренко¹.

Опровергать это заявление пришлось пресс-секретарю премьер-министра России². Ну а как формула «несколько преждевременное» переводится на русский язык с бюрократического? Традиционно: «и кто же тебя за язык тянул?»

Подобная работа, естественно, требует тишины и спокойствия на первых этапах. Выноситься на общественное обсуждение должна целиком выверенная концепция развития государственной гражданской службы, а не какие-то кликбейтные заголовки.

Действительно, на сайте Кабинета министров есть упоминание о плане мероприятий по реализации основных направлений развития государственной гражданской службы на 2019–2021 гг. План включает 14 позиций, в том числе назначение, увольнение и оценки эффективности управленческих кадров, включая вопросы оплаты труда. Выхватывать отдельные позиции из общего контекста — значит как раз демонстрировать непрофессионализм конкретного чиновника, неспособного отделить PR-интересы от основной работы ведомства. К сожалению, это является массовой проблемой. Директора департаментов, а иной раз даже министры, служат пиарщиками у собственных PR-служб.

Советская власть со своей закрытостью, помноженной на секретность, представляла собой прямо противоположный подход. Естественно, отвергаемый нами.

¹ Татьяна Нестеренко: без сокращения госслужащих не будет и повышения зарплат [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190923/1558915623.html>

² Правительство назвало преждевременным заявление Минфина о сокращении госслужащих [Электронный ресурс]. URL: <https://glavportal.com/materials/>

Однако это не означает, что нынешний вариант во всем является правильным. Скорее можно увидеть то, что в России в данном случае практически полностью пошли по образцу не просто западных, а американских моделей взаимодействия между СМИ и властью, где высокопоставленные чиновники, в том числе в закрытых сферах, дискутируют между собой на страницах «Нью-Йорк таймс».

Проблема не в увеличении зарплаты и количестве чиновников, а в качестве выполняемой ими работы. И здесь специалисты, подготовленные, в том числе, и нами, Российской академией народного хозяйства и государственной службы, крайне важны и ценны. Являясь частью общества со всеми его достоинствами и недостатками, они, по крайней мере, несут требуемые профессиональные компетенции.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Внешнеэкономические связи России и Беларуси: объективные возможности и субъективные препятствия развития

Шамахов В. А.^{1, *}, Максимцев И. А.^{2,}, Межевич Н. М.^{3, 4}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhov-va@ranepa.ru

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

⁴Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В основе российско-белорусских споров по экономическим вопросам лежит множество объективно существующих и субъективно воспринимаемых проблем. Взаимозависимость двух экономик действительно весьма велика.

Попытка рассматривать эту зависимость в категориях классического анализа платежных балансов не всегда позволяет сделать верные выводы, касающиеся двусторонних балансов товаров и услуг. Методики расчетов, анализ эффективности и практики реализации экономических программ в Союзном государстве и ЕАЭС не всегда представляют собой доступный объект для исследования.

Перед нами ситуация, которая не может быть эффективно изучена только методами экономической науки, необходима значимая подготовка в сфере истории, социологии, политики. Решения, принятые исключительно с экономических позиций, могут оказаться совсем неубедительными с точки зрения комплексного регионоведения. Именно этим вопросам посвящена данная статья.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, экономическая интеграция, ЕАЭС, платежный баланс, национальная экономика, внешняя торговля

Для цитирования: Шамахов В. А., Максимцев И. А., Межевич Н. М. Внешнеэкономические связи России и Беларуси: объективные возможности и субъективные препятствия развития // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 8–16.

Foreign Economic Relations of Russia and Belarus: Objective Possibilities and Subjective Obstacles of Development

Vladimir A. Shamakhov^{a, *}, Igor A. Maksimtsev^{b,}, Nikolay M. Mezhevich^{c, d}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *shamakhov-va@ranepa.ru

^bSt. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

^cInstitute of Europe of Russian Academy of Science; St. Petersburg, Russian Federation

^dSaint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The Russian-Belarusian disputes on economic issues are based on many objectively existing and subjective problems. The interdependence of the both economies is indeed great.

The attempt to treat this dependency in the categories of classical balance-of-payments analysis does not always make it possible to draw correct conclusions concerning bilateral balances of goods and services. Methods of calculations, analysis of efficiency and practice of implementation of economic programs in the Union State and the EAEU are not always an accessible object for research.

It is the situation, which cannot be effectively studied only by methods of economic sciences; it requires meaningful training in the field of history, sociology, and politics. Decisions taken

exclusively from an economic perspective may not be convincing in terms of integrated regional studies. This is the subject of the article.

Keywords: Belarus, Russia, economic integration, EAEU, balance of payments, national economy, foreign trade

For citing: *Shamakhov V. A., Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M.* Foreign Economic Relations of Russia and Belarus: Objective Possibilities and Subjective Obstacles of Development // Administrative consulting. 2019. No. 10. P. 8–16.

Практики современного экономического развития далеко не всегда согласуются с экономическими теориями. Однако теоретическая модель, предполагающая рост взаимозависимости национальных экономик, подтвердилась на практике. Экономическая интеграция далеко не единственная тенденция, формирующаяся в шлейфе глобализационных процессов. Межгосударственная экономическая интеграция, вероятно, может считаться системным признаком современной мировой экономики [15]. Постсоветское пространство представляет собой не только интереснейший, но и крайне разнообразный кейс практик, далеко не все из них можно назвать лучшими. «На фоне социально-экономической катастрофы, постигшей Украину, Грузию и Молдавию, сделавших европейский выбор, государства ЕАЭС развиваются, подтягиваясь к центру нового мирохозяйственного уклада посредством сопряжения с китайской инициативой „Один пояс — Один путь“» [2, с. 26].

Старые модели хозяйственных связей сделали свое большое дело. Советский единый народнохозяйственный комплекс объективно способствовал развитию экономики Белоруссии. «В последние более чем 200 лет наша республика теснейшим образом связана с Россией в сферах политики, экономики, культуры, религии и т. д. После Второй мировой войны Беларусь была превращена в „сборочный цех“ СССР. Результатом экономической политики КПСС Беларусь стала не только одним из наиболее развитых регионов „одной шестой части суши“, но и попала в прочную зависимость от поставок и рынков России» [10]. В формуле профессора Шадурского важны как первая, так и вторая часть. Собственно, обсуждению этих вопросов и посвящена данная статья.

Вопросы российско-белорусских экономических отношений длительное время находились на периферии общественного внимания. Определенная логика в этом была. При всех имеющихся различиях белорусская экономическая модель качественно отличалась от прибалтийской [11] и украинской. Это позволяло нам и нашим белорусским друзьям рассматривать подходы к экономической организации общества как достаточные для того, чтобы заимствовать или отвергать отдельные узлы. Широкое экспертное сообщество в большей степени успокоилось разночтениями в сфере политики, прав человека. Из экономических вопросов только один был в центре общественного внимания. Речь идет об «оптимальном государственном участии» в экономике [12]. Проблема действительно есть. Причем и в Беларуси, и в России. «После доработки проекта бюджета Беларуси на 2020 год его дефицит сокращен с 1,3% до 1% ВВП, или до 990 млн руб. Это удалось в том числе за счет более напряженного задания по перечислению в бюджет части прибыли госпредприятий»¹, пояснил министр финансов Беларуси Максим Ермолович. Но давайте уточним: перед нами перераспределение денег между государствен-

¹ По требованию президента Минфин доработал бюджет: за счет чего сократили дефицит [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/economics/656834.html>

ными «карманами», к бюджетной дисциплине это имеет прямое отношение, к корректировке соотношения между секторами экономики — нет.

Это же подчеркивает первый вице-премьер Правительства Республики Беларусь Александр Турчин. «Руководители наших, как правило, государственных предприятий, часто говорят „заклинаниями“. Сперва говорили про высокие ставки по кредитам: мол, если они снизятся, будем успешными. Снизились — не всем помогло. Потом — дайте равные условия с Россией [по энергоносителям]. Наши исследования говорят, что некоторым предприятиям, даже если они не будут полностью оплачивать энергоносители, это не поможет: не станет востребованной продукция»¹. Иными словами, вопросы ценообразования на энергоносители важны, но не представляют собой единственную проблему экономики страны. В российской экономике эта экономическая задача решалась позже, чем в Польше, но существенно раньше, чем в Беларуси. Не давая политической, как, впрочем, и любой иной оценки жестким экономическим реформам 90-х годов, укажем на то, что их отсутствие в Беларуси отразилось на отраслевой и пространственной экономической структуре.

Создание Союзного государства, осуществленное 20 лет назад, позволило решить целый комплекс вопросов, связанных с рынком труда, пересечением границы, таможенной политикой. Первый Интеграционный прорыв состоялся еще в 1996 г. Речь идет о Сообществе Белоруссии и России, созданном в 1996 г. Уже эта форма предполагала политическую и экономическую интеграцию с целью объединения конкурентных преимуществ двух стран. Об объединении материального и интеллектуального потенциалов двух государств речь, естественно, не шла. Решение о формировании общего Парламентского собрания, а затем и создание Союза России и Белоруссии сформировали предпосылки к образованию Союзного государства. Без этого не могла бы состояться интеграция Беларуси в ЕАЭС. «У нас есть чем гордиться в этом плане: союзная интеграция в 90-х, потом Таможенный союз, а дальше ЕврАзЭС, и Евразийский экономический союз. Это все ключевые элементы белорусского успеха»². Противоречивые процессы социально-экономического развития в непростой международной обстановке привели тем не менее к тому, что «Республика Беларусь сформировалась как экспортно ориентированное государство с развитой промышленностью, сектором услуг и сельским хозяйством. Беларусь придерживается модели социально ориентированной рыночной экономики, которая доказала свою состоятельность и эффективность»³. Эта формулировка, взятая с официального сайта Президента Республики Беларусь, отражает объективно имеющиеся достижения белорусской экономической модели.

Однако разговоры о дружбе и общей истории не позволили эффективно оценить тот факт, что за прошедшие 30 лет экономико-правовые модели стран, развиваясь самостоятельно, пришли к различным результатам. Появились даже странные оценки, тяготеющие к политическим, но сформулированные как экономические: «Сомнительно, что белорусский социализм можно интегрировать с российским капитализмом» [8]. Прделанная гигантская работа не могла не привести к «головокружению от успехов».

¹ Турчин: Наши провальные инвестпроекты никак не зависели от России и Евросоюза. Причина в нас [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/economics/626563.html>

² Кизима: Беларуси очень выгодна интеграция в ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnik.by/economy/20180605/1035832500/belarusi-ochen-vygodna-integraciya-v-eaehs.html>

³ Официальный сайт Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://president.gov.by/ru/economy_ru/

Дискуссии о прошлом дополняются спорами о том, как это прошлое оценивать. Мнение специалистов по экономической истории, истории права предполагает, что гармонизация хозяйственных систем — сложная задача даже при едином виденье внутри- и внешнеполитической ситуации [13]. Однако этого виденья нет¹.

Впрочем, большинство экспертов считает решение о вступлении в ЕАЭС единственно возможным. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (вступил в силу 1 января 2015 г.) предусматривает достижение нескольких целей:

- 1) создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- 2) стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС;
- 3) всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [6, с. 174].

Результатами первых лет интеграции стали значительные успехи в создании условий обеспечения свободы движения товаров (за исключением энергетических товаров, но с 6 мая 2017 г. функционируют общие рынки лекарственных средств и медицинских изделий), услуг (единый рынок услуг действует с 1 января 2015 г. и включает около 60% объема оказываемых услуг в ЕАЭС, без учета финансовых услуг), капитала (гармонизация законодательства в области регулирования финансовых рынков) и рабочей силы (общий рынок труда функционирует с 1 января 2015 г.)².

Членство Беларуси в ЕАЭС способствовало нивелированию объективных трудностей формирования внешнеторгового баланса. Более того, «экстенсивная инвестиционная стратегия, ориентированная на безусловное повышение темпов роста ВВП при низкой эффективности реализуемых инвестиционных проектов, может направить экономическое развитие на путь „производства ради производства“, который, несмотря на высокие темпы роста, не увеличивает, а наоборот, снижает ресурсы экономики» [4, с. 4]. Отметим, что это не только белорусская, но и российская проблема. Однако более изолированный белорусский рынок столкнулся с тем, что «реализация белорусской продукции на национальный рынок и в третьи страны внесла в динамику производства в 2016 г. отрицательный вклад в размере 2,9 п. п. В то же время за счет экспорта конечной продукции в страны Союза (потребительских и инвестиционных товаров) был получен прирост производства в размере 0,96 п. п.» [9, с. 32] Иными словами, многие производства эффективны исключительно при организации экспорта «на восток». «Состояние внешнеторговой деятельности Республики Беларусь не соответствует ее потенциальным возможностям, многие факторы задействованы не в полной мере, что в конечном итоге сказывается на развитии национальной экономики, создает угрозу экономической безопасности страны» [3].

Общие цифры, характеризующие внешнюю торговлю, недостаточно четко характеризуют реальную экономическую ситуацию. Очевидно то, что необходимо совершенствование торговой статистики и повышение конкурентоспособности экспорта. В этом контексте следует рассмотреть характер импортоемкости экспорта Республики Беларусь. На белорусских заводах до 50% комплектующих — из России³.

¹ Обзор позиций: *Зверев Ю. М., Межевич Н. М., Рекеда С. В., Саулин А. Д., Сутырин В. В., Юшков И. В.* Российская Федерация и Республика Беларусь перед общими вызовами: российский взгляд. Аналитический доклад. М. : ГАУГН-ПРЕСС, 2016. 59 с.

² Интеграционный эффект: что Беларусь получает от участия в Евразийском союзе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belvpo.com/103701.html/>

³ *Демидович Я.* Опыт Западной Европы в развитии Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: <https://by-by.info/eaes/2018/12/10/1544448376/opit-ES-razvitie-EAES/>

«У флагманов белорусского машиностроения — МАЗа, БелАЗа и МТЗ — доля иностранных поставщиков комплектующих на октябрь 2015 г. составляла соответственно 44,4%, 24,8 и 61,7% от общего числа поставщиков» [1, с. 64]. Подчеркнем, речь идет не только о российских поставщиках, но для данного вопроса это не имеет значения. Зависимость белорусского производства от комплектующих очевидна. Это искажает показатели экспорта, общий экспорт весьма не равен чистому экспорту, взятому без стоимости закупаемых комплектующих и сырья.

Торговые отношения Беларусь поддерживает почти со всеми государствами мира. Основными торговыми партнерами республики являются Российская Федерация (по данным за 2018 г. 49,3% от всего объема товарооборота), Украина (7,6%), Китай (5%), Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (4,7%), Германия (4,6%), Польша (3,5%), Нидерланды (2,4%), Литва (2,1%), Турция (1,4%), Италия (1,3%), Казахстан (1,2%)¹.

На более высоком уровне генерализации проблемы те же. Основными партнерами Беларуси в торговле услугами являются Россия (около 35% экспорта, 37% импорта) и ЕС (34% экспорта, 40% импорта), сообщает МИД Республики Беларусь², забывая при этом отметить, что значительная часть экспорта в ЕС — это нефтепродукты из российской нефти.

Попытка выйти на более технологичную продукцию может не привести к успеху, поскольку повышение технологического уровня вызывает адекватное повышение входных барьеров во внешней торговле. «Опыт государств с высокотехнологической экономикой (их сегодня в мире чуть больше 20: США, Япония, Финляндия, Республика Корея и др.) свидетельствует о том, что эти производства, имея максимальные значения приростов добавленной стоимости, тем не менее, не обеспечивают себе доминирующее положение ни в структуре ВВП, ни в структуре занятости» [14, с. 13].

Белорусская экономика демонстрирует высокую степень интеграции в ЕАЭС по сравнению с другими членами союза: доля белорусского экспорта внутри ЕАЭС в 2018 г. составляла 23,3% (второе место после России), на долю белорусского импорта внутри ЕАЭС приходилось 38,7% (максимальный показатель среди стран ЕАЭС) (табл.).

Структура белорусского экспорта в январе — мае 2019 г. в географическом разрезе имеет следующий вид: доля в страны ЕАЭС составляет более 40%, в страны ЕС чуть менее 30%, в другие страны — почти 30%³.

Императив интеграции практически бесспорен. Показательна не позиция стабильных сторонников евразийской интеграции, а мнение ее критиков. Вопрос журналиста задается Е. Прейгерману, координатору «Минского диалога», ориентация которого на европейскую модель в экономике и политике общеизвестна. Корреспондент: «Насколько для Беларуси само по себе важно участие в ЕАЭС? Прейгерман: «Важно, потому что, во-первых, при всех существующих и усиливающихся проблемах, это дает преференциальный выход на рынки России и других стран-участниц»⁴. Строго говоря, следует ли ориентироваться на мнение экспертов, если есть позиция Президента Республики Беларусь: «Мы будем действовать

¹ Официальный сайт Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://president.gov.by/ru/economy_ru/

² Внешняя торговля Беларуси в первом полугодии 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <http://mfa.gov.by/print/export/>

³ Воронецкая Л. Внешняя торговля Беларуси: итоги диверсификации и новые риски [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/vneshnyaya-torgovlya-belarusi-itogi-diversifikatsii-riski/>

⁴ Прейгерман: Это ахиллесова пята Беларуси. Выгодно ли Беларуси снижение уровня интеграции в ЕАЭС? [Электронный ресурс]. URL: <https://belaruspartisan.by/politic/434758/>

**Динамика объемов торговли товарами Беларуси со странами ЕАЭС
и странами вне союза**

Table. Dynamics of volumes of trade in goods of Belarus with the countries of EAEU
and the countries out of the Union

Показатель	2015	2016	2017	2018
Экспорт в страны ЕАЭС (млрд долл. США)	11,0	11,4	13,7	13,9
из них в Россию (млрд долл. США)	10,4	11,0	12,9	13,0
Доля белорусского экспорта в ЕАЭС (%)	24,1	26,5	25,0	23,3
Экспорт в другие страны (млрд долл. США)	15,7	12,2	15,6	19,8
Импорт из стран ЕАЭС (млрд долл. США)	17,2	15,4	19,7	22,8
из них из России (млрд долл. США)	17,1	15,3	19,6	22,6
Доля белорусского импорта в ЕАЭС (%)	37,7	36,3	36,6	38,7
Импорт из других стран (млрд долл. США)	13,1	12,2	14,5	15,7

Источник: Интеграционный эффект: что Беларусь получает от участия в Евразийском союзе [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/other/42277454-integratsionnyy-effekt-chto-belarus-poluchaet-ot-uchastiya-v-evraziyskom-soyuze/>

строго в рамках заключенных соглашений и продавливать интеграцию, насколько это возможно. Эта интеграция нам выгодна, потому что у нас экспортно ориентированная экономика»¹.

Подключение политиков, маскирующихся в политологов, к экономическим дискуссиям не является сугубо белорусским или центральноевропейским явлением. Однако ответственность политиков велика. Читая заявления, что «подключение Белоруссии к российским антизападным контрсанкциям возмутит население, перечеркнет годы потепления отношений Минска с Евросоюзом и перспективы этого процесса»², возникает вопрос, кто говорит об этом? Кто «подключает Беларусь»? Позиции Президента Республики Беларусь А. Лукашенко и министра иностранных дел В. Макея, с его демонстративной и прагматичной многовекторностью, общеизвестны. Далее А. Шрайбман пишет о том, что существует «риск в ближайшие годы упустить сотни миллионов долларов европейской помощи и инвестиций европейских банков, которые начали приходить в страну»³. Анализ современных экономических тенденций мирового, европейского и белорусского уровня не дает ответа на вопрос о том, где эта помощь, и какие инвестиции имеются в виду? Экономический инсайд теоретически возможен и встречается на практике, но мы не можем его рассматривать как определяющий фактор при изучении столь серьезных вопросов, как экономический выбор и внешнеэкономическая политика Республики Беларусь.

Подведем итоги. Экономическая дискуссия в Республике Беларусь неизбежно будет актуализироваться по всем вопросам. Естественно, будут пристально рассматриваться проблемы внешней экономической модели. Вошедший в легенды подсчет «дебета и кредита» имеет и внешнеэкономическое измерение. «Анализ платежного баланса Республики Беларусь за 2005–2017 гг. показал, что экономи-

¹ Лукашенко не ждет многого от ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/03/01/lukashenko-ne-zhdet-mnogogo-ot-eaes.html>

² Шрайбман А. Мираж конфедерации. Что реально в новом интеграционном проекте Минска и Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/79856>

³ Там же.

ка страны на данный момент имеет ряд проблем, требующих принятия необходимых мер, о чем в первую очередь свидетельствует хроническое отрицательное сальдо по счету текущих операций. Несмотря на то, что по итогам 2017 г. его доля в ВВП снизилась до 1,7% (при критических 3%), это не является поводом для ослабления регулирующих мер» [7, с. 94].

Перед представителями либерального крыла белорусской экономической общности стоит практически нерешаемая задача: доказать, что существующая модель экспортно-импортных операций с Россией невыгодна Беларуси. Впрочем, еще более сложная задача — предложить альтернативные модели. Смелые проекты «нефть через Польшу, газ через Катар» могли бы быть предметом для дискуссий, если бы не уже реализованный украинский «опыт».

Обмануть объективно существующую экономическую географию и географию транспортных путей трудно, причем, и вернуть климат доверия в экономических переговорах не просто.

Зависимость во внешнеэкономической сфере предполагает детальное изучение страноведческой информации, комплексную регионоведческую подготовку специалистов, а это в настоящее время уже проблема и в Москве, и в Минске [5]. Необходимо комплексное исследование двусторонних связей в экономике и эффективное развитие гуманитарного сотрудничества, которое, в ряде случаев, первично и более значимо.

Российско-белорусская экономическая модель нуждается в качественном и внимательном аудите. Вопрос только в том, что на сегодняшний день является приоритетом политического руководства Республики Беларусь? Фантазии «Минского диалога» под блеск софитов или скучная каждодневная бухгалтерская работа, которая способна дать объективный ответ на вопрос о состоянии двух экономик и наличии зависимостей между ними.

Литература

1. Белоусов А. В. Международная торговля: импортоспособность экспорта республики Беларусь как фактор участия в глобальных цепочках создания стоимости // Белорусский экономический журнал. 2016. № 3. С. 63–80.
2. Глазьев С. Ю. О новом этапе евразийской экономической интеграции // The Eurasian. 2019. № 28–29. С. 26.
3. Дайнеко А. Е. Геоэкономические приоритеты Республики Беларусь. Минск : Беларуская наука, 2011.
4. Комков В. Эффективность и устойчивость экономического роста // Банковский вестник. Зима 2017. С. 3–10.
5. Максимцев И. А., Межевич Н. М., Разумовский В. М. Зарубежное регионоведение: вопросы теории и информационного обеспечения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5-1. С. 7–14.
6. Максимцев И. А., Межевич Н. М. Новые характеристики мировой экономики как условия развития мировой интеграции // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. 2018. С. 173–175.
7. Огур М. В. Эволюция платежного баланса Республики Беларусь // Экономика. Управление. Инновации. 2018. № 2. С. 87–94.
8. Суздальцев А. Сменит ли евразийский экономический союз союзное государство Белоруссии и России? // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 8. С. 71–75.
9. Хамчуков Д. Ю., Куликович К. Г. Влияние общего рынка государств — членов ЕАЭС на развитие обрабатывающей промышленности республики Беларусь // Белорусский экономический журнал. 2018. № 1. С. 4–34.
10. Шадурский В. Беларусь — Европейский союз: ответственное соседство [Электронный ресурс] // Балтийский курс. Лето 2003. URL: <http://www.baltkurs.com/new/rus/index.htm?read=216>.
11. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Анализ экономической модели Республики Беларусь: контекст государств Прибалтики // Управленческое консультирование. 2018. № 11. С. 35–43.

12. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Проблема суверенности и принятие экономических решений в Союзном государстве: некоторые вопросы теории и практики 2018–2019 гг. // Управленческое консультирование. 2019. № 2. С. 8–15.
13. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Внешнеполитическое сотрудничество в практиках Союзного государства и вызовы международной политики // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 11–18.
14. Шимов В. Н. Развитие экономики Беларуси: состояние, проблемы, абрис перспективной трансформации // Белорусский экономический журнал. 2014. № 2. С. 4–15.
15. VI Международная экономическая конференция «Евразийская экономическая перспектива» : сборник докладов / под ред. д-ра экон. наук, проф. И. А. Максимцева. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. 194 с.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Максимцев Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; rector@unepcon.ru

Межевич Николай Маратович, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), главный научный сотрудник Института Европы РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Belousov A. V. International Trade: Import-intensive exports of the Republic of Belarus as a factor of participation in global value chains // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2016. No. 3. P. 63–80. (In rus)
2. Glazyev S. Y. On the New Stage of Eurasian Economic Integration // The Eurasian. 2019. No. 28-29. P. 26. (In rus)
3. Daineko A. E. Geoeconomic priorities of the Republic of Belarus. Minsk : Belarus Science, 2011. (In rus)
4. Komkov V. Efficiency and Sustainability of Economic Growth // Banking messenger [Bankovskii vestnik]. Winter 2017. P. 3–10. (In rus)
5. Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M., Razumumovsky V. M. Foreign Regional Studies: Issues of Theory and Information Support // News of St. Petersburg State Economic University [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2019. No. 5-1. P. 7–14. (In rus)
6. Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M. New characteristics of the world economy as conditions for the development of world integration // Russia: trends and prospects for development [Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya]. Year-book. 2018. P. 173–175. (In rus)
7. Ogur M. V. Evolution of the Balance of Payments of the Republic of Belarus // Economics. Management. Innovations [Ekonomika. Upravlenie. Innovatsii]. 2018. No. 2. P. 87–94. (In rus)
8. Suzdaltsev A. Will the Eurasian economic union replace the Union State of Belarus and Russia? // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2013. No. 8. P. 71–75. (In rus)
9. Hamchukov D. Y., Kulikov K. G. Impact of the common market of the EAEU member states on the development of the manufacturing industry of the Republic of Belarus // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2018. No. 1. P. 4–34. (In rus)
10. Shadursky V. Belarus — European Union: Responsible Neighborhood [Electronic Resource] // Baltic Course [Baltiiskii kurs]. Summer 2003. URL: <http://www.baltkurs.com/new/rus/index.htm?read=216>. (In rus)
11. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Analysis of the economic model of the Republic of Belarus: context of the Baltic States // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. No. 11. P. 35–43. (In rus)
12. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Problem of the Sovereignty and Economic Decisions Adoption in the Union State: Some Questions of the Theory and Practice of 2018–2019 // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. No. 2. P. 8–15. (In rus)

13. Shamakhov V.A., Mezhevich N.M. Foreign Policy Cooperation in the Practices of the Union State and Calls of International Policy // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. No. 10. P. 11–18. (In rus)
14. Shimov V.N. Development of Belarus Economy: State, Problems, Abris of a Promising Transformation // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2014. No. 2. P. 4–15. (In rus)
15. VIth International Economic Forum “Eurasian Economic Perspective”: collection of reports/ edited by I.A. Maksimtsev. SPb. : Publishing house of SPbSUE, 2019. 194 p. (In rus)

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhova@ranepa.ru

Igor A. Maksimtsev, Rector of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; rector@unecon.ru

Nikolay M. Mezhevich, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Концепция взаимоотношения власти и личности в Конституции Российской Федерации: итоги развития и современные проблемы

*Мерешкин Д. Е., Разуваев Н. В.**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *nrasuvaev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены некоторые аспекты концепции взаимоотношения власти и личности, принятой за основу в Конституции Российской Федерации 1993 г. Как показывают авторы, данная концепция определяет принципы взаимодействия человека и государства в экономической, социально-политической, культурной и иных сферах жизни общества. Одновременно она является идейным фундаментом общественного и государственного строя в Российской Федерации. Как показано в статье, комплекс идей, воспринятых Конституцией Российской Федерации, имеет универсальное значение и общечеловеческую ценность. Вместе с тем в любом обществе существуют свои объективные предпосылки, влияющие на реализацию конституционных положений в конкретных отношениях.

В работе обсуждаются дискуссионные вопросы, имеющие научное и практическое значение в условиях информатизации современного российского общества. Одной из наиболее важных проблем является защита частной жизни, личной информации, а также личной и семейной тайны. Рассматривается «право на забвение», гарантированное законодательством ряда стран, в том числе российским законодательством. Как показывают авторы, реализация данного права связана с серьезными трудностями, обусловленными отсутствием законодательных механизмов его реализации. В частности, требуют осмысления методы разрешения коллизии права на забвение и права на свободу информации, гарантированного Конституцией Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, суверенитет человеческой личности, эпоха Просвещения, социальная эволюция, приоритет международного права, конституционные права и свободы, «право на забвение»

Для цитирования: Мерешкин Д. Е., Разуваев Н. В. Концепция взаимоотношения власти и личности в Конституции Российской Федерации: итоги развития и современные проблемы // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 17–27.

The Concept of the Relationships of Power and Person in the Constitution of the Russian Federation: Results of Development and Contemporary Problems

*Dmitriy E. Mereshkin, Nikolay V. Razuvaev**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; *nrasuvaev@yandex.ru

ABSTRACT

This article examines some aspects of the relationship of power and person, adopted the Constitution of the Russian Federation 1993 year. The authors show that this concept defines the principles of human interaction and the State in economic, socio-political, cultural and other spheres of society. At the same time, it is the ideological foundation of the social and political system in the Russian Federation. As shown in the article, the set of ideas, the Constitution of the Russian Federation, having universal significance and universal value. However, in any society, there are certain objective conditions that affect the implementation of constitutional provisions in specific ways.

The paper discusses discussion issues of scientific and practical importance in the context of the informatization of modern Russian society. One of the most important challenges is to protect the privacy of personal information as well as personal and family secrets. Considered the "right to be forgotten", guaranteed by the legislation of a number of countries, including the Russian legislation. As the authors show, the implementation of this right is associated with serious difficulties due to the lack of legislative mechanisms for its implementation. In particular, require a reflection on how to resolve conflicts of right to oblivion and the right to information guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, the sovereignty of the human person, the Age of Enlightenment, social evolution, the primacy of international law, constitutional rights and freedoms, the "right to be forgotten"

For citing: *Mereshkin D. E., Razuvaev N. V.* The Concept of the Relationships of Power and Person in the Constitution of the Russian Federation: Results of Development and Contemporary Problems // Administrative consulting. 2019. N 10. P. 17–27.

Всенародное голосование по принятию российской Конституции, состоявшееся 12 декабря 1993 г., стало переломной вехой в развитии нашей страны. Действующая Конституция не только заложила основы общественного и государственного строя, но и сформулировала принципиально новую (в сравнении с предшествующим советским периодом) концепцию взаимоотношения власти и личности, в которой именно личности отдается безусловный приоритет. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ, права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека принадлежат к числу важнейших обязанностей государства¹. Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении основных идей, составляющих содержание данной концепции и некоторых ее проблемных моментов, обусловленных реалиями XXI в.

Нормативное закрепление этих идей в Конституции, являющейся основным законом страны, представляется исключительно важным фактором развития современного российского общества. Можно согласиться с мнением Е. В. Титовой, по словам которой: «Именно конституционное право, традиционно сочетающее в себе правовое и политическое начала, и более того — обладающее возможностями для установления баланса между правом и политикой, должно сформировать синтезированную концепцию взаимодействия личности и государства» [11, с. 70].

Одновременно нельзя забывать и о том, что концепция взаимоотношения власти и личности стала итогом длительной идейной и политической борьбы, в ходе которой примат прав и свобод человека медленно, с немалыми трудностями, завоевывал признание на законодательном уровне. Более того, до сих пор находятся авторы (в том числе, к сожалению, и некоторые юристы), стремящиеся оспорить его под предлогом несоответствия сформулированных в Конституции РФ прав и свобод «этнокультурной идентичности» российского общества, «исторической самобытности русского народа» и т. п. Очевидна несостоятельность подобных утверждений, опровергнутых самим ходом мировой истории, чей вектор направлен в сторону глобализации и сближения национальных правовых систем на основе всеобщего признания основных прав и свобод человеческой личности.

Концепция взаимоотношения власти и личности вобрала в себя важнейшие достижения конституционного развития не только России, но и стран континенталь-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). С учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

ной Европы, а также англосаксонского мира. Движение в направлении конституционного закрепления основных прав и свобод человека началось, как известно, еще в эпоху Просвещения, когда стало утверждаться непреходящее значение человеческой личности, выступающей тем фундаментом, на котором основан социальный порядок. Вот почему в любой стране именно с признания и защиты прав человека начинается формирование реальных конституционных механизмов, регулирующих взаимодействие государства, общества и индивида.

Известно, что основой современного конституционализма (с его принципом приоритета прав человека) стали идеи, развернуто сформулированные в трудах таких философов, как Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др. [4; 6; 10]. Именно они впервые выдвинули и обосновали принципы политической свободы, народного суверенитета, разделения властей, неотчуждаемых естественных прав, неприкосновенности личности и собственности, то есть все те положения, которые составляют содержание конституционного строя в любом демократическом правовом государстве. Именно в таком государстве, полагал Дж. Локк, господствует законность, а каждый человек обладает свободой, необходимой и достаточной для того, чтобы «распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется и, таким образом, не подвергаться деспотической воле другого и свободно следовать своей воле» [4, с. 293].

Рассматриваемые идеи получили свое юридическое оформление в одном из самых ранних конституционных документов — английском Акте о лучшем обеспечении свободы подданного и предотвращении заточения за морями 1676 г., известном как Хабеас корпус акт. Наряду с Биллем о правах 1689 г. он стал документом, впервые закрепляющим широкий круг прав и свобод и устанавливающим всеохватывающую для своего времени систему их юридических гарантий. Историческое значение Хабеас корпус акта состояло в том, что он не только обеспечил право на неприкосновенность личности, установив гарантии защиты от незаконного ареста, задержания, а также иных ограничений личной неприкосновенности, но и предусмотрел независимость судебной власти, без чего сами эти гарантии не были бы достаточно эффективными [17, р. 197]. Подданными британской короны независимые суды с тех пор воспринимались в качестве краеугольного камня, на котором зиждется конституционный правопорядок. Вот почему любые попытки ограничить независимость судебной власти вызывали в обществе самый решительный отпор. Так, одной из главных причин Славной революции 1688 г. стали попытки короля Якова II при поддержке лорд-канцлера Дж. Джеффриса влиять на приговоры, выносимые судами [18, р. 260–262].

Мощным стимулом конституционного закрепления концепции взаимоотношения власти и личности в странах Европейского континента стали события конца XVIII и первой половины XIX вв., — прежде всего Великая французская революция и революция 1848 г., положившие конец абсолютизму и утвердившие народовластие, пусть еще в достаточно несовершенно виде. Данные процессы сделали неизбежным замену множества восходящих к средневековому обычному праву и нередко противоречивших друг другу законов, регулировавших организацию верховной власти, едиными конституционными актами, представлявшими собой сравнительно небольшие по объему тексты, имеющие логически последовательную и непротиворечивую внутреннюю структуру (примерами чему могут служить уже первые французские конституции 1791, 1793 и 1795 гг.).

В этих конституциях проявилось присущее континентальному, романо-германскому праву стремление к систематизации юридических норм в рамках единого кодифицированного акта, каковыми являлись европейские конституции. Подобный подход кардинально отличался от англосаксонского института «неписаной конституции»,

вызванного к жизни в специфических условиях прецедентного права. Данное различие проявилось уже на терминологическом уровне. А именно, если конструкция правового государства (Rechtsstaat), получившая распространение в странах континентальной Европы и в России, предполагает конституционное закрепление понятия признаков и полномочий государства, то англо-американская доктрина правления права (the rule of law) видит в праве внешний по отношению к государству фактор, ограничивающий его властные прерогативы [1, с. 105; 3, с. 12].

В любом случае, исторический опыт и практика свидетельствуют о многообразии путей и направлений движения к утверждению конституционных прав личности в различных обществах. Во всемирно-историческом плане оно соответствует многовекторности эволюции человеческих сообществ, каждое из которых (при всем закономерном несходстве конкретных условий развития) движется к одной и той же общей для всего человечества цели, а именно к достижению максимально возможной свободы в общественной, в том числе в политико-правовой, жизни [22, р. 28].

Мультилинейность и вариативность исторического процесса не только не препятствуют, но, напротив, способствуют достижению указанной цели, позволяя выработать для этого оптимальные в соответствующих социальных и культурных условиях средства. Последнее определяется особенностями политической жизни общества, его социально-экономическим устройством, историческими и культурными традициями, в частности, укорененным в данной культурной среде отношением к праву и правам человека. Важно подчеркнуть, что в каждом конкретном обществе существуют свои объективные предпосылки, закрепляемые в конституционном акте. Именно поэтому конституция, сколь бы совершенными образцами ни руководствовались ее создатели, не может находиться выше социальных факторов, обуславливающих ее действие.

В частности, невозможно подходить к социальным порядкам, лежащим в основе конституционного строя и определяющим концепцию взаимоотношения власти и личности, с внеисторическими мерками. Конкретные представления о сущности человека, равно как и набор прав и свобод, соответствующий этим представлениям, видоизменяются на разных ступенях развития общества. Есть основания утверждать, что под воздействием культурного и экономического прогресса расширяется и круг правовых притязаний личности, юридически оформляемых в конституционных правах и свободах. Особого внимания заслуживает антропологический фактор эволюции прав и свобод, который в последние годы (в свете фундаментальных положений постклассического правопонимания) привлекает к себе все большее внимание юристов [15, с. 391].

Его роль в формировании (конструировании) социальной реальности трудно переоценить. Формируя структуры человеческого сознания, социальная реальность как совокупность объективных условий сама испытывает воздействие со стороны этих структур, имеющих универсальный характер. Это позволяет видеть в них причину процессов социокультурной эволюции [19; 20, р. 161]. В частности, одним из важнейших инструментов конструирования социальной реальности служит язык, представляющий собой, в широком смысле, упорядоченную последовательность знаков и правила ее организации. Система таких правил (именуемая грамматикой) обладает способностью к самопорождению.

Как показал американский лингвист Н. Хомский, в основе любых конкретных грамматик лежат универсальные синтаксические структуры, укорененные в психофизиологических способностях («компетенциях»), присущих любому человеку [12, с. 412–457]. Более того, в литературе высказывалась небезосновательная гипотеза, что теми же правилами определяется кодирование не только социокультурной информации в человеческом языке, но и информации биологической в молекулах ДНК, представляющих собой элементарный аналог биохимического «языка». Таким

образом, кодирование информации на основе самогенерирующейся системы правил выступает стимулом не только социальной, но и биологической эволюции [16, с. 39]. Из сказанного с неизбежностью напрашивается вывод о том, что человеческое существо во всем многообразии его потребностей и интересов, легитимируемых в конституционных правах и свободах, представляет собой сложное переплетение всеобщих (общечеловеческих), особенных (социокультурных) и индивидуальных характеристик. Учет этих характеристик в их единстве и многогранности представляет собой первоочередное требование к концепции взаимоотношения власти и личности, о которой идет речь.

Перечисленные обстоятельства, лежащие в плоскости самой социальной реальности, должны находить адекватное отражение в тексте конституции. Иначе разрыв между конституционной нормой и реальной правоприменительной практикой, или, иными словами, между «формально-юридической» и «фактической» сторонами конституции [5, с. 2–4], станет причиной ее чисто декларативного характера, оказывающего лишь самое поверхностное воздействие на складывающиеся отношения. Во многом это актуально и для современной России, поскольку положения Основного закона не в полной мере находят свое юридическое воплощение в правовой системе, а правовая система, в свою очередь, не отвечает вызовам развития современного общества.

Отмеченный разрыв между конституционной нормой и социальной практикой особенно наглядно проявляется в закреплённых Основным законом базовых характеристиках государственной власти. Уже в п. 1 ст. 1 Конституции РФ установлено, что Российская Федерация является демократическим правовым федеративным государством с республиканской формой правления. Носителем суверенитета и единственным источником власти в России признается ее многонациональный народ (п. 1 ст. 3). Приведенные положения, касающиеся основ конституционного строя, согласно ст. 135 Конституции, не подлежат пересмотру иначе, как путем созыва Конституционного Собрания и принятия нового Основного закона. Между тем существует немало примеров того, как даже базовые нормы подвергаются имплицитной трансформации посредством доктринальных интерпретаций. Комментируя такие, далеко не всегда корректные, интерпретации Основного закона, С. А. Цыпляев отмечает: «Каждый, кто предлагает смести действующую конституцию и начать с чистого листа, должен спросить себя: уверен ли он, что удастся удержать заявленный в конституции объем прав и свобод под натиском сторонников авторитарной модели, объем полномочий местного самоуправления и регионов под натиском адептов централизации?» [13, с. 24].

Хрестоматийным примером является положение п. 4 ст. 15 Конституции, в соответствии с которым общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Таким образом, Основной закон закрепляет примат международного права над нормами национального законодательства. Эта недвусмысленно сформулированная норма в последние годы вызывает оживленные дискуссии в юридическом сообществе. Наибольшей остротой при этом обладает вопрос: распространяется ли примат общепризнанных принципов и норм международного права на положения самой Конституции или же его следует трактовать ограничительно, полагая, что международное право имеет верховенство в отношении любых отраслевых законов, но не в отношении Основного закона.

Последовательным сторонником данной точки зрения является, в частности, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, по словам которого: «Принципы государственного суверенитета и верховенства Конституции в правовой системе России относятся к основам ее конституционного строя... Кон-

ституция в ст. 15 устанавливает приоритет международного договора над положениями закона, но не над положениями Конституции» [2]. На сегодняшний день такой подход поддерживается значительной частью ученых и практикующих юристов. По сути, однако, остается открытым вопрос: если на положения Конституции не распространяется общее правило о примате международного права, чем тогда регламентируется и упорядочивается суверенная воля государства, базирующаяся на конституционных нормах?

На данный вопрос нередко отвечают, что сама же Конституция Российской Федерации, устанавливая широкий круг основных прав и свобод человека и гражданина, гарантирует и защищает личность от произвола со стороны государства. Речь идет, таким образом, о своеобразном «самоограничении» государственной власти, добровольно принимающей на себя обязательства признавать, соблюдать и защищать права и свободы личности [7, с. 177–178]. Приходится, однако, констатировать, что концепция «самоограничений» государства, устанавливаемых его Основным законом, не только сталкивается с целым рядом доктринальных трудностей, преодолеть которые ее сторонники оказываются не в состоянии, но и — в силу своей внутренней противоречивости — оказывается неэффективной при решении проблем, возникающих на практике.

В этом смысле вполне резонной представляется позиция А. В. Полякова, писавшего: «Проблема самоограничения власти не имеет отношения ни к суверенитету, отождествляемому с силой, ни к суверенитету, отождествляемому с правом. Самоограничение (самообязывание) в одном случае означает подчинение общим правилам, установленным извне (международным сообществом), в другом случае это означает подчинение собственным правилам, не опирающимся на внешнее признание. И в том, и в другом случае субъект (как физическое лицо, так и государство) имеет фактическую возможность нарушить взятое на себя обязательство, т. е. продемонстрировать тот вариант „суверенитета“, который отождествляется с силой как фактической возможностью действовать по собственному произволу. Но как в случае с физическим лицом, так и в случае с государством, действия, нарушающие установленные нормы, будут восприняты членами правового сообщества как правонарушение и будут являться основанием для применения ответных действий» [9, с. 314–315].

Многие из проблем, актуальных в настоящее время, обусловлены наличием «зазора» между буквой и духом Основного закона, с одной стороны, и тенденциями правоприменительной, а также судебной практики, с другой стороны. Противоречия в данной области влияют на реализацию важнейших прав и свобод человека, в том числе естественных прав, лежащих в основе всей правовой системы. Так, в ст. 23 Конституции установлено право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ограничение которого допускается только на основании судебного решения.

Данное право предполагает недопустимость прослушивания телефонных переговоров, вскрытия почтовых сообщений, а также совершение иных действий, нарушающих указанное право. Любые ограничения права на тайну переписки возможны лишь на основании решения суда, принятого в установленном законом порядке. Однако в соответствии с п. 3 ст. 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» установлено, что в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, допускается прослушивание телефонных и иных переговоров с обязательным уведомлением суда либо судьи в течение 24 часов¹.

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В ред. Федерального закона от 06.07.2016 № 374-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2016. № 28. Ст. 4558.

Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с изъятием из положения общей конституционной нормы, вводимым специальной нормой Федерального закона в целях предотвращения наступления тяжких общественных последствий. Неизбежность таких изъятий кажется очевидной, равно как и очевидно существование подобных чрезвычайных норм в законодательствах других стран. Тем не менее остается вопрос, являющийся камнем преткновения в ведущихся дискуссиях: насколько допустимо, пусть даже и в общественных интересах, предусматривать подобные законодательные изъятия из положений Конституции, являющейся Основным законом, обладающим высшей юридической силой и прямым действием. Однозначного ответа на данный вопрос пока нет и, скорее всего, не появится в обозримом будущем.

Особенно наглядной в данной связи является и другая коллизия, приобретающая актуальность в свете формирования в России институтов информационного общества. Часть 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции устанавливают право на тайну личной жизни. В числе иных личных прав и свобод оно гарантировано Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 от 04. 11. 1950 г., ратифицированной Федеральным законом от 30.03.1998 № 54-ФЗ¹. Согласно ст. 8 данной Конвенции каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Среди прочего право на тайну личной жизни предполагает недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. Данное право является незыблемым и охраняется всеми правовыми средствами, доступными государству. Однако в современных условиях распространение информации, в том числе имеющей конфиденциальный характер, в социальных сетях, а также в сети Интернет, без согласия человека, приобретает все более неконтролируемый характер, что создает серьезную угрозу праву на неприкосновенность и тайну частной жизни.

К сожалению, пока не выработано эффективных правовых средств, способных противодействовать нарушению данного права. «Право на забвение» как один из механизмов сохранения конфиденциальности частной жизни пока не получило активного распространения и судебной защиты, хотя судебная практика Европейского союза включает в себя ряд знаковых решений по делам, рассматривавшимся в последние годы. В частности, Европейский суд по правам человека, закрепивший и гарантировавший «право на забвение» рядом своих решений (*MM vs United Kingdom*, *Google vs Spain* и др.), пытается сформулировать критерии для нахождения оптимального баланса между интересами индивида, обладающего правом распоряжаться личными данными, и общественными интересами, которым, безусловно, отвечает требование свободного доступа к информации [21]. Тем не менее, несмотря на все усилия, пока не найден баланс между правом каждого человека на ограничение распространения информации, касающейся его личной жизни, и правом на получение достоверной информации, а также свободой слова, гарантированным конституцией. В частности, серьезной проблемой остается возможность злоупотребления правом на забвение, сохраняющаяся в ситуации отсутствия четких представлений о личной информации, доступ к которой индивид не может ограничивать в общественных интересах.

¹ СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

В качестве иллюстрации приведем показательную статистику запросов Google за 2014–2017 гг. Из более чем 2,5 млн запросов, отправленных в период с 2014 по 2017 г., критериям на удаление соответствовали только 43%. Подавляющее большинство обращений (89%) исходило от частных лиц, однако были и запросы от публичных персон и политиков. 15% всех запросов исходило от 0,25% заявителей. Обусловлено это тем, что за многими из этих людей стоят юристы и организации по управлению репутацией, представляющие интересы других людей. Если же разбирать, что именно просили удалить из поисковой выдачи, то в 31% случаев это персональные данные в соцсетях и справочных сервисах, а в 21% — юридическая история заявителя на новостных и правительственных сайтах. Чаще всего правом на забвение пользовались жители Германии, Франции, Италии и Великобритании. Так, во Франции и в Германии особо распространенной мерой было удаление информации из соцсетей и справочников, в то время как в Италии и Великобритании — с новостных сайтов.

С 1 января 2016 г. в России вступил в силу Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации и информационных технологиях и о защите информации“ и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»¹. Этот закон обязывает поисковые системы по заявлению гражданина и без решения суда удалять из результатов поиска ссылки на незаконную, недостоверную или неактуальную информацию о заявителе. За время действия закона Яндекс получил более 3600 обращений от 1348 человек. Распределение обращений по темам показано на рис. Не ставя под сомнение значимость рассматриваемого Федерального закона, целиком лежащего в русле законодательной, правоприменительной и судебной практики Европейского союза, отметим, что в России его последовательное применение в настоящий момент остается невозможным из-за отсутствия необходимой для этого нормативной базы [8].

Даже самый беглый анализ решений, вынесенных российскими судами, свидетельствует об их неоднозначности, обусловленной отсутствием единообразной судебной практики. В частности, по словам А. А. Чеботаревой: «При реализации норм законодательства, регулирующего соответствующие информационные отношения, данные нормы пока еще неоднозначно воспринимаются всеми участниками судебных процессов, что видно, к примеру, при решении вопроса об обязательности либо нет стадии досудебного урегулирования споров по делам данной категории» [14, с. 99].

Из сказанного напрашивается следующий вывод. По мере развития современного российского общества (в целом следующего общечеловеческим тенденциям) расширяется сфера индивидуальной свободы, на которую распространяется суверенитет личности. Это личное пространство (privacy) индивид вправе защищать любыми не запрещенными законом средствами. Одним из таких средств защиты является возможность ограничить или воспретить доступ к любой информации о человеке, его личности, частной и семейной жизни, входящая в содержание так называемого «права на забвение». Вместе с тем отсутствие действенных механизмов защиты (в том числе судебной) «права на забвение», равно как и отсутствие четких представлений о его пределах, препятствуют реализации данного права, остающегося скорее доктринальной категорией, чем реальным компонентом правовой действительности.

Представляется, что феномен «права на забвение» требует более глубокого изучения, способного не только повлиять на его законодательное регулирование, но и существенно скорректировать саму конституционную концепцию взаимоотношений власти и личности, являвшуюся предметом рассмотрения в настоящей статье.

¹ СЗ РФ. 2015. № 29. Ч. 1. Ст. 4390.

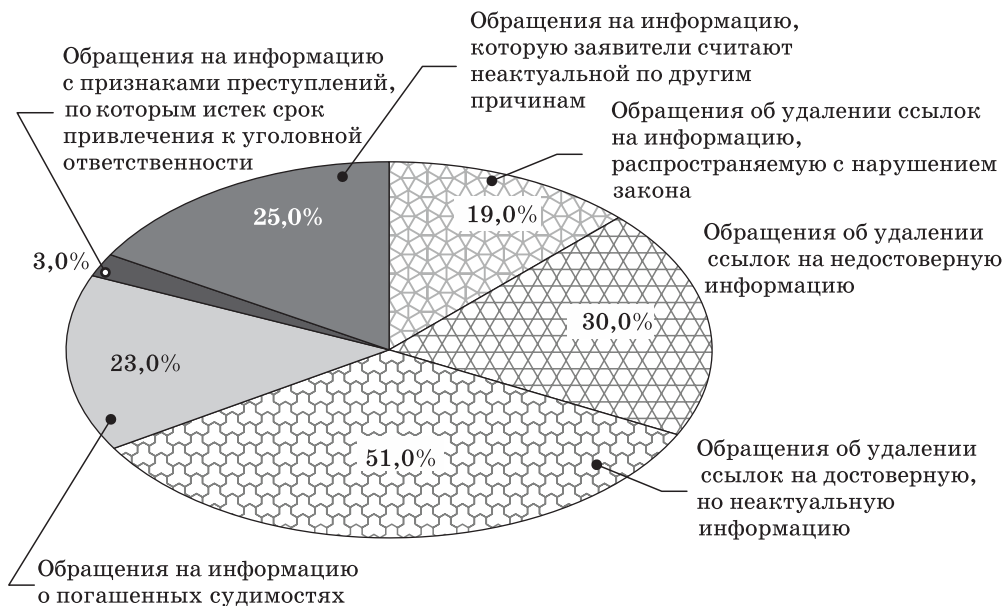

Рис. Распределение запросов на удаление информации о заявителе в Яндекс
 Fig. Distribution of requests to delete applicant information in Yandex

Литература

1. Арановский К. В., Князев С. Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. М. : Проспект, 2016.
2. Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. № 5325 (246).
3. Козлихин И. Ю. Право и политика // Козлихин И. Ю. Избранные труды. М. : Юридический центр-пресс, 2012. С. 7–194.
4. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч. В 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–405.
5. Макушин А. А. Сущность конституции // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 6. С. 2–4.
6. Монтескье Ш.-Л. О духе законов // Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. С. 159–730.
7. Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 1. Государство. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : НОРМА, 2007.
8. Пашенко И. Ю. Проблемы нормативного регулирования «права быть забытым» в сети интернет // Евразийская адвокатура. 2016. № 3. С. 106–113.
9. Постклассическая онтология права : коллективная монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016.
10. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М. : Наука, 1969. С. 151–256.
11. Титова Е. В. К вопросу о конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и человека // Lex Russica. 2018. № 11. С. 69–82.
12. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. М. : Издательство иностранной литературы, 1962. С. 412–527.
13. Цыпляев С. А. Конституционная реформа в Российской Федерации: за и против // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1 (1). С. 23–31.
14. Чеботарева А. А. Развитие правоприменительной практики в области правового обеспечения информационной безопасности личности (на примере реализации «права на забвение») // Успехи современной науки и образования. 2016. № 11. Т. 4. С. 97–100.
15. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.

16. Эбелинг В., Энгель А., Файстель Р. Физика процессов эволюции. М. : УРСС, 2001.
17. Dicey A. V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. 8th ed. London : Macmillan, 1931.
18. Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720. London : Penguin Books, 2006.
19. Hayek F. A. Sensory Order: an Inquiry into the Foundation of Theoretical Psychology. Chicago : The University of Chicago Press, 1963.
20. Hayek F. A. Studies in Philosophy, Politics and Economics. Chicago : The University of Chicago Press, 1967.
21. Myjer E., Kempees P. Lord of the cloud. The right to be forgotten; or, how the Internet raises new human rights questions and how one of them was recently answered by the Court of Justice of the European Union in Google vs Spain // *Mélanges en l'honneur de = Essays in honor of Dean Spielmann*. Oisterwijk : Wolf legal publishers, 2015. P. 411–427.
22. Steward J. H. Theory of Cultural Change. 2nd ed. Urbana : Universitet of Illinois Press, 1979.

Об авторах:

Мерешкин Дмитрий Евгеньевич, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук; mereshkin-de@ranepa.ru

Разуваев Николай Викторович, заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук; nrasuvaev@yandex.ru

References

1. Aranovsky K. V., Knyazev S. D. Rule of Law and the Rule of Law in the correlation of signs and meanings. М. : Prospect, 2016. (In rus)
2. Zorkin V. D. Limit of acquiescence // Russian newspaper. 2010. N 5325 (246). (In rus)
3. Kozlikhin I. Y. Law and Politics // Kozlikhin I. Y. Selected works. М. : Legal Press Center, 2012. P. 7–194. (In rus)
4. Locke J. Two treatises on government // Locke J. Essays. In 3 vol. М. : "Thought", 1988. V. 3. P. 135–405. (In rus)
5. Makushin A. Essence of the Constitution // Constitutional and municipal law. 2005. N 6. P. 2–4. (In rus)
6. Montesquieu S.-L. On the spirit of the laws // Montesquieu S.-L. Selected works. М. : State Political Publishing, 1955. P. 159–730. (In rus)
7. General theory of state and law. Academic course: in 3 vol. / ed. by M. N. Marchenko. V. 1. State 3rd ed. М. : NORMA, 2007. (In rus)
8. Pashchenko I. Problems of normative regulation «right to be forgotten» on the Internet // Eurasian law school. 2016. N 3. P. 106–113. (In rus)
9. Postclassical ontology is right. Collective monograph / ed. by I. L. Chestnov. St. Petersburg : Aleteia, 2016. (In rus)
10. Russo J.-J. On a social contract, or the principles of political law // Russo J.-J. Treatises. М. : Science, 1969. P. 151–256. (In rus)
11. Titova E. V. To the question of the constitutional and legal concept of interaction between the state and man // Lex Russica. 2018. N 11. P. 69–82. (In rus)
12. Homsy N. Syntax structures // New in linguistics. Vol. 2. М. : Foreign Literature Publishing House, 1962. P. 412–527. (In rus)
13. Tsyplyaev S. A. Constitutional reform in the Russian Federation: for and against // Theoretical and applied jurisprudence. 2019. N 1 (1). P. 23–31. (In rus)
14. Chebotareva A. Development of law enforcement practice in the field of legal security of the individual (on the example of the implementation of the «right to be forgotten») // Advances in modern science and education. 2016. N 11. V. 4. P. 97–100. (In rus)
15. Chestnov I. L. Post-classical theory of law. St. Petersburg : Aleph-Press, 2012. (In rus)
16. Ebeling W., Engel A., Faistel R. Physics of evolution processes. М. : URSS, 2001.
17. Dicey A. V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. 8th ed. London : Macmillan, 1931.
18. Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720. London : Penguin Books, 2006.

19. Hayek F.A. *Sensory Order: an Inquiry into the Foundation of Theoretical Psychology*. Chicago : The University of Chicago Press, 1963.
20. Hayek F.A. *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. Chicago : The University of Chicago Press, 1967.
21. Myjer E., Kempees P. Lord of the cloud. The right to be forgotten; or, how the Internet raises new human rights questions and how one of them was recently answered by the Court of Justice of the European Union in Google vs Spain // *Mélanges en l'honneur de = Essays in honor of Dean Spielmann*. Oisterwijk : Wolf legal publishers, 2015. P. 411–427.
22. Steward J.H. *Theory of Cultural Change*. 2nd ed. Urbana : Universitet of Illinois Press, 1979.

About the authors:

Dmitriy E. Mereshkin, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; mereshkin-de@ranepa.ru

Nikolay V. Razuvaev, Head of the Chair of Civil and Labor Law of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Law; nrasuvaev@yandex.ru

Открытость vs безопасность: приоритеты для государства и гражданского общества в условиях цифровизации

Баранов Н. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; nicbar@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цифровые технологии расширяют возможности для развития человека: повышается динамика жизни, создаются цифровые платформы в образовательных, научных, а также политических целях, возникают новые возможности для контроля за органами власти, совершенствуются коммуникативные практики. В то же время возникают новые опасности, которым подвержен человек. У государства и гражданского общества имеются как совпадающие, так и различающиеся задачи и приоритеты. Поэтому возникает необходимость выявления приоритетов для гражданского общества и государства в условиях технологических усовершенствований, связанных с цифровизацией.

Ключевые слова: информационная безопасность, киберпространство, технологии больших данных, цифровизация, цифровая платформа, цифровая экономика, цифровые трансформации

Для цитирования: Баранов Н. А. Открытость vs безопасность: приоритеты для государства и гражданского общества в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 28–36.

Openness vs Security: Priorities for the State and Civil Society in the Conditions of Digitalization

Nikolay A. Baranov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; nicbar@mail.ru

ABSTRACT

Digital technologies expand opportunities for human development: life dynamics are increasing, digital platforms are being created for educational, scientific, and political purposes, new opportunities for control over government bodies, and communicative practices are being improved. At the same time, there are new dangers to which a person is exposed. The state and the civilian have both coinciding and differing tasks and priorities. Therefore, there is a need to identify priorities for civil society and the state in the context of technological improvements related to digitalization.

Keywords: Information security, cyberspace, big data technologies, digitalization, digital platform, digital economy, digital transformations

For citing: Baranov N. A. Openness vs Security: Priorities for the State and Civil Society in the Conditions of Digitalization // Administrative consulting. 2019. N 10. P. 28–36.

Введение

В рамках информационного глобального общества мы вступили в этап прорывного развития цифровых технологий, связанных с прогрессом в областях микроэлектроники и телекоммуникаций, а также IT-технологий. Использование новых возмож-

ностей, предоставляемых цифровизацией, является одной из важнейших задач развития современных государств, в том числе России. Наряду с перспективами, открывающимися благодаря цифровым технологиям, перед людьми, государственными институтами, гражданским обществом, которые могут быть направлены для повышения качества жизни, решения управленческих задач, самореализации личности, возникают серьезные проблемы, связанные с вмешательством в частную жизнь человека, злоупотреблениями со стороны государства, использованием новых технологических возможностей с криминальными целями. Возникает дилемма между открытостью общества и государственных структур научно-техническому прогрессу и безопасностью личности, общества и государства в условиях широкого применения цифровых технологий в самых разнообразных сферах жизни.

Возможностям и проблемам цифровизации посвящают свои работы многие современные ученые — А. Банкрофт и П. С. Райт [9], О. Бьерг [10], С. Грингард [11], В. Майер-Шенбергер и В. Кукьер [3], С. Мански [12], Л. Сморгун [7], Дж. Шварц [13] и другие, которые предпринимают попытку осмыслить влияние цифровой революции на общественно-политические процессы в мире, роль государства в информационном обществе.

Целью работы является выявление приоритетов для гражданского общества и государства в условиях технологических усовершенствований, связанных с цифровизацией, кардинально меняющей картину мира.

Цифровизация как процесс

Цифровизация в современном мире все чаще рассматривается как многоаспектный процесс, охватывающий все сферы общественной жизни и характеризующийся широким распространением цифровых технологий, углублением дифференциации и распределением власти и влияния ключевых игроков в коммерческом сегменте цифровой экономики и одновременно оформлением цифрового публичного пространства и нового типа представительства — кибергосударства [8, с. 275].

В условиях цифровизации формируется качественно новый вид экономики — цифровая экономика [6]. Цифровая экономика — хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг¹.

По итогам заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. утвержден паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», включающий в себя шесть федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление». Срок реализации национальной программы: с октября 2018 г. по 2024 г.

В экономической, образовательной, научной и других сферах широкое распространение получило создание цифровых платформ, зачастую сочетающих в себе функции интернет-портала и социальной сети. В российской национальной про-

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=216363&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.187788578511266730> (дата обращения: 29.06.2019).

грамме развития цифровой экономики признается, что цифровые платформы, создаваемые гражданским обществом, чрезвычайно важны как источник открытых данных, значимых для выстраивания государственной экономической политики и обратной связи с населением. Например, в Москве широкое распространение получила платформа «Активный гражданин».

В более широком понимании «цифровая платформа — это система алгоритмизированных взаимовыгодных взаимоотношений значимого количества независимых участников определенной сферы деятельности, осуществляемых в единой информационной среде, приводящая к снижению транзакционных издержек за счет применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда» (Б. М. Глазков, вице-президент ПАО «Ростелеком») [4].

Капитализация компаний, активно использующих цифровые платформы (Apple, Microsoft, Facebook, Amazon, Google), значительно увеличилась, и к 2016 г. они вытеснили с первых мест таких гигантов, как General Electric, Exxon Mobile, Shell и др. Число пользователей крупнейших социальных сетей Facebook, WhatsApp, Youtube в 2018 г. перешло рубеж в миллиард человек, эти сети фактически обладают монополией на информацию.

Высокую значимость в условиях цифровизации приобретает экосистема цифровой экономики — партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти, организаций и граждан. Особое значение приобретает создание независимого программного обеспечения и сервисов для широкого использования гражданами, субъектами малого, среднего и крупного бизнеса, органами местного самоуправления и государственными органами, в том числе на основе обработки больших объемов данных, применения облачных технологий и интернета вещей.

Современные цифровые трансформации предполагают использование сетей связи нового поколения, под которыми понимаются технологические системы, предназначенные для подключения к сети интернет пятого поколения в целях использования в устройствах интернета вещей и индустриального интернета. Борьба за доступ на рынок высокоскоростного интернета происходит не только между IT-компаниями, но и между государствами. Мир сейчас наблюдает исход борьбы между США и Китаем за право диктовать правила на этом высокотехнологичном рынке.

Среди наиболее известных и значимых компонентов цифровых трансформаций являются облачные вычисления — информационно-технологическая модель обеспечения повсеместного и удобного доступа с использованием сети интернет к общему набору конфигурируемых вычислительных ресурсов («облаку»), устройствам хранения данных, приложениям и сервисам, которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены от нагрузки с минимальными эксплуатационными затратами или практически без участия провайдера, а также технологии больших данных (Big Data).

Обработка больших данных заключается в совокупности подходов, инструментов и методов автоматической обработки структурированной и неструктурированной информации, поступающей из большого количества различных, в том числе разрозненных или слабосвязанных, источников информации, в объемах, которые невозможно обработать вручную за разумное время. Речь идет о наличии технических возможностей анализа большого объема информации, измеряемой в терабайтах¹ и даже петабайтах².

Данная технология используется не только в экономических, но и в политических целях для анализа и управления поведением людей, продвижения политических

¹ Терабайт — 10^{12} байт, 2^{40} байт (1 099 511 627 776) или 1024 гигабайт.

² Петабайт — 10^{15} байт, 2^{50} байт.

программ и оценки их эффективности, мониторинга социальной и политической напряженности в различных регионах, выявления сетевых сообществ с определенными идеологическими предпочтениями [5, с. 288–289] и т. д.

Широкую известность получила история с частной английской компанией Cambridge Analytica, которая использовала технологию глубинного анализа данных для разработки стратегической коммуникации в ходе избирательных кампаний в интернете на выборах в США (использовались данные социальных сетей), а также при проведении референдума о выходе Великобритании из Евросоюза.

Безопасность — приоритет государства

Цифровизация предоставляет широкие возможности для государства, для бизнеса, а также для гражданского общества для создания открытого политического пространства, в котором все субъекты публичной политики могут создавать пространство доверия и взаимопонимания. Однако, как справедливо отмечает И. С. Иванов, «новые технологии, потенциально способные обеспечить прорыв в развитии политической демократии, на практике гораздо чаще становятся инструментом в руках безответственных правых и левых популистов. Формируются принципиально новые механизмы и алгоритмы манипуляции общественным мнением, навязывания обществу упрощенных представлений и стереотипов, предпринимаются постоянные и отнюдь не безуспешные попытки стирания граней между истиной и ложью, между информацией и пропагандой» [2, с. 70–71].

Угрозы, исходящие из киберпространства, затрагивают интересы бизнеса и каждого отдельного человека, использующего современные технологии. В России, как и во многих странах мира, новые технологии часто воспринимаются через призму порождаемых ими новых угроз и вызовов, а не создаваемых ими новых возможностей. Однако только от людей зависит, с какими целями будут применяться информационные технологии — во благо или во зло. Как справедливо отмечает Г. Л. Акопов, «в России сформировались своеобразные сетевые общественно-политические дискурсы, предопределяющие новые конфигурации обратной связи институтов гражданского общества с политической элитой страны. Интернет-коммуникации обеспечивают реальный режим диалога народа и власти и могут преодолеть отчуждение их друг от друга, способствуют восстановлению утраченного ими доверия друг к другу, вводя радикально другой паттерн равного — горизонтального и интерактивного — отношения между ними» [1, с. 132].

У государства и гражданского общества существуют свои потребности, отличающиеся, но в то же время, дополняющие друг друга. Так, в качестве приоритетных задач государства можно выделить следующие: контроль за внутриполитической ситуацией; совершенствование коммуникации с обществом; де бюрократизация деятельности государственных структур; повышение качества функционирования государственных институтов через предоставление в цифровой форме государственных услуг.

Гражданское общество, в свою очередь, нуждается в расширении возможностей для контроля за деятельностью государственных институтов и принятием политических решений; возможности непосредственного взаимодействия населения с разными властными уровнями; возможности быть услышанным властью; возможности повлиять на принятие решений в случаях личной или общественной заинтересованности.

Что делает государство?

В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2009 г. № 872-р был установлен Перечень государственных услуг и (или) функ-

ций, осуществляемых с использованием информационных и телекоммуникационных технологий (в том числе в электронном виде), включающий в себя 46 наименований¹.

Региональные власти также расширяют возможности предоставления цифровых услуг населению. Так, например, Постановление Правительства Московской области от 08.10.2015 № 919/38 «О Единой информационной системе обеспечения выполнения государственных функций и предоставления государственных услуг в сферах аккредитации, лицензионной и разрешительной деятельности, планирования и учета результатов контрольных мероприятий, в том числе учета выявленных административных правонарушений»², включает 36 наименований услуг, предоставляемых в электронной форме.

Кроме расширения возможностей для получения услуг, государство несет ответственность перед гражданами за создание безопасной информационной среды. В соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации под информационной безопасностью понимается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства»³. В соответствии с данным подходом к вопросам безопасности, российское государство определило национальные интересы в информационной сфере, включающие в себя:

- обеспечение и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечение информационной поддержки демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации;
- обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры;
- развитие в Российской Федерации отрасли информационных технологий и электронной промышленности, оказанию услуг в области обеспечения информационной безопасности;
- доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике РФ и ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире;
- содействие формированию системы международной информационной безопасности.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25.06.2009 № 872-р «О перечне государственных услуг и (или) функций, осуществляемых с использованием информационных и телекоммуникационных технологий (в том числе в электронном виде)» [Электронный ресурс]. URL: <http://bestpravo.com/federalnoje/dg-gosudarstvo/p9b.htm> (дата обращения: 12.06.2019).

² Постановление Правительства МО от 08.10.2015 № 919/38 «О Единой информационной системе обеспечения выполнения государственных функций и предоставления государственных услуг в сферах аккредитации, лицензионной и разрешительной деятельности, планирования и учета результатов контрольных мероприятий, в том числе учета выявленных административных правонарушений» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravosudie.biz/mo1/act7/760.htm> (дата обращения: 29.06.2019).

³ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/documents/10180/2563110/Ukaz_Prezidenta_Rossiiskoi_Federatsii_ot_05122016.pdf/b579d736-cb99-46ac-b4f7-a0b6bc102ed1 (дата обращения: 29.06.2019).

Следовательно, государственные органы власти решают задачи как защиты граждан от неправомерного вмешательства посторонних структур в личную жизнь человека, так и предоставление возможностей людям пользоваться информационными технологиями для собственного развития и в общественных целях.

Совместная деятельность государства и гражданского общества

Следует выделить несколько важных направлений применения цифровых технологий в интересах общества, которые обеспечиваются совместными действиями власти и общества. Рассмотрим их.

1) Российская общественная инициатива. Согласно Указу Президента Российской Федерации № 183 от 4 марта 2013 г. «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», были введены в действие правила рассмотрения общественных инициатив. За эти годы на сайте roi.ru была подана 50 531 инициатива. На 16 июня 2019 г. была зарегистрирована 15 351 инициатива. Всего за истекшее время было подано 20 585 600 голосов. При этом «ЗА» было подано 17 970 021 голосов, «против» — 2 615 479 голосов. С апреля 2013 г., в течение всего времени работы, сайт, который посетили 95,2 млн раз, оставался доступен для посетителей и участников РОИ. Двадцать пять процентов пользователей roi.ru — граждане в возрасте до 24 лет, 42% составляют люди 25–34 лет, 16% — от 35 до 44 лет, старше 45 лет — 17%. Среди пользователей 72% мужчин. Из 33 инициатив, по которым властью приняты решения, 19 набрали свыше 100 тыс. голосов «за»¹.

2) Становится распространенной практика оценки органов государственной власти и местного самоуправления на сайтах администраций субъектов федерации. Например, на сайте Правительства Ленинградской области с 2015 г. проводятся опросы населения под названием «Оцени власть!». Оцениваются как органы местного самоуправления Ленинградской области, так и деятельность самого областного правительства. В интернет-опросе по итогам 2018 г. приняли участие 1595 респондентов, которые высказали свое мнение о качестве услуг ЖКХ, качестве теплоснабжения, водоснабжения, газоснабжения, электроснабжения, качестве транспортного обслуживания, а также состоянием автомобильных дорог. Именно последняя позиция оказалась самой критикуемой: лишь 29% опрошенных удовлетворены качеством автомобильных дорог в области².

3) Платформа «Активный гражданин» (работает с 2014 г.) — система электронных опросов для выявления мнения горожан по актуальным вопросам, касающимся развития Москвы. Количество активных пользователей — около 2 млн чел. Проведено более 2,7 тыс. голосований, более 1,7 тыс. решений воплощено в жизнь (остальные — на стадии реализации)³.

Проблемы безопасности

В современных обществах на первый план выходят проблемы безопасности, что вполне объяснимо с точки зрения социальных приоритетов. В соответствии с ие-

¹ Порталу Российская общественная инициатива исполняется 6 лет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/news/79/> (дата обращения: 29. 06. 2019).

² Результаты опроса в 2018 году. Официальный сайт Правительства Ленинградской области [Электронный ресурс]. URL: <http://lenobl.ru/kontakty/interaktivnye-oprosy/rezultaty-provedeniya-oprosa-v-2018-godu/> (дата обращения: 29. 06. 2019).

³ «Активный гражданин». Официальный сайт Мэра Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/ag/> (дата обращения: 29.06.2019).

рархией потребностей американского психолога А. Маслоу потребности безопасности и порядка у индивида возникают после реализации физических потребностей и предшествуют социальным потребностям (в общении, дружбе и принадлежности к сообществу). Однако, как показывают реальное поведение людей и их мотивация, не существует жесткой, последовательной системы удовлетворения потребностей. В зависимости от смены ситуации, жизненных обстоятельств высшие потребности могут утратить доминирующее значение, а потребности более низкого порядка — приобрести для человека большую значимость.

В развитых обществах произошла именно такая трансформация потребностей: люди, стремящиеся к самореализации, для которых приоритетными стали постматериалистические ценности, вынуждены отказываться от части завоеванных свобод и возможностей в пользу безопасности ввиду угрозы их стабильному существованию. Причиной такого выбора стали террористическая опасность, неконтролируемая миграция, рост преступности, распространение экстремизма, национализма и неспособность государства адекватно отвечать на вызовы современности.

Проблематика безопасности распространяется в различных сферах жизни общества: в социально-экономической (экономическая, продовольственная, энергетическая безопасность); в сфере повседневности (безопасность жизнедеятельности); в области отношений человека с окружающим миром (экологическая, космическая безопасность). В конечном счете она начинает определять политическую повестку дня: все вопросы внутренней и внешней политики начинают рассматриваться через призму проблем безопасности.

Включение проблематики безопасности в новые сферы жизни общества — экологическую, экономическую, культурную, информационную — способствует легитимации чрезвычайных мер, предпринимаемых государством, что сказывается на ограничениях демократических процедур. В результате ценность безопасности начинает превалировать над всеми остальными политическими ценностями, детерминируя все сферы жизни.

В безопасности в равной степени заинтересованы и государство, и общество, и человек. Если в прежние времена безопасность сводилась лишь к безопасности государства, то во второй половине XX в. она стала распространяться и на общество, и на личность. Причем в деятельности Организации Объединенных Наций наблюдается тенденция в сфере определения угроз безопасности и мер противодействия им: приоритетом становятся интересы личности и гражданского общества. Логика такого приоритета заключается в том, что на основе обеспечения личной безопасности и возможности для ее гармоничного развития естественным образом возникает безопасность на государственном уровне, а также на международном и глобальном уровнях. Таким образом, возникает единый многоуровневый комплекс, включающий уровень безопасности личности, общества и государства. Такая трактовка безопасности появилась в Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН 8 сентября 2000 г.

Выводы

Современные технологии расширяют возможности для развития человека: повышается динамика жизни, создаются цифровые платформы в образовательных, научных, а также политических целях, возникают новые возможности для контроля за органами власти, совершенствуются коммуникативные практики. В то же время возникают новые опасности, которым подвержен человек.

Экспансия проблематики безопасности предполагает повышенный интерес экспертного сообщества к вопросам ограничения прав и свобод человека, демократических институтов и процедур. Осуществлять контроль за государственными

институтами может только гражданское общество, акцентирующее внимание на опасности вторжения государства и общества в частную жизнь человека, ограничении его прав и свобод, всевластии органов безопасности. Убедительная гражданская экспертиза, свидетельствующая об опасности для общества тотального контроля со стороны государственных структур, может стать действенным механизмом на пути расширения секьюритизации в политической практике. Поэтому современные формы демократии, апеллирующие к мнению народа — делиберативная, согласительная, мониторинговая, представляются перспективными в вопросах ограничения запретительных мер в ответ на возможные угрозы.

Поиск баланса между полномочиями специализированных органов по обеспечению безопасности личности, общества и государства и недопустимостью их вторжения в частную сферу является актуальным для современных стран. Именно в сочетании максимального использования возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями, с пользой для человека и безопасного информационного пространства, которое создается, в решающей степени, усилиями государства, видится эффективное развитие информационного общества в XXI в.

Литература

1. *Акопов Г. Л.* Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций : монография. М. : КНОРУС, 2013.
2. *Иванов И. С.* Как трава сквозь асфальт // Россия в глобальной политике. 2018. № 4. С. 70–78.
3. *Майер-Шенбергер В., Кукьер К.* Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим / пер. с англ. И. Гайдюк. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.
4. *Месропян В.* Цифровые платформы — новая рыночная власть [Электронный ресурс]. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=46781&p=attachment> (дата обращения: 29.06.2019).
5. *Полова О. В.* Технологии больших данных в публичной политике // Публичная политика: институты, цифровизация, развитие : коллективная монография / под ред. Л. В. Сморгунова. М. : Аспект Пресс, 2018. С. 286–294.
6. *Савина Т. Н.* Цифровая экономика как новая парадигма развития: вызовы, возможности и перспективы // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 3. С. 579–590.
7. *Сморгунов Л. В.* В поисках управляемости: концепции и трансформации государственно-го управления в XXI веке. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012.
8. *Тропинова Е. А.* Государство как платформа // Публичная политика: институты, цифровизация, развитие : коллективная монография / под ред. Л. В. Сморгунова. М. : Аспект Пресс, 2018. С. 275–285.
9. *Bancroft A., Reid P. S.* Challenging the techno-politics of anonymity: the case of cryptomarket users // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20. N 4. P. 497–512.
10. *Bjerg O.* How is Bitcoin Money? // Theory, Culture and Society. 2016. Vol. 33. N 1. P. 53–72.
11. *Greengard S.* Internet of Things. Cambridge : MIT Press, 2015.
12. *Manski S.* Building the blockchain world: Technological commonwealth or just more of the same? // Strategic Change. 2017. Vol. 26. N 5. P. 511–522.
13. *Schwarz J. A.* Platform Logic: An Interdisciplinary Approach to the Platform-Based Economy // Policy and Internet. 2017. Vol. 9. N 4. P. 374–394.

Об авторе:

Баранов Николай Алексеевич, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; nicbar@mail.ru

References

1. *Akopov G. L.* Internet and politics. Modernization of the political system on the basis of innovative political Internet communications: monograph. M. : KNORUS, 2013. 240 p. (In rus)

2. Ivanov I. S. Like grass through asphalt // Russia in global politics [Rossiya v global'noi politike]. 2018. N 4. P. 70–78. (In rus)
3. Mayer-Schenberger V., Kukier K. Big Data. A revolution that will change the way we live, work and think/ translation from English I. Gaidyuk, M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2014. 240 p. (In rus)
4. Mesropyan V. Digital Platforms — New Market Power [Electronic Resource]. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys> (In rus)
5. Popova O. V. Technologies of big data in public policy // Public policy: institutes, digitalization, development: the collective monograph / under the editorship of L. V. Smorgunov. M. : Aspect Press, 2018. P. 286–294. (In rus)
6. Savina T. N. Digital Economy as a New Paradigm of Development: Challenges, Opportunities and Prospects // Finance and Credit [Finansy i kredit]. 2018. V. 24. N 3. P. 579–590. (In rus)
7. Smorgunov L. V. In search of manageability: the concept and transformation of public administration in the 21st century. SPb. : Publishing house of SPbSU, 2012. 362 p. (In rus)
8. Tropinov E. A. State as a platform // Public policy: institutions, digitalization, development: collective monograph/under the ed. L. V. Smorgunov. M. : Aspect Press, 2018. P. 275–285. (In rus)
9. Bancroft A., Reid P. S. Challenging the techno-politics of anonymity: the case of cryptomarket users // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20. N 4. P. 497–512.
10. Bjerg O. How is Bitcoin Money? // Theory, Culture and Society. 2016. Vol. 33. N 1. P. 53–72.
11. Greengard S. Internet of Things. Cambridge : MIT Press, 2015.
12. Manski S. Building the blockchain world: Technological commonwealth or just more of the same? // Strategic Change. 2017. Vol. 26. N 5. P. 511–522.
13. Schwarz J. A. Platform Logic: An Interdisciplinary Approach to the Platform-Based Economy // Policy and Internet. 2017. Vol. 9. N 4. P. 374–394.

About the author:

Nikolay A. Baranov, Professor of Chair of the International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; nicbar@mail.ru

Формирование инновационной экономики в Швеции: особенности и перспективы

Захарова Н. В.¹, Лабудин А. В.², *

¹Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *labudin59@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются развитие и формирование инновационной экономики в Швеции. Рассмотрены особенности шведской экономики в целом, некоторые этапы ее становления и развития. Проанализированы основные достижения инновационной системы Швеции, а также причины значительных успехов Швеции в построении инновационной экономики. Определены сильные и слабые стороны инновационной системы этой страны.

Ключевые слова: Швеция, национальная инновационная система, инновационная экономика, инновационная политика государства, Исследования и Разработки

Для цитирования: Захарова Н. В., Лабудин А. В. Формирование инновационной экономики в Швеции: особенности и перспективы // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 37–48.

The Formation of the Innovative Economy of Sweden: Peculiarities and Prospects

Natalya V. Zakharova^a, Alexander V. Labudin^b, *

^aPlekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^bRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; *labudin59@mail.ru

ABSTRACT

In the article the performance & the formation of the innovation economy of Sweden are considered. The main peculiarities of the Swedish economy and also some stages of its performance and development are highlighted. The main achievements of the innovation system of Sweden and also the reasons for the success of the innovative economy in Sweden are analyzed. The strong & weak points of the innovation system of this country are determined.

Keywords: Sweden, national innovation system, innovative economy, innovative policy of the state, Research & Development (R&D)

For citing: Zakharova N. V., Labudin A. V. The Formation of the Innovative Economy of Sweden: Peculiarities and Prospects // Administrative consulting. 2019. N 10. P. 37–48.

Швеция является высокоразвитой скандинавской страной, лидером в Европе по очень многим параметрам. Это: производительность труда, квалификация рабочей силы, гибкость экономической политики страны, высокая конкурентоспособность страны в глобальной экономике. В XX в. Швеция развивалась неравномерно. Длительное время она была довольно отсталым государством с большим количеством социально-экономических проблем. 1960-е гг. XX в. стали временем подъема шведской экономики. Рост ВВП заметно ускорился. В целом в XX в. Швеция прошла путь от бедной аграрной страны с недемократическим парламентом до передовой постиндустриальной державы, ставшей одним из центров информационных технологий, современным правовым государством с устойчивой социально-политической системой.

С конца 1960-х гг. появился термин «шведская модель». «Шведская модель» характеризуется смешанным типом экономики (большие масштабы государственной собственности), сочетанием рыночных отношений с государственным регулированием, централизованной системой переговоров о заключении коллективных договоров между профсоюзами и предпринимательскими организациями. «Шведская модель» подразумевает также идеи выравнивания доходов, обеспечения равных возможностей и высокий уровень гражданской ответственности. Чаще всего экономисты определяют шведскую модель как сочетание полной занятости (уровень официальной безработицы — ниже 2% самодельного населения) и стабильности цен. Эта модель была представлена в начале 1950-х гг. и в определенной степени была использована социал-демократическими правительствами.

Кроме так называемой «шведской модели», среди причин, имевших большое значение для ускорения экономического развития Швеции, также можно отметить чрезвычайно низкий уровень коррупции в этом государстве и высокий уровень доверия к государственным институтам.

Вместе с тем важнейшим фактором экономического развития Швеции, определяющим в значительной степени ее высокую глобальную конкурентоспособность, является весьма развитая инновационная экономика и национальная инновационная система [2]. Прежде всего, нужно отметить серьезные вложения Швеции в НИОКР. Осознавая важность этих вложений для экономического развития страны, большая часть развитых государств наращивали затраты на науку и исследования, однако Швеция — особенно активно. Об этом свидетельствуют имеющиеся данные.

На рис. 1 мы можем видеть, что расходы на НИОКР в мире в последние годы стремительно нарастают. Если в 2005 г. доля НИОКР к ВВП составляла всего лишь 1,97%, то уже к 2015 г. значение достигло 2,23%. Такая тенденция говорит о стремлении всех развитых стран к формированию инновационной экономики.

Важно также отметить, что бесспорными лидерами в этих вложениях являются Израиль (расходы на НИОКР к ВВП составили 4,3% в 2017 г.), Южная Корея (4,2% в 2017 г.), Япония (3,3% в 2017 г.) и Швеция (3,3% в 2017 г.)¹.

Одним из важнейших индикаторов, оценивающих инновационную деятельность, является «Глобальный индекс инноваций» (рейтинг публикуется ежегодно), который характеризует соотношение затрат на инновации и соответствующий эффект по отдельным странам (табл. 1).

Как можно заметить, Швеция в этом рейтинге занимает 3-е место, опережая США и другие страны.

Все больше ученых уверены, что в современной системе мировой экономики активно формируется новая парадигма развития, которая базируется на реализации инноваций [3]. Мировой опыт показывает, что страны, успешно формирующие инновационную экономику и национальную инновационную систему, получают принципиальные конкурентные преимущества на мировой арене, что является одним из важнейших аспектов для любого государства в век высоких технологий [4].

Шведское государство смогло реализовать столь эффективную инновационную экономику по многим внутренним и внешним причинам. Что касается последних, то особое место тут занимает вступление этой страны в 1995 г. в Европейский союз [1]. Северное государство пользовалось различными видами региональных дотаций от ЕС для развития регионов. Благодаря реализации всех намеченных целей по развитию регионов, глобализации, либерализации международной торговли и технологического прогресса экономическая модель Швеции пережила огромные изменения за последние 20 лет. Эти изменения имели своей целью,

¹ Кноема: Расходы на НИОКР, в % к ВВП [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas/topics/> (дата обращения: 05.05.2019).

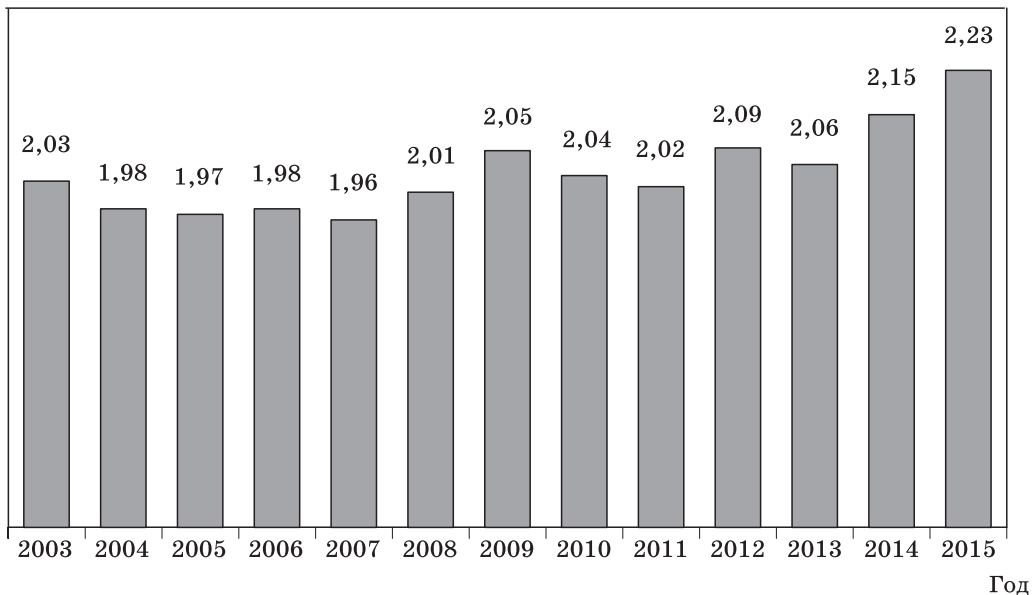

Рис. 1. Расходы на НИОКР в мире, в % к ВВП за 2003–2015 гг.
 Fig. 1. World R & D spending, % of GDP for 2003–2015

Источники: составлено автором на основе данных The World Bank, Research and development expenditure (% of GDP) [Электронный ресурс]. URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators> (дата обращения: 05.08.2018).

Таблица 1

Рейтинг стран в Глобальном инновационном индексе-2018
 Table 1. Ranking of countries in the Global Innovation Index 2018

Место в рейтинге	Страна
1	Швейцария
2	Нидерланды
3	Швеция
4	Великобритания
5	Сингапур
6	США
7	Финляндия

Источники: составлено автором на основе данных «The Global Innovation Index 2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/> (дата обращения: 02.05.2019).

во-первых, ускорить инновационное развитие в Швеции, во-вторых, укрепить позиции Швеции в современной высококонкурентной глобальной экономике.

Так, в 2004 г. правительство разрабатывает стратегию «Инновационная Швеция», включающую в себя целый комплекс мероприятий, стимулирующих поступательное развитие инновационной экономики. Эта стратегия предопределила последующие успехи в инновационном развитии страны. Важно отметить, что большая часть поставленных целей была достигнута. Благодаря стратегии «Инновационная Швеция»

государство смогло увеличить инвестирование в НИОКР. Однако стоит отметить, что недостаточно высокая коммерциализация научных разработок в течение ряда лет отрицательно сказалась на тенденции экспорта высокотехнологичных товаров.

Весьма значимым в успешном развитии инновационной экономики в Швеции было создание *эффективной национальной инновационной системы* (НИС). Важными составными частями в шведской НИС стали: Министерство образования и науки и Министерство предпринимательства и инноваций. К 2001 г. под их эгидой были образованы два крупных агентства: Шведское правительственное агентство по инновационным системам (VINNOVA)¹ и Шведский исследовательский совет, в задачи которых входила реализация основных направлений национальной инновационной политики.

Шведский исследовательский совет сосредоточен на поддержке и развитии фундаментальных научных исследований. VINNOVA сконцентрирована на укреплении сотрудничества между всеми факторами инновационной системы, поддержке исследовательских инициатив с последующим наблюдением и контролем над их реализацией, а также стимулировании международного сотрудничества. Кроме двух агентств существуют и другие специализированные советы, которые также оказывают поддержку и финансирование НИОКР. Другими важными составными частями шведской НИС также являются полугосударственные и частные исследовательские фонды, самостоятельно формирующие бюджеты. Примерами являются Фонд знаний (KKS), Шведский фонд стратегических исследований (SSF), Фонд стратегических исследований в области окружающей среды (MISTRA), Шведский фонд исследований в области здравоохранения и лечения аллергии (Vardal), Фонд Кнута и Алисы Валленберг, шведское общество по борьбе с раком и другие.

Отличительной особенностью модели шведского инновационного развития представляется сравнительно небольшое число научно-исследовательских институтов, которые впоследствии образовали холдинг «RISE group», целью которого является повышение эффективности использования кадровых, финансовых, материальных ресурсов. Однако в Швеции была нехватка учреждений, занимающихся прикладными НИОКР, поэтому эту роль взяли на себя университеты, которые получили финансовую поддержку от государства. В 1979 г. Парламент принял решение, что университет Швеции взял на себя три миссии: образование, фундаментальные исследования, взаимодействие с бизнесом.

Правительство Швеции не сделало сильный акцент на такие меры воздействия на инновационную экономику, как налоговые льготы и кредиты для бизнеса, осуществляющего НИОКР. Гораздо в большей степени государство стимулировало венчурное финансирование, государственные гарантии, грантовую поддержку на конкурсной основе в рамках национальных программ, оказание консультационных услуг, содействие в переподготовке кадров и многое другое. Данная политика благоприятно повлияла на развитие МСБ в инновационном секторе, стимулируя предпринимателей к развитию своих «новых идей».

Кроме того, в последние годы шведское правительство внесло существенные изменения в закон о государственных закупках с целью применения его как драйвера для внедрений инноваций в такие важные сектора, как инфраструктура, здравоохранение, социальное обеспечение и окружающая среда. Немаловажная роль отводится поддержке малого и среднего бизнеса в плане их участия в сфере исследований, разработок и осуществления международной деятельности — примерами таких программ являются «Исследуй и расти» и «VINN NU». Также созданы и функционируют различные организации, поддерживающие инфраструктуры:

- инвестиционные компании;

¹ VINNOVA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vinnova.se/en/> (дата обращения: 05.05.2019).

- «ALMI инвест», Фонд промышленного развития, «Investment AB Latour» и др.;
- центры по трансферу и технологий;
- «SNITTS», «KTH Innovation» и другие;
- агентства по привлечению инвестиций («Бизнес Швеция» и другие);
- сетевые организации, которые объединяют факторы «тройной спирали» (Предпринимательский форум в Швеции и др.).

Государственная организация «Статистическое управление Швеции» обстоятельно анализирует долю компаний, которые проявляют инновационную активность (рис. 2).

Хотя рисунок не показывает значительного увеличения доли инновационных компаний в общем количестве компаний, все же следует признать, что их количество очень высоко и превышает средний показатель по ЕС за соответствующий период. Также по этим данным видно, что большая часть инновационных компаний являются крупными (250 и более сотрудников). Это объясняется наличием большого объема транснациональных корпораций, таких как IKEA, VOLVO, ABB, Skype, H&M, Ericsson, Electrolux и др.

Перспективы развития инновационной экономики Швеции в значительной степени связаны с реализацией различных рамочных программ, как совместных с ЕС, так и внутренних. Так, в 2012 г. правительство Швеции принимает новую долгосрочную стратегию «Дорога к инновационному климату мирового уровня 2020», которая продолжает идею общеевропейского плана роста «Европа 2020». Стратегия ориентируется на повышение уровня жизни населения и обеспечение устойчивого развития. Уже к 2013 г. появляется дополнение к стратегии «Дорога к инновационному климату мирового уровня 2020» — «Горизонты 2020 — рамочная программа исследований и инноваций», представленная специалистами VINNOVA. В «Горизонты 2020» планируется интегрировать такие инструменты, как: Рамочная программа научно-технологического развития ЕС; Рамочная программа конкурентоспособности и инноваций; европейский институт инноваций.

Развитие инновационной экономики Швеции можно по праву назвать весьма динамичным, особенно по сравнению с другими странами ЕС. Продуманный подход к формированию экономики знаний, грамотная региональная политика и хорошая научно-исследовательская база, поддерживающая инновационную деятельность в стране, огромное количество ТНК позволили северному государству достичь высокой конкурентоспособности на мировой арене. Конечно же, участие в ЕС укрепляет инновационную политику государства посредством формирования рамочных программ, таких как «Европа 2020», «Горизонты 2020».

Отметим *главные особенности инновационной экономики в Швеции:*

- чрезвычайно высокий уровень коммерциализации разработок;
- очень высокие затраты на НИОКР как со стороны государства, так и частного сектора;
- сильный уровень поддержки МСБ в сфере инноваций со стороны как частного, так и государственного секторов, что влияет на формирование благоприятного инвестиционного климата;
- невысокий уровень использования налоговых инструментов регулирования инновационной экономики и сильный акцент на венчурное финансирование;
- важнейшая роль сектора информации в экономике страны;
- создание особой структуры — «RISE group» — объединения исследовательских университетов, которые отвечают за продвижение научных исследований и разработок;
- высокое количество предприятий, выпускающих инновационные продукты и услуги (выше, чем в среднем по ЕС);
- чрезвычайно значительные затраты на образование всех уровней в Швеции, как со стороны государства, так и частного сектора.

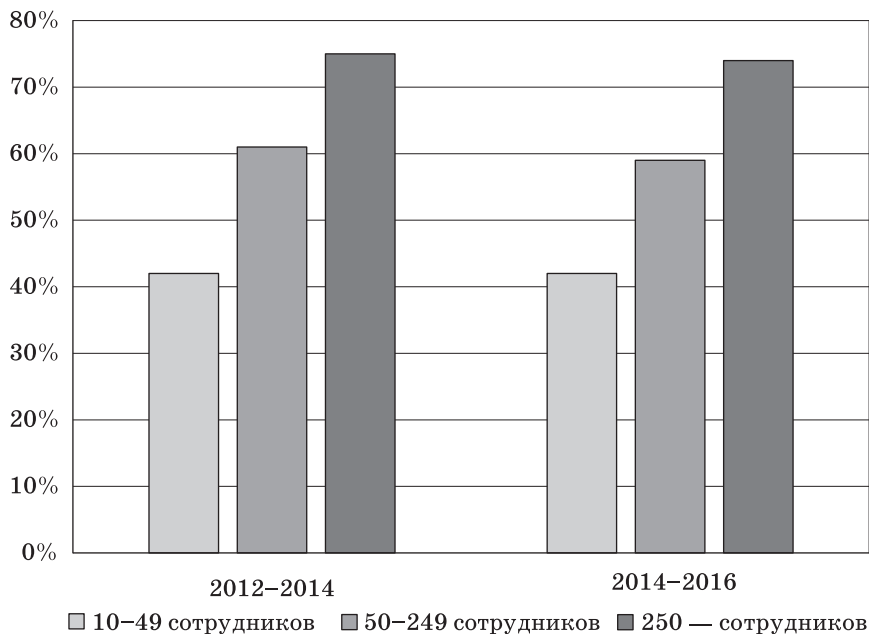

Рис. 2. Доля инновационных компаний в Швеции за 2012–2016 гг.
 Fig. 2. Share of innovative companies in Sweden in 2012–2016

Источник: Составлено автором по данным «Статистического управления Швеции» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scb.se/en/finding-statistics/statistics-by-subject-area/education-and-research/research/community-innovation-survey/pong/tables-and-graphs/enterprises-with-innovation-activities-and-type-of-innovation/> (дата обращения: 29.07.2018).

Посредством продуманной инновационной политики, правильно выстроенной национальной инновационной системы Швеция заняла достойное место по уровню развития инновационной экономики в Европейском союзе. Существует множество индикаторов инноваций, задачами которых является исследование уровня внедрения инноваций в различные отрасли, выявление потенциала развития страны или компании в области инноваций, формирование будущих стратегий на основе приведенных статистических данных и многое другое.

Система оценки инновационной деятельности для стран Европейского союза была разработана Комиссией европейских сообществ (КЕС), а именно директором КЕС по предпринимательству. Разработанная система не только анализирует уровень инновационной экономики, но и приводит сравнительный анализ ЕС с такими странами, как США и Япония¹. Уже с 2000 г. издается «Европейское инновационное табло» («European Innovation Scoreboard») и впоследствии публикуется на ежегодной основе. Индикаторы, образующие базу статистического исследования КЕС, постоянно пересматриваются и дополняются. В первом издании в систему показателей входили 20 индикаторов, разделенных на четыре группы:

- человеческие ресурсы (5 индикаторов);
- генерация новых знаний (4 индикатора);
- трансфер и использование знаний (4 индикатора);

¹ Global Innovation Index 2017 Report [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/> (дата обращения: 20.04.2019).

- финансирование инноваций, результатов инновационной деятельности (7 индикаторов)¹.

Изменения вносились впервые в 2005 г. исследовательским центром ОИЦ (Joint Research Centre) — категорий стало пять, а всего индикаторов 26. Но уже к 2017 г. количество индикаторов достигло отметки 28, а группировок стало вновь четыре. Рассмотрим более подробно индикаторы, которые использует КЕС для оценки инновационной деятельности (по данным European commission):

Базовые условия

1.1 Человеческий капитал

1.1.1 Выпускники — доктора наук на 1000 человек в возрасте 25–34.

1.1.2 Доля населения в возрасте 25–34: люди, получившие высшее образование.

1.1.3 Доля населения в возрасте 25–64 лет: люди, занятые образованием на протяжении жизни.

1.2 Привлекательность исследовательских систем

1.2.1 Международные научные публикации на 1 млн населения.

1.2.2 Доля иностранных студентов с докторской степенью.

1.3 Благоприятная инновационная атмосфера

1.3.1 Проникновение широкополосного интернета.

1.3.2 Возможности развития предпринимательства.

Инвестиции

2.1 Финансы и поддержка

2.1.1 Затраты на R&D (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) в государственном секторе.

2.1.2 Венчурное инвестирование.

2.2 Инвестиции компаний

2.2.1 Затраты на R&D в бизнес-секторе.

2.2.2 Затраты на инновации вне сферы НИОКР.

2.2.3 Предприятия, предоставляющие обучение в сфере ИКТ (информационно-коммуникационные технологии).

Инновационная деятельность

3.1 Инноваторы

3.1.1 МСП (малые и средние предприятия), реализующие продуктовые или процессные инновации (% от МСП).

3.1.2 МСП, реализующие маркетинговые или организационные инновации (% от МСП).

3.1.3 МСП, реализующие инновационную деятельность на внутреннем рынке (% от МСП).

3.2 Взаимодействие

3.2.1 Инновационные МСП, кооперирующиеся с другими МСП (% от общего числа МСП).

3.2.2 Публикации на 1 млн населения.

3.2.3 Затраты на софинансирование в R&D.

3.3 Интеллектуальная собственность

3.3.1 Заявки на патенты через РСТ (международная патентная система) на 1 млн населения.

3.3.2 Новые торговые марки на 1 млн населения.

Влияние

4.1 Влияние на занятость

4.1.1 Занятость в наукоемких отраслях (доля от всех занятых).

¹ European commission [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/facts-figures/scoreboards_en (дата обращения: 20.04.2019).

4.1.2 Занятость на быстроразвивающихся предприятиях (% от всех занятых).

4.2 Экономический эффект

4.2.1 Экспорт продукции средне- и высокотехнологичного производства (% от всего экспорта).

4.2.2 Экспорт высокотехнологичных услуг (% от всего экспорта).

4.2.3 Объем продаж товаров/услуг новых для рынка и новых для предприятий (% от оборота).

Комиссия европейских сообществ на основе данных индикаторов сформировала *Итоговый инновационный индекс SII (Summary Innovation Index)*, который осуществляет краткую оценку инновационной деятельности страны. SII рассчитывается на базе доступных индикаторов, их число варьирует от 12 до 28, в зависимости от страны. В идеале, данный индекс требует показатели всех 28 индикаторов, однако часть их недоступна в некоторых странах. Отметим, что SII основывается на относительных величинах, а не абсолютных показателях, следовательно, если значение SII одной страны больше в 2 или даже 3 раза, то это не означает, что абсолютные показатели инновационной деятельности будут различаться во столько же раз.

На основе SII страны подразделяются на четыре категории: инновационные лидеры, инновационные последователи, умеренные инноваторы, догоняющие страны. В табл. 2 видно, в какую группу входит та или иная страна — участница ЕС.

Таблица свидетельствует, что Швеция уверенно лидирует по большинству показателей, значимых для подсчета инновационности страны.

В совокупности рассмотренные индикаторы создают **базовые условия**, которые оказывают влияние на инновационный потенциал страны.

Большая часть населения Швеции реализует себя в наукоемких отраслях, и к 2018 г. по сравнению с 2009 г. прирост был значителен.

Большим успехам в сфере инновационной экономики Швеция обязана целенаправленным управленческим действиям, которые поддерживали, формировали тесную интеграцию между наукой, высоким уровнем обучения кадров и будущих специалистов в учебных заведениях и готовность правительства и частных предпринимателей инвестировать и внедрять инновации. Кроме того, немаловажно отметить, что главным отличием НИС Швеции от других стран является невысокий уровень налоговых льгот и кредитов для МСП, осуществляющих инновационную деятельность, данные инструменты заменяются венчурным инвестированием, государственной поддержкой, политикой грантов на конкурсной основе и т. д.

Европейский союз заинтересован в развитии каждой страны-участницы, так как только в таких условиях ЕС сможет достичь стабильного и динамичного развития. Главным инструментом в стимулировании роста и развития экономик являются рамочные программы по достижению различных целей. Специфика таких программ заключается в определенных сроках, поставленных целях и задачах, формировании необходимых инициатив и постоянного контроля со стороны ЕС. Таким образом, ЕС вывел в свет такие программы, как: «Европа 2020», которая нацелена на инновационное внедрение в различные отрасли жизнедеятельности; «Здоровье 2020» — в ней представлен социально-экономический императив для действий, четко демонстрирующий, что здоровье и благополучие — это неотъемлемые условия успешного экономического и социального развития¹; «Горизонты 2020», которые дополняют стратегию «Е2020» формируя совершенно новую систему инвестирования в инновационный сектор.

В первую очередь для оценки роли ЕС в инновационном развитии стран-участниц необходимо рассмотреть несколько рамочных программ, в полной мере влияющих

¹ ВОЗ «Здоровье 2020» [Электронный ресурс]. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0017/215432/Health2020-Long-Rus.pdf?ua=1 (дата обращения: 05.05.2019).

Группы стран ЕС по индексу SII в 2017 г.
Table 3. EU groups on the SII index in 2017

Группы	Лидеры роста	Средний темп роста	Малый темп роста
Инновационные лидеры	Швеция, Дания	Финляндия, Нидерланды	Германия, Великобритания
Инновационные последователи	Бельгия, Люксембург, Австрия	Ирландия, Франция	Словения
Умеренные инноваторы	Чехия, Португалия, Литва	Эстония, Испания	Мальта, Италия, Кипр
Догоняющие страны	Греция, Венгрия, Словакия	Латвия, Польша, Хорватия	Болгария, Румыния

Источники: Составлено автором по данным European commission: European Innovation Scoreboard 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/24829> (дата обращения: 02.05.2019).

на экономику знаний. Так, рамочная программа «Европа 2020», имеющая большое значение как для инновационного развития Швеции, так и для развития других стран ЕС, должна позволить участницам ЕС достичь устойчивой инновационной экономики, которая обеспечит динамичное развитие всех членов. В программе были определены три главных приоритета:

- «Smart growth»: формирование экономики, которая базируется на знаниях и инновациях;
 - «Устойчивый рост»: формирование ресурсоемкой, экологичной и конкурентоспособной экономики;
 - «Всеобъемлющий рост»: создание экономики с высокой занятостью и сплоченностью.
- В рамках данной стратегии страны ЕС должны достичь нескольких целей, из них важнейшие:

1. 75% населения в возрасте 20–64 лет должны иметь работу.
2. Расходы на НИОКР Европейского союза должны составлять 3% от ВВП.
3. К «20/20/20» поставленные задачи в вопросах энергии и климата должны быть достигнуты (сокращение выбросов должно уменьшиться на 30%).
4. Доля не получивших образование должна снизиться до 10%, и как минимум 40% представителей молодого поколения должны закончить высшее учебное заведение.
5. Численность людей, подвергающихся риску бедности, должна уменьшиться на 20 млн чел.

Достижение поставленных целей должно позволить странам ЕС обеспечить устойчивое развитие и формирование новой экономики знаний.

При рассмотрении стратегии «Европа 2020» важно отметить вдумчивый подход, который затрагивает важнейшие факторы формирования экономики знаний и борется с мировыми угрозами.

В первую очередь программа предопределяет формирование высокого уровня образования, который позволит создать не просто рабочую силу, а человеческий капитал, который сможет реализовывать свою деятельность в сфере НИОКР, а уже благодаря инвестициям со стороны ЕС будет происходить коммерциализация разработок, которые, в свою очередь, помогут сформировать совершенно новые продукты и услуги с высокой добавленной стоимостью. Для оценки влияния рамочной стратегии «Европа 2020» на развитие инновационной экономики Швеции интерес-

но рассмотреть промежуточные показатели, характеризующие поставленные цели (рис. 3).

На рисунке можно увидеть, насколько успешно северное государство смогло достичь намеченных целей в рамочной стратегии «Европа 2020». Одной из инициатив в «Европа 2020» является борьба с бедностью и безработицей. На данный момент показатель безработицы в стране снизился до 6,3%¹, что, несомненно, говорит о положительной тенденции. Высокий интерес к работе в Швеции характеризуется достойным уровнем заработной платы. Наиболее высокооплачиваемые вакансии в этой стране²: математик — заработная плата 71,961 тыс. долл.; бренд-менеджер — заработная плата 74,452 тыс. долл.; креативный директор — заработная плата 117,01 тыс. долл.

Высокий уровень образованности шведского населения является следствием развития экономики знаний ввиду формирования интереса к обучению, исследованиям, раскрытию креативного потенциала и разработкам. Более половины населения (51,3% населения в возрасте 30–34 лет) получили высшее образование в возрасте 30–34, тогда как лишь 7,1% населения не закончили высшие учебные заведения. Такая тенденция в первую очередь связана с качеством образования страны: Шведское правительство старается создавать наиболее благоприятную атмосферу, при которой каждый студент сможет не только изучать то, что действительно его интересует, но и проводить исследование и разработки, впоследствии осуществляя их коммерциализацию.

Отсутствие серьезных месторождений нефти и газа привели Швецию к осознанию, насколько важно формировать ресурсоэффективную экономику. Перед странами-участниками в стратегии «Европа 2020» стоит задача по максимизации использования возобновляемых источников энергии и уменьшению выбросов парникового газа. В рейтинге ССРП-2018³ Швеция заняла 4-е место благодаря снижению выбросов парниковых газов.

Таким образом, можно заключить, что рамочная стратегия «Европа 2020», безусловно, будет способствовать развитию инновационной экономики в Швеции, а также, возможно, позволит этой стране решить некоторые экономические проблемы и общие вопросы устойчивого развития.

В целом можно отметить, что шведский опыт создания инновационной модели развития в условиях эффективной национальной инновационной системы является уникальным. Ведущую роль в объяснении причин таких успехов принадлежит так называемой шведской экономической модели, о которой уже говорилось выше. В условиях чрезвычайно эгалитарного общества, которое удалось создать в Швеции, стало возможным сконцентрировать усилия на наиболее приоритетных направлениях развития высоких технологий, и выделения как государством, так и частным сектором, крупных сумм на эти цели.

Нужно учитывать также почти полное отсутствие коррупции и довольно низкий уровень развития теневой экономики, а также большое уважение к государству (что отличает шведское население). При этом большая часть поступлений от налогов направлялась на развитие высоких технологий, на образование населения, создание новой экономики в целом. Также можно отметить весьма эффективно работающую национальную инновационную систему, которая функционирует в условиях тесной координации всех ее элементов.

¹ Trading Economics. Unemployment rate [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/sweden/unemployment-rate> (дата обращения: 05.05.2019).

² Career addict [Электронный ресурс]. URL: <https://www.careeraddict.com/top-10-highest-paid-jobs-in-sweden> (дата обращения: 05.05.2019).

³ German watch. The Climate Change Performance Index [Электронный ресурс]. URL: <https://germanwatch.org/en/download/20503.pdf> (дата обращения: 05.05.2019).

Рис. 3. Швеция: положение на сегодняшний день и цели по стратегии «Европа 2020»

Fig. 3. Sweden: current situation and Europe 2020 goals

Источник: [Электронный ресурс]. <https://tradingeconomics.com/sweden/unemployment-rate> (дата обращения: 05.05.2019).

Что касается перспектив развития инновационной экономики в Швеции, то они в целом представляются достаточно благоприятными. Швеция поступательно и вдумчиво идет по пути инновационного развития. Об этом говорит как увеличение затрат на НИОКР, так и реализация целенаправленной политики во всех структурах шведской НИС. Безусловно, многое зависит и от внешних обстоятельств, от того, как эта страна будет приспосабливаться к условиям нарастания глобальной конкуренции. Однако все последние данные, касающиеся места Швеции в рейтингах глобальной конкурентоспособности, не дают оснований для серьезных тревог.

Насколько опыт шведской национальной инновационной системы и формирования инновационной экономики в целом может быть интересен для заимствования в условиях других стран, в частности, в России? Какие-то элементы можно ввести и в условиях РФ, и они будут успешно работать. Однако не следует забывать о том, что при разработке любых новых шагов по развитию российской национальной инновационной системы они могут давать отдачу лишь при учете национального контекста, экономического, социального, культурного, а также в условиях ментальности российского населения, которое, безусловно, сильно отличается от шведского.

Литература

1. Волков А. М. Экономика Швеции. М. : МГИМО, 2019.
2. Захарова Н. В. Формирование инновационной экономики в странах Европейского союза: Реализация национальных, наднациональных и региональных стратегий : монография. М. : Российский государственный торгово-экономический университет, 2009.
3. Захарова Н. В., Лабудин А. В. Особенности формирования инновационной экономики в некоторых азиатских странах: возможности заимствования опыта в условиях Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2018. № 11. С. 59–70.
4. Захарова Н. В., Лабудин А. В. Некоторые особенности формирования инновационной экономики в странах ЕС и в США: возможности заимствования опыта в условиях Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2018. № 12. С. 59–71.

Об авторах:

Захарова Наталья Васильевна, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук; Nat_zakh@mail.ru

Лабудин Александр Васильевич, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; Labudin59@mail.ru

References

1. Volkov A. M. Economy of Sweden. Moscow : MGIMO, 2019. (In rus)
2. Zakharova N.V. Formation of innovative economy in the European Union: Implementation of national, supranational and regional strategies: monograph. Moscow : Russian State Trade and Economic University, 2009. (In rus)
3. Zakharova N. V., Labudin A. V. Peculiarities of formation of innovative economy in some Asian countries: possibilities of drawing experience in conditions of the Russian Federation // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 11. P. 59–70. (In rus)
4. Zakharova N. V., Labudin A. V. Some features of the formation of an innovative economy in the EU countries and in the USA: opportunities to borrow experience in the conditions of the Russian Federation // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 12. P. 59–71. (In rus)

About the authors:

Natalya V. Zakharova, Professor of the Chair of World Economy of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); Nat_zakh@mail.ru

Alexander V. Labudin, Professor of the Chair of Management of the North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; Labudin59@mail.ru

Возможные проблемы применения региональных рейтингов*

Жихарева А. К.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; alinazhigareva@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблематике применения региональных рейтингов. Показано, что на каждом этапе расчета рейтинговых оценок имеется ряд проблем и допущений, накладывающих ограничения на их использование в статистическом и эконометрическом анализе. Вместе с тем, в отсутствие реальных альтернатив интегральным индексам, на базе которых построены рейтинговые оценки, необходимо продолжать работу над их совершенствованием с целью использования в качестве инструментов анализа и факторов принятия стратегических и управленческих решений.

Ключевые слова: региональные рейтинги, интегральные индексы, рейтинговые оценки, статистический анализ, рейтинги инновационного развития, стратегические конкурентные преимущества

Для цитирования: Жихарева А. К. Возможные проблемы применения региональных рейтингов // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 49–60.

Possible Problems with the Use of Regional Ratings

Alina K. Zhikhareva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; alinazhigareva@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of applying regional ratings. It is shown that at each stage of ratings' calculation there are several problems and assumptions that impose restrictions on their use in statistical and econometric analysis. At the same time, in the absence of real alternatives to integral indices, on the basis of which rating scores are built, it is necessary to continue working on their improvement in order to use them as analysis tools and strategic management decision-making factors.

Keywords: regional ratings, integral indices, rating estimates, statistical analysis, rating of innovative regions, strategic competitive advantages

For citing: Zhikhareva A. K. Possible Problems with the Use of Regional Ratings // Administrative consulting. 2019. N 10. P. 49–60.

Введение

Современный этап экономического развития характеризуется перманентно повышающимся уровнем конкуренции: страны конкурируют по уровню образования, здравоохранения, индексу развития человеческого капитала и другим направлениям. Регионы конкурируют в сфере инвестиционной привлекательности с целью привлечения потенциальных инвесторов. Компании конкурируют за рынки сбыта или контракты. Даже отдельно взятые индивиды конкурируют друг с другом при поступлении в учебные заведения, при устройстве на работу и т. д. Соперниче-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-02-00524а-ОГОН).

ство — неотъемлемая часть взаимоотношений экономических агентов. Однако зачастую определить, кто из агентов имеет стратегическое преимущество, непросто. При монокритериальном сравнении все становится очевидным при простом сопоставлении значений количественных показателей. Когда же речь заходит о поликритериальном сравнении, возникает большое количество вопросов, так как уже не столь очевидно, что необходимо применять в качестве показателя для сравнения. В этой связи рейтинги достаточно эффективно могут выполнять функцию критериальных агрегатов.

В настоящей работе мы остановимся на рассмотрении проблематики региональных рейтингов, однако концептуальные проблемы применения рейтингов релевантны рейтингованию в целом.

Рейтинг регионов — это своеобразный аналитический продукт, который подразумевает ранжирование и/или группировку регионов по определенному признаку (уровень социально-экономического развития, уровень жизни населения, стратегическая инвестиционная привлекательность, конкурентоспособность и т. д.). Региональные рейтинги и ранжированные списки регионов на основе рейтингования позволяют сопоставить территории по различным параметрам. Региональные рейтинги потенциально представляют собой важный инструмент для принятия стратегических решений. Рейтинговая система оценивания регионов позволит выявить стратегические приоритеты для объекта стратегии, будь то сам регион, или компания, осуществляющая свою деятельность на его территории. «Точное определение приоритетов исключительно важно в силу того, что вокруг них концентрируются все ресурсы объекта стратегии» [14, с. 392].

Несмотря на то, что рейтинги как инструменты систематизации данных становятся все более популярными [17, с. 32], часто возникают следующие вопросы: как применять рейтинги, адекватны ли методики расчетов, соответствуют ли рейтинги назначенным целям и т. п.

Общий подход к рейтингованию

Большинство рейтингов является результатом оригинальных методологических разработок рейтинговых агентств, научно-образовательных, консалтинговых организаций и т. п. Расчет итогового интегрального показателя основывается на информации, поступающей из разных источников. Источники информации, характерные для национального рейтингования, можно разделить на следующие типы: статистическая информация (статистические данные из официальных источников); экспертные оценки (мнения независимых экспертов по разным вопросам); результаты опросов/обследований (результаты опросов населения, представителей бизнеса и т. п.). Обычно исходный набор показателей распределяется на группы по смыслу, образуя таким образом субиндексы (подрейтинги). Часто в рейтингах образуется определенное «дерево показателей», когда итоговый балл рейтинга (итоговый индекс) формируется на основе субиндексов (подрейтингов), т. е., в свою очередь, на основе рейтингования по группам показателей, и так далее — до исходных показателей.

Необходимо отметить, что первые из возможных проблем возникают как раз на этапе формирования статистической базы для будущих расчетов [11, с. 40]. Во-первых, вызывает вопросы достаточность и однородность нормативно-статистической базы для проведения расчетов. Органы региональной статистики обязаны предоставлять достоверную, непротиворечивую информацию, которая должна быть пригодна для сравнения с другими регионами. При этом в российской практике встречаются случаи, когда для отдельных регионов часть показателей не рассчитывается, а часть регионов (например, ЯНАО и ХМАО) отражаются в составе дру-

ного субъекта федерации (Тюменская область), что затрудняет их включение в анализ, тем самым создавая ограничения при рейтинговании. В данном случае нужна унификация и стандартизация региональной статистики, что позволило бы нивелировать указанную проблему. Во-вторых, состав показателей, предлагаемых для включения в рейтинг, должен быть обоснованным. То есть в явном виде необходимо понимать трансмиссионный механизм влияния предикторов на показатель, по которому ведется рейтингование. Например, включение в состав рейтингов инновационного развития показателей высшего образования оставляет поле для дискуссий, так как, очевидно, что не любое высшее образование формирует инновационный потенциал [11; 23]. В-третьих, построение рейтингов на базе экспертных оценок сопряжено с рисками, так как невозможно в полной мере исключить субъективность экспертов. В данном случае в рейтинг заведомо закладывается предмет для дискуссий, что может существенно снизить его практическую применимость.

В самом простом случае итоговый балл считается как среднее арифметическое/среднее геометрическое по всем показателям или группам. На основе полученного интегрального индекса (балла) регионам присваиваются соответствующие места (ранговое место), и формируется рейтинговый список. В отчетах чаще представлен и интегральный индекс, и ранговое место региона — позиция региона относительно других регионов.

На данном этапе снова могут возникнуть вопросы. При включении в рейтинги количественных показателей необходимо принять решение об использовании процедуры определения весов в итоговом рейтинге. В отсутствие весов возникает ситуация, в которой мы принимаем как данность условие, что все показатели влияют на итоговый показатель в равной мере. Естественно, что данный подход значительно облегчает расчеты, но данное условие существенно ограничивает возможность использования полученных рейтинговых оценок в качестве инструмента принятия стратегических управленческих решений. Кроме того, зачастую в рейтинги включают также качественные показатели: опять же вернемся к рейтингам инновационного развития, в которых в рассмотрение включается такой показатель, как наличие нормативно-правовых документов, регламентирующих инновационное развитие региона. Формальное наличие документа уже само по себе будет увеличивать значение индекса (и, как следствие, рейтинговую позицию), но далеко не факт, что этот документ будет приносить какую-либо практическую пользу.

Применение рейтингов

По своей заявленной цели и предназначению рейтинги, агрегируя в себе довольно большой массив разноплановой информации, предоставляют уникальную возможность довольно быстро оценить сложившуюся ситуацию в регионе, сравнить положение региона относительно других субъектов, обозначить проблемы и т. п. Информация, полученная на основе рейтингов, дает повод для размышлений и, возможно, дальнейших действий для решения существующих проблем или закрепления достигнутых результатов. Один из самых простых способов применения рейтингов — анализ динамики ранговых мест региона [4; 18 и др.]. Особое внимание в работах уделяется случаям снижения рейтинга. Для экономистов это тревожный сигнал, указывающий на накапливающиеся проблемы. В случае улучшения рейтинговых позиций можно было бы констатировать успешность мер региональной политики, в случае проведения таковой.

Методология рейтингов основана на взаимосвязи ранжируемых субъектов друг с другом, изменение позиции региона в итоговом списке не всегда однозначно мо-

жет интерпретироваться как сугубо индивидуальный результат. Так или иначе, ранговое место — это все-таки характеристика относительного положения региона. Для оценки развития региона совместно с ранговыми показателями правильно рассматривать также интегральный балл. Само по себе значение индекса (интегрального балла) о положении региона ничего не говорит. Однако по его динамике можно увидеть изменения в регионе, происходящие из года в год. Но характерны и такие случаи, которые могут ввести исследователя в заблуждение. Так, например, регион может улучшать свои позиции среди других, поднимаясь в рейтинговом листе, а интегральный индекс, наоборот, снижается.

Проводя анализ, следует не забывать один важный момент. Также, как и ранговые позиции региона, его интегральный балл может быть зависим от результатов других субъектов. Это связано с определенной методикой нормирования статистических данных при расчете итогового рейтинга. Так, к примеру, если применяется процедура линейного масштабирования [1] (см. формулы 1, 2), то интегральный балл будет зависеть от минимальных и максимальных значений по всем, входящим в него показателям. Подобная методика нормирования применяется практически во всех российских рейтингах инновационного развития регионов (Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации НИУ ВШЭ (далее рейтинг «ВШЭ») [6], Рейтинг инновационных регионов для целей и мониторинга управления Ассоциация инновационных регионов России (далее рейтинг «АИРР») [3], Рейтинг инновационной активности регионов Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий (далее рейтинг «НАИРИТ»)¹, в некоторых инвестиционных рейтингах («Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ»²) и т.п. Аналогичный эффект наблюдается, если нормирование данных происходит путем соотнесения показателей результатов региона к максимальному (см. формулу 3) (Рейтинг регионов России по уровню инновационного развития А. Б. Гусева [9], Образовательный рейтинг регионов России³ и др.) или среднему значению по всем субъектам и т.п.

Такие зависимости, как правило, используются для нормирования:

$$\widetilde{X}_i^j = \frac{X_i^j - X_{\min}^j}{X_{\max}^j - X_{\min}^j}, \quad (1)$$

если рост X_j сигнализирует об улучшении качества показателя;

$$\widetilde{X}_i^j = \frac{X_{\max}^j - X_i^j}{X_{\max}^j - X_{\min}^j}, \quad (2)$$

если рост X_j сигнализирует об ухудшении качества показателя;

$$\widetilde{X}_i^j = \frac{X_i^j}{X_{\max}^j}, \quad (3)$$

где \widetilde{X}_i^j — нормированное значение показателя j для региона i ; X_{\min}^j — минимальное значение показателя j за рассматриваемый год; X_{\max}^j — максимальное значение показателя j за рассматриваемый год.

¹ Национальная ассоциация инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nair-it.ru/news/31.07.2015> (дата обращения: 20.05.2019).

² Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/investclimate/rating/> (дата обращения: 20.05.2019).

³ Образовательный рейтинг регионов России Е. В. Балацкого и Н. А. Екимовой. [Электронный ресурс]. URL: <http://nonerg-econ.ru/cat/10/90/> (дата обращения: 20.05.2019).

Очевидно, что позиционирование региона с учетом изменяющейся внешней среды является преимуществом рейтингов, так как становится возможным анализировать не только собственные значения и их изменения во времени, но и собственные значения со значениями условных «конкурентов», что крайне важно со стратегической точки зрения при анализе внешней среды. Однако, несмотря на все преимущества, нужно очень внимательно идентифицировать поступающие сигналы и анализировать причины изменений, т. е. все равно опускаться ниже самого индекса до значений предикторов.

Отдельно нужно отметить, что зачастую исследователей интересует комплексная оценка региона в рейтинговой системе координат, но для этого необходимо, чтобы рейтинги обладали одинаковой размерностью, что встречается далеко не всегда ввиду различных целей рейтингования и ограничений, накладываемых нормативно-статистической базой. Для целей сравнения позиций региона в различных рейтингах можно использовать понятие «перцентиль» или «дециль». «Дециль — значение признака в ряду распределения, которому соответствуют десятые доли численности совокупности» [8]. Другими словами, ранжированный ряд регионов разделяют на 10 частей и каждый элемент (ранговое место региона) можно отнести к определенному децилю. «Перцентиль — характеристика набора данных, которая выражает ранги элементов в виде процентов от 0 до 100» [17, с. 113]. В отличие от «дециля» ранжированный ряд делится уже на 100 равных частей.

Главным преимуществом применения «децилей» и «перцентилей» является возможность с их помощью сравнивать относительное положение региона по разным рейтингам вне зависимости от числа ранжируемых регионов [17, с. 113].

Процесс рейтингования формально заканчивается расчетом индекса и формированием ранговой совокупности, однако при анализе экономико-социальных процессов и формировании стратегий развития полученные индексы — это только исходные данные, на базе которых ведутся статистические расчеты для проверок той или иной гипотезы исследователя. Например, интегральные показатели могут использоваться в регрессионном анализе в качестве объясняющей переменной: индекс демократизации [20], рейтинг инвестиционного риска агентства «Эксперт РА» [15; 19; 21; 22], национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ «Агентства стратегических инициатив» [13], индекс реформ [21], рейтинг кредитного доверия к региональной власти «Standard and Poor's и оценки восприятия коррупции и доверия граждан к властям (ИНДЕМ/Transparency International)» [15] и др.

Также интегральные показатели используются в корреляционном анализе для выявления зависимостей: между расчетными интегральными уровнями инвестиционной привлекательности регионов и расчетными интегральными уровнями инвестиционной активности в регионах [7], между объемом прямых иностранных инвестиций различными индексами инвестиционной привлекательности стран, странами индексами экономической свободы и т. п. [5], между различными рейтингами инновационного развития [16] и др.

Однако стоит отметить, что широкое использование рейтингов в корреляционно-регрессионном анализе требует особой аккуратности от исследователя. Дело в том, что для анализа результатов стандартной линейной регрессии, описывающей зависимость непрерывных количественных переменных, а также для интерпретации результатов корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона) и многих других статистико-эконометрических методов, необходимо, чтобы используемые в расчетах данные подчинялись закону нормального распределения [8; 10; 12]. Во многих рейтингах, например рейтингах инновационного развития «ВШЭ» [6] и «АИРР» [3], в методологии заложены

некоторые процедуры приведения анализируемых рядов к нормальному виду. Авторы рейтингов «ВШЭ» [6] и «АИРР» [3] использовали расчет коэффициента асимметрии, где пороговое значение коэффициента асимметрии берется равным 0,5. Если распределение имеет асимметричный характер, то применяется процедура сглаживания экстремальных значений путем извлечения корня соответствующей степени N :

$$\tilde{x}_i^j = \sqrt[N]{x_i^j}, \quad (4)$$

где \tilde{x}_i^j — трансформированное значение i -го показателя в j -м регионе; x_i^j — исходное значение i -го показателя в j -м регионе; N — параметр, определяющий степень трансформации.

Степень N подбирается так, чтобы полученное значение коэффициента асимметрии находилось в окрестностях 0,5 [2; 5].

Отметим, что данное условие несколько мягче, чем принято за «эталон» в статистике. Нормальным считается распределение, если при прочих равных соблюдается равенство коэффициента асимметрии нулю, а эксцесса — трем [8].

Наиболее распространенным и точным способом проверки нормальности выборки являются тесты (критерии), в частности, критерий Колмогорова—Смирнова, тест Харке—Бера, Шапиро—Уилка. Все вышеназванные тесты можно провести в основных статистических пакетах [10].

Для проверки гипотезы о «нормальности» рейтингов мы проверили национальные рейтинги инновационного развития, а также рейтинг инвестиционной привлекательности (его субкомпоненту: инвестиционный потенциал) «Эксперт РА»¹, в статистическом пакете EViews при помощи «популярного способа проверки нормальности выборки теста Харке—Бера (Jarque—Bera)» [10]. По результатам анализа было выявлено, что рейтинги инновационного развития «ВШЭ»² и «АИРР»³ полностью соответствуют характеристике нормального распределения, в то время как рейтинг «НАИРИТ»⁴ таковым не является (см. табл. 1, рис. 1). Это может быть связано с тем, что авторы рейтингов «ВШЭ» и «АИРР» проводят первичный анализ данных, сглаживают экстремальные значения в целях приведения данных к нормальному виду.

Причина представления данных только за 2014 г. заключается в том, что рейтинг «НАИРИТ» перестал обновлять свои выпуски. Мы также протестировали рейтинги по всем имеющимся публикациям: с 2008 по 2015 г. для рейтинга «ВШЭ», с 2012 по 2017 г. для рейтинга «АИРР» и с 2009 по 2014 г. для рейтинга «НАИРИТ». Результаты оказались аналогичны 2014 г.: на всем рассматриваемом промежутке для рейтинга «НАИРИТ» интегральный индекс не соответствует «нормальному» распределению, в то время как для рейтингов «ВШЭ» и «АИРР» интегральный индекс, наоборот, распределен «нормально».

¹ Рейтинг инвестиционной привлекательности российских регионов рейтингового агентства «Эксперт РА» [Электронный ресурс]. URL <https://www.raexpert.ru/ratings/regions> (дата обращения: 20.05.2019).

² Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL <https://www.hse.ru/primarydata/rir> (дата обращения: 20.05.2019).

³ Рейтинг инновационных регионов России АИРР [Электронный ресурс]. URL <http://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya> (дата обращения: 20.05.2019).

⁴ Национальная ассоциация инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nair-it.ru/news/31.07.2015/> (дата обращения: 20.05.2019).

**Описательная статистика интегральных индексов инновационного развития
«АИРР», «ВШЭ», «НАИРИТ», 2014 г.**

Table 1. Descriptive statistics of integrated indices of innovative development
“AIRR,” HSE, “NAIRIT,” 2014

	АИРР	ВШЭ	НАИРИТ
Среднее	0,375	0,342	0,065
Медиана	0,368	0,335	0,021
Максимум	0,680	0,562	0,853
Минимум	0,136	0,159	0,001
Ст. отклонение	0,102	0,085	0,122
Коэфф. асимметрии	0,227	0,244	4,005
Эксцесс	3,730	3,4	22,828
Харке—Бера	2.563	0.827	1581,649
Значимость	0,277	0,661	0,000

Источники: рассчитано автором в статистическом пакете EViews 10 на основе данных с сайтов разработчиков рейтингов «ВШЭ», «АИРР», «НАИРИТ».

Компонента рейтинга инвестиционной привлекательности «Эксперт РА»¹ — инвестиционный потенциал, также не подчиняется закону нормального распределения (табл. 2).

По нашему мнению, результаты анализа подтверждают, что использование «ненормальных» рейтинговых оценок в качестве определяющих переменных может приводить к смещениям оценок и, как следствие, некорректным трактовкам степени влияния и взаимосвязи. Например, анализируя зависимость субкомпоненты рейтинга инвестиционной привлекательности «Эксперт РА» (индекс инвестиционного потенциала) в периоде t и валового регионального продукта в период $t + 1$ за соответствующие периоды начиная с 2004 г., мы получили значение коэффициентов корреляции Пирсона в среднем равным 0,38–0,43. При этом, располагая информацией о том, что распределение индекса инвестиционного потенциала не подчиняется нормальному закону, был рассчитан ранговый коэффициент корреляции Спирмена, который может использоваться для случая ненормального распределения. В результате расчетов ранговый коэффициент получился в среднем равным 0,55–0,58 и значимым на пятипроцентном уровне. Полученные расчеты подтверждают необходимость использования в моделировании «нормальных» данных. В противном случае исследователи будут сталкиваться с искаженными результатами.

Необходимо отметить, что экономико-социальные конструкции с их многосторонними системами взаимосвязей очень тяжелы для анализа, а их моделирование — крайне затруднительная задача. Любое моделирование, пусть даже построенное на математическом аппарате высших порядков с логарифмическими и степенными зависимостями на разных порядках лагирования, включает в себя ряд допущений и неточностей, которые приводят к необходимости рассматривать результаты не как истину, а как аппроксимацию действительности. Однако для поиска системных взаимосвязей реальных альтернатив нет [2], как и для интегральных показателей,

¹ Рейтинг инвестиционной привлекательности российских регионов рейтингового агентства «Эксперт РА» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.raexpert.ru/ratings/regions> (дата обращения: 20.05.2019).

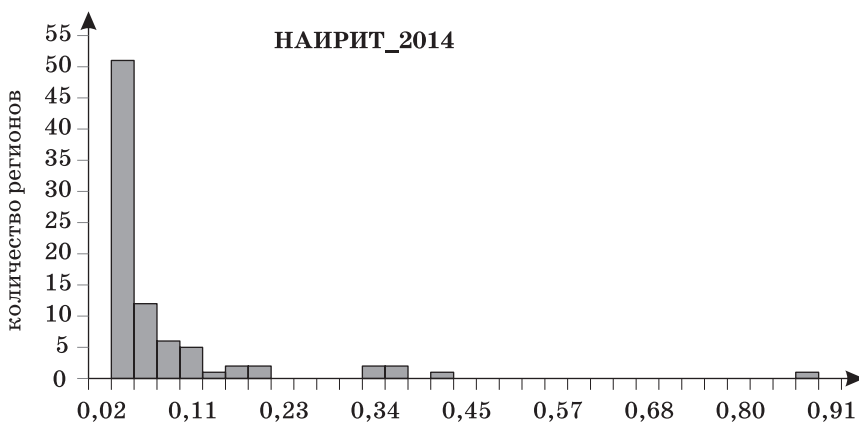
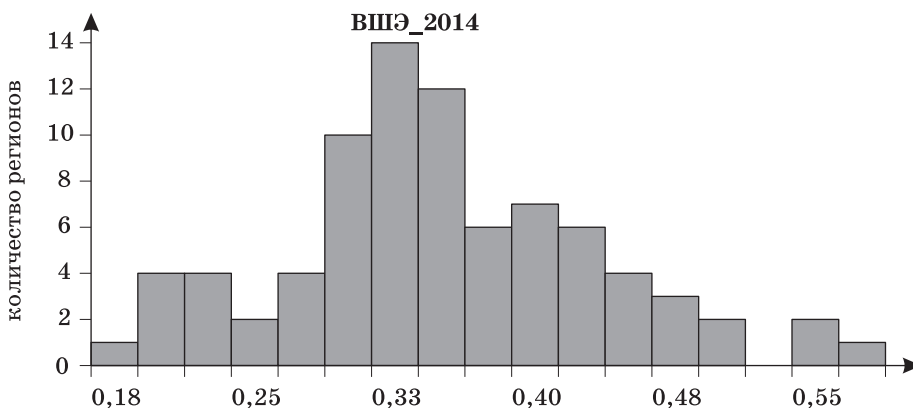
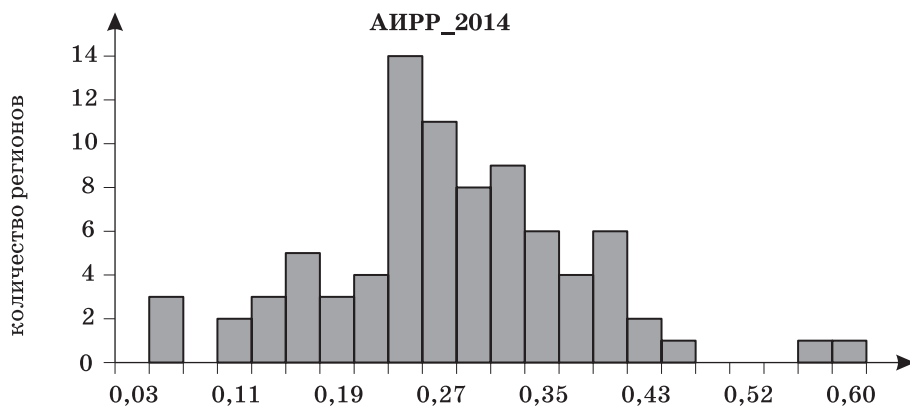

Рис. 1. Гистограммы распределения интегральных индексов инновационного развития рейтингов «АИРР», «ВШЭ», «НАИРИТ», 2014 г.
 Fig. 1. Histograms of distribution of integral indices of innovative development of ratings "AIRR," HSE, "NAIRIT," 2014

Источники: рассчитано автором в статистическом пакете EViews 10 на основе данных с сайтов разработчиков рейтингов «ВШЭ», «АИРР», «НАИРИТ».

Описательная статистика индексов инвестиционного потенциала «Эксперт РА»

Table 2. Descriptive statistics of investment potential indices "Expert RA"

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Среднее	1,202	1,141	1,197	1,206	1,2119	1,2133	1,218	1,2210	1,2176	1,220
Медиана	0,690	0,677	0,702	0,717	0,713	0,757	0,733	0,7400	0,717	0,720
Максимум	17,782	16,218	17,520	17,430	17,581	15,643	15,39	14,7120	14,790	15,318
Минимум	0,125	0,125	0,127	0,138	0,138	0,164	0,184	0,188	0,187	0,172
Ст. отклонение	2,118	1,950	2,082	2,0781	2,104	1,872	1,868	1,813	1,829	1,873
Коэфф. асимметрии	6,429	6,251	6,424	6,364	6,33123	6,144	5,959	5,710	5,683	5,857
Экцесс	49,343	47,143	49,536	48,773	48,165	46,330	43,901	40,880	40,480	42,559
Харке—Бера	7613,99	6929,06	7671,97	7429,97	7242,59	6677,42	5975,28	5152,71	5049,32	5603,1
Значимость	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000

Источник: рассчитано автором в статистическом пакете EViews 10 на основе данных с сайтов разработчиков рейтинга «Эксперт РА».

формирующих рейтинги, со всеми сопутствующими условностями, которые необходимо учитывать, если использовать рейтинги в качестве фактора принятия стратегических управленческих решений.

Заключение

Региональные рейтинги, представляющие собой инструменты систематизации данных на основе заданных критериев, в настоящее время имеют довольно широкое распространение, хоть и сопряжены с рядом возможных проблем, которые условно можно разделить на: проблемы на этапе отбора данных; проблемы на этапе построения интегральных индексов; проблемы использования в эконометрическом и статистическом анализе; проблемы применимости.

Несмотря на возможные проблемы, региональные рейтинги со своими преимуществами и недостатками являются объективно необходимыми показателями для анализа текущей ситуации в регионе, сопоставления с другими субъектами и формирования стратегий, неотъемлемой частью которых является формулирование стратегических приоритетов, обеспеченных конкурентными преимуществами. Выявление таких конкурентных преимуществ также может осуществляться при помощи региональных рейтингов.

Однако даже принятие как неизбежности ряда условностей, с которыми сопряжены рейтинги, и осознание отсутствия реальных альтернатив не означает, что методологии рейтингования не должны модернизироваться и развиваться, чтобы в перспективе ряд потенциальных проблем и допущений сокращался, а рейтинги становились все более полезными и эффективными инструментами как анализа, так и управления.

Литература

1. Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход). ЦЭМИ РАН. М. : Наука, 2012.
2. Балацкий Е. Мировой опыт составления и использования рейтингов университетских факультетов // Общество и экономика. 2012. № 9. С. 155–173.
3. Бортник И. М. [и др.]. Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России // Инновации. 2012. № 9. С. 25–38.
4. Буренина И. В., Быль Е. А. Рейтинговая система оценки устойчивого развития территориальных субъектов: российский и мировой опыт // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Т. 8. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/99EVN216.pdf> (дата обращения: 20.05.2019).
5. Валитова Л. А. Возможности использования инвестиционных рейтингов в качестве целевых показателей в системе бюджетирования, ориентированных на результаты // Российско-Европейский центр экономической политики, 2005.
6. Гохберг Л. М. [и др.]. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации // М. : НИУ ВШЭ, 2012.
7. Гришина И., Марухин И., Шестопалова И. Методология исследования и опыт оценки инвестиционной привлекательности регионов России // Федерализм. 2013. Т. 1. С. 39–56.
8. Громыко Г. Л. Теория статистики. М. : ИНФРА-М, 2005.
9. Гусев А. Б. Формирование рейтингов инновационного развития регионов России // Наука. Инновации. Образование. 2009. № 8. С. 158–173.
10. Демидова О. А., Малахов Д. И. Эконометрика : учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М. : Юрайт, 2018.
11. Земцов С. [и др.]. Факторы инновационной активности регионов России: что важнее — человек или капитал? // Форсайт. 2016. Т. 10. № 2. С. 29–42.
12. Ивин Е. А., Артамонов Н. В., Курбацкий А. Н. Методическое пособие по эконометрике : для социально-экономических специальностей. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016.
13. Картаев Ф. С., Полунин К. Е. Влияет ли рейтинг инвестиционного климата на экономическое развитие региона? // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 90–102.

14. Квинт В. Стратегическое управление и экономика. М. : Бизнес-Атлас, 2012.
15. Луговой О. [и др.]. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах : монография. М. : ИЭПП, 2007.
16. Мальцева А. А. [и др.]. Статистический анализ методических подходов к рейтинговой оценке регионов в инновационной сфере // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3–1. С. 273–283.
17. Николаенко С. А., Белянова Е. В., Смородинов О. В. Проблемы применения международных рейтингов: общество, государство, экономика. ЭРГО, 2009.
18. Райская Н. Н., Сергиенко Я. В., Френкель А. А. Рейтинг регионов по интегральному показателю инвестиционной привлекательности // Вопросы статистики. 2009. № 1. С. 56–60.
19. Унтура Г. А. Анализ статистических связей между рейтингами инвестиционного климата и фактическими инвестициями в регионах России // Регион: экономика и социология. 2004. № 1. С. 200–210.
20. Libman A. Democracy, size of bureaucracy, and economic growth: evidence from Russian regions // Empirical Economics. 2012. V. 43. N 3. P. 1321–1352.
21. Popov V. Reform strategies and economic performance of Russia's regions // World Development. 2001. V. 29. N 5. P. 865–886.
22. Strasky J., Pashinova T. What drives FDI to Russian regions // Deutsche Bank Research. 2012. P. 1–9.
23. Zubarevich N. Four Russias: human potential and social differentiation of Russian regions and cities // Russia 2025. London : Palgrave Macmillan, 2013. P. 67–85.

Об авторе:

Жихарева Алина Константиновна, старший преподаватель кафедры общей экономической теории Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); alinazhihareva@gmail.com

References

1. Aivazyan S. A. Analysis of quality and way of life of the population (econometric approach). CEMI RAS. M. : Science, 2012. (In rus)
2. Balatskiy E. World Experience in the Compilation and Use of University Faculty Ratings // Society and Economics [Obshchestvo i ekonomika]. 2012. N 9. P. 155–173. (In rus)
3. Bortnik I. M. [etc]. System of evaluation and monitoring of innovative development of regions of Russia // Innovations [Innovatsii]. 2012. N 9. P. 25–38. (In rus)
4. Burenina I. V., Byl E. A. Rating System of Evaluation of Sustainable Development of Territorial Entities: Russian and World Experience // Internet Journal "Knowledge" [Internet-zhurnal «Naukovedenie»]. 2016. V. 8. N 2. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/99EVN216.pdf> (In rus)
5. Valitova L. A. Possibilities of using investment ratings as targets in results-based budgeting // Russian-European Economic Policy Center, 2005. (In rus)
6. Gohberg L. M. [etc]. Rating of innovative development of subjects of the Russian Federation. M. : HSE, 2012. (In rus)
7. Grishina I. V., Marukhin I., Shestopalova I. Methodology of research and experience of assessing investment attractiveness of regions of Russia // Federalism [Federalizm]. 2013. V. 1. P. 39–56. (In rus)
8. Gromyko G. L. Theory of Statistics. M. : INFRA-M., 2005. (In rus)
9. Gusev A. B. Formation of ratings of innovative development of regions of Russia // Science. Innovations. Education [Nauka. Innovatsii. Obrazovanie]. 2009. N 8. P. 158–173. (In rus)
10. Demidova O. A., Malakhov D. I. Econometric: textbook and workshop for applied baccalaureate. M. : Urait, 2018. (In rus)
11. Zemtsov S. [etc]. Factors of innovative activity of regions of Russia: what is more important - person or capital? // Foresight [Forsait]. 2016. V. 10. N 2. P. 29–42. (In rus)
12. Ivin E. A., Artamonov N. V., Kurbatsky A. N. Methodological Manual on Econometrics: for Socio-Economic Specialties. Vologda : VoIRS RAS, 2016. (In rus)
13. Kartayev F. S., Polunin K. E. Does the rating of the investment climate affect the economic development of the region? // Economic issues [Voprosy ekonomiki]. 2019. N 5. P. 90–102. (In rus)
14. Kvint V. Strategic Management and Economics. M. : Business Atlas. 2012. (In rus)

15. Lugovoi O. [et al]. Economic-geographical and institutional aspects of economic growth in regions : monograph. M. : IEP, 2007. (In rus)
16. Maltseva A. A. [et al]. Statistical analysis of methodological approaches to the rating of regions in the innovation sphere // News of the Tula State University. Economic and legal sciences [zvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki]. 2014. N 3-1. P. 273–283. (In rus)
17. Nikolaenko S. A., Belyanova E. V., Smorodinov O. V. Problems of application of international ratings: society, state, economy. ERGO, 2009. (In rus)
18. Rayskaya N. N., Sergienko Ya. V., Frenkel A. A. Rating of regions by integral indicator of investment attractiveness // Statistics issues [Voprosy statistiki]. 2009. N 1. P. 56–60. (In rus)
19. Untura G. A. Analysis of statistical links between investment climate ratings and actual investments in regions of Russia // Region: economics and sociology [Region: ekonomika i sotsiologiya]. 2004. N 1. P. 200–210. (In rus)
20. Libman A. Democracy, size of bureaucracy, and economic growth: evidence from Russian regions // Empirical Economics. 2012. V. 43. N 3. P. 1321–1352.
21. Popov V. Reform strategies and economic performance of Russia's regions // World Development. 2001. V. 29. N 5. P. 865–886.
22. Strasky J., Pashinova T. What drives FDI to Russian regions // Deutsche Bank Research. 2012. P. 1–9.
23. Zubarevich N. Four Russias: human potential and social differentiation of Russian regions and cities // Russia 2025. London : Palgrave Macmillan, 2013. P. 67–85.

About the author:

Alina K. Zhikhareva, Senior lecturer of General Economic Theory Department of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); alinazhikhareva@gmail.com

Новые реалии реструктуризации российских компаний

Жаббаров И. Р.

АО «Федеральная грузовая компания», Москва, Российская Федерация; 7217742@gmail.com

РЕФЕРАТ

Реструктуризация компаний всегда рассматривалась как механизм повышения эффективности бизнеса и увеличения устойчивости организации. В современных условиях в России можно выделить два этапа реструктуризации компаний. На первом этапе, который начался в начале 1990-х гг., целями преобразования компаний были преодоление кризисных условий и возможности банкротства, повышение финансово-экономических показателей деятельности до надлежащего уровня, ликвидация непрофильных и убыточных структурных подразделений. Такие цели определяли задачи и направления исследований проблем преобразования компаний. Начиная с 2014 г., в России резко ухудшилась внешняя среда ведения бизнеса. Введение антироссийских санкций повлекло разрыв деловых и экономических связей, запрет на поставки оборудования и комплектующих для отечественных компаний, политические ограничения. В рамках импортозамещения, отечественные компании начали осваивать выпуск новых видов продукции, которые раньше поставлялись из-за рубежа, что требует создания новых структурных подразделений. Реструктуризация компаний стала происходить в форме внутреннего развития, которая не предусмотрена Законом об акционерных обществах. В изменившихся условиях внешней среды целями преобразования российских компаний стали обеспечение экономической безопасности страны, развитие самообеспечения национальной экономики, выпуск новых видов продукции, ранее поставлявшихся из-за рубежа. Новые условия хозяйствования требуют определить новые задачи и факторы, обосновать методику и механизмы проведения эффективной реструктуризации российских компаний.

Ключевые слова: реструктуризация, факторы реструктуризации, непрофильные и убыточные активы, импортозамещение

Для цитирования: Жаббаров И. Р. Новые реалии реструктуризации российских компаний // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 61–67.

New Realities of Restructuring of Russian Companies

Ildar R. Zhabbarov

JSC "Federal Cargo Company", Moscow, Russian Federation; 7217742@gmail.com

ABSTRACT

Restructuring of companies has always been considered as a mechanism for improving business efficiency and increasing the stability of the organization. In modern conditions in Russia there are two stages of restructuring companies. At the first stage, which began in the early 1990s, the goals of transforming companies were overcoming crisis conditions and the possibility of bankruptcy, raising financial and economic performance indicators to an appropriate level, and eliminating non-core and unprofitable structural divisions. Such goals set the objectives and directions for research on the transformation of companies. Since 2014, the external environment for doing business has deteriorated sharply in Russia. The introduction of anti-Russian sanctions has caused a rupture of business and economic ties, a ban on the supply of equipment and components for domestic companies, and political restrictions. Within the framework of import substitution, domestic companies began to master the production of new types of products that were previously supplied from abroad, which requires the creation of new structural divisions. Restructuring of companies began to take place in the form of internal development, which is not provided for by the Law on Joint-Stock Companies. In the changed conditions of the external environment, the objectives of the transformation of Russian

companies were to ensure the economic security of the country, the development of self-sufficiency in the national economy, the release of new types of products previously supplied from abroad. New business conditions require new tasks and factors to be identified, methods and mechanisms for effective restructuring of Russian companies to be justified.

Keywords: restructuring, restructuring factors, non-core and unprofitable assets, import substitution

For citing: *Zhabbarov I. R.* New Realities of Restructuring of Russian Companies // Administrative consulting. 2019. N 10. P. 61–67.

Реструктуризация всегда являлась эффективным механизмом повышения эффективности компаний. Ее актуальность для отечественной системы хозяйствования резко возросла в конце XX в. при переходе к рыночной экономике. Громадные промышленные комплексы плановой экономики были отягощены непрофильными и убыточными структурами, что не позволяло вести эффективную деятельность и достигать надлежащих финансово-экономических показателей. Эта проблема отразилась на тематике и специфике исследований процессов реструктуризации организаций: основные работы преследовали цель сформировать монопредприятия с приемлемыми финансово-экономическими показателями.

Повышение эффективности процессов реструктуризации компаний осложнено различиями в трактовке понятия «реструктуризация». В классическом подходе «реструктуризация (англ. restructuring) — это перестройка структуры (организации, компании, подразделения и т. п.). Однако латинское слово структура (structura) означает порядок, расположение, строение, что значительно расширяет сферу применения реструктуризации за пределы схемы управления компании. Соответственно, известные определения реструктуризации отражают предпочтения исследователей и целей проведения преобразований. С развитием стратегического менеджмента в трактовку такого преобразования компании стали добавлять учет факторов внешней и внутренней бизнес-среды. Эти подходы отражены в распространенных определениях реструктуризации [1; 2; 3; 4; 11; 13]:

- изменение структуры и элементов компании, формирующих ее бизнес, под влиянием факторов внешней и внутренней среды;
- изменение структуры, масштабов, видов деятельности хозяйствующего субъекта в целях обеспечения эффективного формирования, распределения и использования финансовых ресурсов;
- это целенаправленное изменение структуры компании и входящих в нее элементов, которые формируют ее бизнес, в связи с воздействиями, оказываемыми факторами внешней или внутренней среды;
- совокупность мероприятий по комплексному приведению условий функционирования компании в соответствие с изменяющимися условиями рынка и выработанной стратегией ее развития;
- процесс адаптации внутренних структур компании, вне зависимости от ее масштабов и организационно-правовой формы, к постоянно меняющимся под влиянием различных факторов условиям существования и развития внешней среды;
- и другие отличающиеся от приведенных отдельными деталями.

Наиболее объемное определение дает Д. Депаμφилис [5]: реструктуризация компании — меры по расширению/свертыванию ее основной деятельности или радикальному изменению ее структуры/финансовых активов. Это определение охватывает основные виды преобразования компании (рис. 1).

Операционная реструктуризация подразумевает продажу, полную или частичную, компании или отдельных подразделений, а также ликвидацию/преобразование не-

Рис. 1. Виды и характеристики реструктуризации
Fig. 1. Types and characteristics of restructuring

Источник: составлено автором.

прибыльных подразделений. Недостатком такого подхода является то, что полностью исключается расширение организации и формирование новых структурных подразделений. При финансовой реструктуризации организация проводит действия, целью которых является изменение соотношения собственного и заемного капитала.

В реструктуризации компаний в современных российских условиях можно выделить два этапа. На первом этапе, который начался в начале 1990-х годов, целями преобразований были вывод предприятий из кризисной ситуации или банкротства, улучшение финансово-экономических показателей деятельности компаний, ликвидация/выделение из состава компаний непрофильных и убыточных активов. Это отразилось также и в нормативно-правовых документах. Так, концепцией формирования отраслевых программ реструктуризации, утвержденной постановлением Министерства экономики Российской Федерации от 12 марта 1997 г. № 118, определялось, что необходимость реструктуризации, как отдельных предприятий, так и отраслей промышленности, вызвана, прежде всего:

- невосребованностью производимой товарной продукции в новых рыночных условиях, включая внутренние рынки;
- низким качеством производимой продукции;
- традиционно сложившимся в затратной экономике высоким уровнем издержек и низким уровнем прибыльности.

Фактически посредством реструктуризации решались внутренние проблемы российской экономики. Концепция преобразований основывалась на том, что реструктуризация обязательно проводится, если предприятие находится в кризисной ситуации и/или необходимо финансовое оздоровление, а также, если достигается синергетический эффект. Даже в основных законах, регламентирующих деятельность акционерных обществ (Гражданский кодекс, Закон «Об акционерных обществах»¹), определены формы реструктуризации, востребованные в условия перехода к рыночной экономике (рис. 2).

В виды реструктуризации организации нами включены и ликвидация компании, которая также подразумевает кардинальное изменение структуры.

Задачами реструктуризации на первом этапе являлись ликвидация неэффективных производств, диверсификация деятельности предприятия, снижение уровня предпринимательских рисков, экономия затрат благодаря расширению масштабов деятельности, возможность получения налоговых и таможенных льгот и ряд других. Мероприятия, проводимые при реструктуризации, были направлены на снижение

¹ Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 15.04.2019).

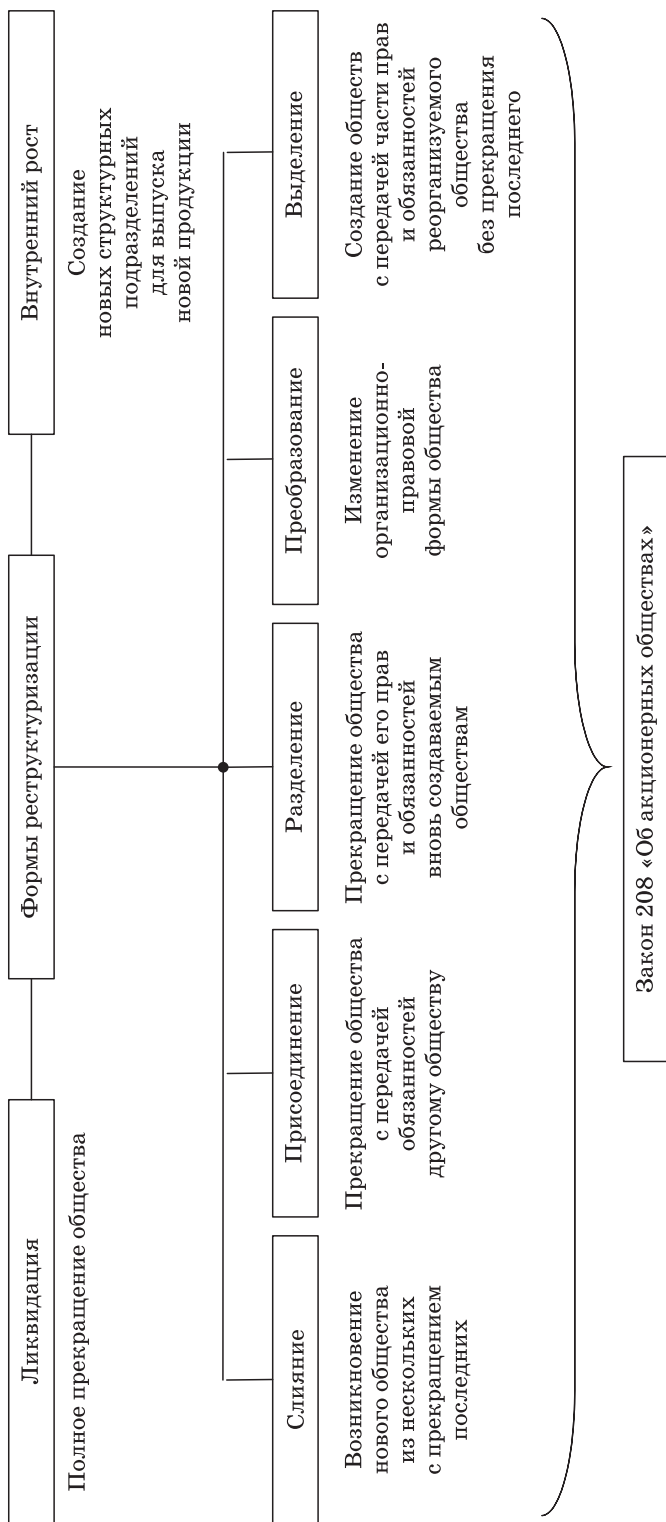

Рис. 2. Формы реструктуризации
Fig. 2. Forms of restructuring

Источники: составлено автором.

постоянных издержек производства, а главным критерием эффективности реструктуризации являлось достижение синергетического эффекта.

В соответствии с целями и задачами, определенными на первом этапе реструктуризации, факторами успеха проведения преобразований являются:

- финансовое состояние компании и перспективы его улучшения. Если у компании нет перспектив улучшить финансовое состояние, то преобразования должны быть продолжены в соответствии с принятой/измененной стратегией развития;
- вовлеченность в процесс преобразования руководства компании. Акционеры компании и топ-менеджмент должны понимать и принимать цели проекта реструктуризации, поддерживать его и предоставлять необходимые ресурсы;
- четкое определение целей и ожидаемых результатов проекта;
- эффективная организация взаимодействия сотрудников проекта и внешних консультантов.

Эти факторы эффективности реструктуризации также отражают специфику начального этапа преобразования компаний, ее направленность на улучшение финансово-экономических показателей и преодоление кризисных ситуаций.

Задачи первого этапа преобразования российских компаний были выполнены, по оценкам автора, к 2010–2014 гг.

Начиная с 2014 г., в России резко изменилась внешняя и внутренняя среда ведения бизнеса. К этому времени в стране сформировались крупные корпоративные структуры, интегрированные как по горизонтали, так и по вертикали. Были разработаны основные методические подходы/теории преобразования отечественных компаний [1; 3; 4; 9; 11; 14]. Методология реструктуризации российских компаний начала смещаться и ориентироваться на отраслевую специфику, а также более детальный учет специфических условий процессов преобразования [2; 6; 7; 8; 10; 12; 14].

Однако увлечение формированием крупных структур, позволяющих контролировать издержки на всех этапах выпуска продукции, привело к чрезмерному укрупнению корпораций. В состав современных компаний, интегрированных по виду/назначению выпускаемой продукции, входят десятки и сотни акционерных обществ. Концентрация выпуска продукции, особенно в оборонной промышленности, часто превышает пределы, допускаемые антимонопольным законодательством. В таких корпоративных структурах проявляются все недостатки управления в излишне больших инстанциях. Исчезает конкуренция внутри отрасли, что не способствует совершенствованию деятельности и продукта. В настоящее время внутренняя среда компаний тормозит развитие бизнеса.

Проблема чрезмерно крупных компаний сочетается с новыми угрозами во внешней среде. Начиная с 2014 г., резко усилились антироссийские действия внешних сил. Результатом этого стали антироссийские санкции, разрыв деловых и экономических связей, политические ограничения в отношении России. Сотни российских и совместных с зарубежными партнерами проектов оказались замороженными. В условиях действия санкций чрезмерная концентрация выпуска продукции в российских корпорациях ухудшила сбыт отечественной продукции на внешних рынках, так как введение санкций против одного из подразделений корпорации распространяет эти ограничения на всю компанию и ее продукцию. Запреты на поставки в Россию оборудования и комплектующих поставили под угрозу экономическую безопасность России.

Для преодоления новых внешних угроз Правительство Российской Федерации определило курс экономики на импортозамещение. Российские компании осваивают производство новых видов продукции, которые ранее получали из-за рубежа. Можно считать, что, начиная с 2014 г., начался второй этап реструктуризации

российских компаний, вызванный изменениями внешней среды. Приоритетными стали выпуск новой продукции, ранее не выпускавшейся в России, переход к самообеспечению национальной экономики и повышение экономической безопасности страны, что определяет цели реструктуризации компаний. Это не исключает преобразование компаний для повышения эффективности деятельности и улучшения финансово-экономических показателей.

Для производства новых видов продукции требуются новые структурные подразделения в составе корпорации. Должна получить развитие такая форма реструктуризации, как внутренний рост, не предусмотренная положениями Закона об акционерных обществах. Для успешного преобразования российских компаний в современных условиях и с учетом продолжающегося действия антироссийских санкций необходимо определить новые цели и факторы, обосновать методику и механизмы проведения эффективной реструктуризации.

Выводы

Действующие в России методические подходы к реструктуризации компаний отражают цели и задачи первого этапа рыночных преобразований: необходимость преодоления кризисных ситуаций/банкротства, вывод из структуры организации непрофильных и убыточных активов, повышение финансово-экономических показателей деятельности организаций и т.п. В современных условиях необходимость преобразования отечественных компаний обусловлена необходимостью повышения устойчивости российской экономики, преодоления антироссийских санкций, развития импортозамещения. Расширяются формы реструктуризации российских компаний: необходимо развивать такую форму, как внутренний рост, обеспечивающий выпуск новой продукции в новых подразделениях как ответ на изменившиеся условия внешней среды.

Литература

1. *Аистова М.Д.* Реструктуризация предприятий: вопросы управления. Стратегии, координация структурных параметров, снижение сопротивления преобразованиям. М. : Альпина Паблишер, 2002.
2. *Аксенов П.В.* Реструктуризация как способ обеспечения устойчивости развития компании // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2012. № 4. С. 74–77.
3. *Безпалов В.В.* Реструктуризация системы управления предприятия : учеб. пособие / В.В. Безпалов ; под ред. С.А. Лочана. М. : Кнорус, 2015.
4. *Белых Л.П.* Реструктуризация предприятий. М. : Юнити-Дана, 2007.
5. *Депафилис Д.* Слияния, поглощения и другие способы реструктуризации компаний. М. : Олимп-Бизнес, 2007.
6. *Ефремова А.Д.* Тенденция к разукрупнению предприятий машиностроительной отрасли / А.Д. Ефремова, В.П. Кузнецов // Научное обозрение. 2017. № 9. С. 69–71.
7. *Ефремова А.Д.* Реструктуризация крупных промышленных предприятий на основе диверсификации хозяйственных структур : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М. : Московский институт стали и сплавов, 2019.
8. *Жданов А.И.* Целеполагание при задачах комплексной оценки эффективности реструктуризации железнодорожного транспорта России / А.И. Жданов, В.А. Персианов // Транспорт: наука, техника, управление. 2018. № 1. С. 101–106.
9. *Жданов А.Ю.* Управление процессами трансформации и реструктуризации интегрированных корпоративных структур. М. : Финакадемия, 2009.
10. *Жданов А.И.* Анализ экономических механизмов и результатов реструктуризации железнодорожного транспорта России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М. : ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», 2018.
11. *Забродин Ю.Н.* Управление реструктуризацией компаний : справочное пособие / Ю.Н. Забродин, В.В. Курочкин, В.Д. Шапиро [и др.]. М. : Дело, 2010.

12. *Контаурова К. А.* Жизненный цикл реструктуризации корпораций с государственным участием // Современные исследования экономических проблем: российский и зарубежный опыт : сб. науч. трудов. 2016. Вып. 1, ч. 2. С. 72–75.
13. *Попович А.* Оперативная и стратегическая реструктуризация предприятия // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 9. С. 94–104.
14. *Цыгалов Ю. М.* Управление формированием и реструктуризацией крупных корпоративных структур в черной металлургии. М. : Финансовая академия при Правительстве РФ, 2006.

Об авторе:

Жаббаров Ильдар Равильевич, заместитель генерального директора по корпоративной защите АО «Федеральная грузовая компания» (Москва, Российская Федерация); 7217742@gmail.com

References

1. Aistova M.D. Restructuring of enterprises: management issues. Strategies, coordination of structural parameters, reduction of resistance to transformation. M. : Alpine Pablischer, 2002. 287 p. (In rus)
2. Aksenov P.V. Restructuring as a way to ensure sustainability of company development // Strategic solutions and risk management [Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment]. 2012. N 4. P. 74–77. (In rus)
3. Bespalov V.V. Restructuring of the enterprise management system: tutorial / V.V. Bespalov; Under ed. of S. A. Lochan. M. : Knorus, 2015. 280 p. (In rus)
4. Belykh L. P. Restructuring of enterprises. M. : Unity-Dana, 2007. 511 p. (In rus)
5. Depamphilis D. Mergers, acquisitions and other restructuring activities. M. : Olympus-Business, 2007. 960 p. (In rus)
6. Efremova A.D. The trend towards the disassembly of enterprises of the machine-building industry / A. D. Efremova, V.P. Kuznetsov // Scientific review [Nauchnoe obozrenie]. 2017. N 9. P. 69–71. (In rus)
7. Efremova A.D. Restructuring of large industrial enterprises on the basis of diversification of economic structures : dissertation abstract. Moscow Institute of Steel and Alloys, 2019. (In rus)
8. Zdanov A. I. Targeting in the tasks of comprehensive assessment of efficiency of railway transport restructuring in Russia / A. I. Zhdanov, V. A. Persianov // Transport: science, technology, management [Transport: nauka, tekhnika, upravlenie]. 2018. N 1. P. 101–106. (In rus)
9. Zhdanov A. Yu. Management of processes of transformation and restructuring of integrated corporate structures. M. : Finacademy, 2009. 320 p. (In rus)
10. Zhdanov A. I. Analysis of economic mechanisms and results of restructuring of railway transport of Russia: dissertation abstract. Moscow: State University of Management, 2018. (In rus)
11. Zabrodin Yu. N. Management of restructuring of companies: reference manual / Yu. N. Zabrodin, V. V. Kurochkin, V. D. Shapiro [etc.]. M. : Delo, 2010. 528 p.
12. Kontaurova K. A. Life Cycle of Restructuring of Corporations with State Participation // Modern Research of Economic Problems: Russian and Foreign Experience: Collection of Scientific Works [ovremennyye issledovaniya ekonomicheskikh problem: rossiiskii i zarubezhnyi opyt : sb. nauch. trudov]. 2016. Issue 1 (Part 2). P. 72–75. (In rus)
13. Popovich A. Operational and strategic restructuring of the enterprise // Problems of management theory and practice [Problemy teorii i praktiki upravleniya]. 2006. N 9. P. 94–104. (In rus)
14. Tsygalov Yu. M. Management of formation and restructuring of large corporate structures in the iron and steel industry. Moscow : Financial Academy under the Government of the Russian Federation, 2006. 195 p. (In rus)

About the author:

Ildar R. Zhabbarov, Deputy General Director for Corporate Protection of JSC “Federal Cargo Company” (Moscow, Russian Federation); 7217742@gmail.com

Философия JIT в современных системах управленческого учета затрат и результатов

Закиева Л. Б., Соколов А. Ю.*

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация; *sokolov-kzn@bk.ru

РЕФЕРАТ

В настоящее время традиционные методы учета затрат теряют свою актуальность. Современная производственная среда характеризуется непредсказуемостью и клиентоориентированностью. Жизненный цикл продукта становится короче, а вкусы потребителей все более капризны и непостоянны. Все эти факторы наводят на мысль о необходимости внедрения гибких и адаптивных схем управления.

Во многом успех принятых управленческих решений определяет грамотно выстроенная система калькулирования затрат. В статье предлагается на основе симбиоза подхода «точно в срок», приверженности принципам непрерывного совершенствования и рассмотренных авторами методик калькулирования затрат — кайзен-костинга, стандарт-костинга, таргет-костинга, попроцессного учета затрат на основе драйвера времени, метода обратного списания и учета затрат и результатов в разрезе потоков создания ценности — разработать систему управления эффективностью бизнеса, отвечающую потребностям современной бизнес-среды. Принципы непрерывного совершенствования, интегрированные в систему управления «точно в срок» (Just in Time — JIT), расширяют горизонт возможностей стратегического управленческого учета. Философия стремления к нулевым запасам в сочетании с гибкими и адаптируемыми схемами управления может также обеспечить мощное конкурентное преимущество. В статье рекомендуется схема использования ключевых показателей эффективности для контроля реализации философии «точно в срок» в симбиозе с указанными методиками калькулирования затрат. Как и любая другая, концепция стремления к нулевым запасам сама по себе обладает рядом недостатков. В работе предполагается, что интеграция концепции с передовыми методами управленческого учета затрат позволит отчасти нивелировать данные недостатки.

Таким образом, цель статьи заключается в изучении возможности интеграции философии «точно в срок» и передовых методов управленческого учета затрат с учетом их особенностей. В качестве теоретической основы выступает гипотеза о совершенствовании системы управления эффективностью бизнеса на основе подхода к управлению «точно в срок», за счет ее интеграции с принципами непрерывного совершенствования и современными подходами к управлению, обеспечению и утверждению качества.

Основным результатом статьи является усиленный инструментарий управленческого учета, позволяющий своевременно реагировать на изменения в среде функционирования компании, а также разработать мероприятия, направленные на адаптацию к этим изменениям и обеспечение соответствия стратегии компании.

Ключевые слова: Just In Time, методы калькулирования затрат, ключевые показатели эффективности, управление эффективностью бизнеса

Для цитирования: Закиева Л. Б., Соколов А. Ю. Философия JIT в современных системах управленческого учета затрат и результатов // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 68–80.

JIT Philosophy in Modern Management Cost Accounting and Performance Management Systems

Liliya B. Zakieva, Andrey Yu. Sokolov*

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation; *sokolov-kzn@bk.ru

ABSTRACT

Currently, traditional cost accounting methods are losing their relevance. Modern production environment is unpredictable and customer-oriented. Product life cycle becomes shorter, and consumers' tastes are more capricious and fickle. All these factors suggest the need for flexible and adaptive control schemes.

Successful decision-making is determined by well-built cost accounting system. The article proposes on the basis of the symbiosis of "just-in-time" approach, adherence to the principles of continuous improvement, and cost accounting methods — Kaizen-costing, standard-costing, target-costing, time-driven activity based costing, backflush accounting and value stream costing — to develop business performance management system that meets the needs of the modern business environment. The principles of continuous improvement, integrated into «Just In Time» management system, expand the horizon of opportunities for strategic management accounting. Zero-inventory philosophy, combined with flexible and adaptable management schemes, can also provide a powerful competitive advantage. The article recommends a system of key performance indicators to monitor the implementation of "Just in Time" philosophy in the symbiosis with these cost accounting methods. Zero-inventory approach has a number of drawbacks. However, integration of concepts with advanced cost accounting techniques will partly offset these shortcomings.

The purpose of the article is to study the possibility of integration of «Just in Time» philosophy and advanced cost accounting methods, with respect to their features and peculiarities. The theoretical basis is the hypothesis of improving business performance management system based on "Just in Time" management approach, through its integration with the principles of continuous improvement and modern management approaches, quality assurance and approval.

The main result of the article is an enhanced management accounting tools that allow to respond to changes in the environment of the company, develop measures aimed at adapting to these changes and ensuring compliance with the company's strategy.

Keywords: Just In Time, cost accounting methods, key performance indicators, business performance management

For citing: Zakieva L. B., Sokolov A. Yu. JIT Philosophy in Modern Management Cost Accounting and Performance Management Systems // Administrative consulting. 2019. N 10. P. 68–80.

Введение

Методика исчисления фактических затрат и результатов является краеугольным камнем системы управления эффективностью бизнеса. От правильно выстроенной системы калькулирования затрат зависит насколько успешно компания будет следовать своей стратегии. На практике многие считают, что традиционные методы калькулирования затрат и результатов не могут удовлетворить требования конкурентной среды и подвергаются резкой критике за то, что они не способны гибко адаптироваться к последним изменениям в среде функционирования компании, не соответствуют стратегии компании и препятствуют эффективному распределению ресурсов. В ответ на эти новые требования появляется необходимость в усовершенствовании текущих методов калькулирования. Авторами предлагается подход к управлению JIT (Just in Time) как способ актуализации методов калькулирования. При этом авторами отмечаются как преимущества, так недостатки подхода JIT.

Концепция «точно в срок» JIT (Just in Time), получившая развитие в Японии, — это особый подход к управлению, в основе которого лежит идея о том, что товары и услуги необходимо производить только по мере возникновения потребности в них, что позволит существенно снизить затраты, связанные с запасами и увеличить конечные финансовые результаты [9, с. 612–617]. Основными принципами JIT являются следующие: продукты и услуги необходимо производить только по мере возникновения потребности в них; продукты (или услуги) должны предоставляться

в удобное для заказчика время («точно в срок»). Последнее подразумевает, что поставщики должны поставлять сырье на производство только по мере возникновения соответствующей потребности [10, с. 450–452].

Согласно методу JIT запасы рассматриваются как потери и бремя расходов, а в крайних случаях система JIT ставит своей целью поддержание нулевых запасов [9, с. 620; 11]. Эти обстоятельства расширяют рамки традиционных методов управленческого учета затрат и позволяют разработать современную систему управления эффективностью бизнеса. В качестве инструмента оценки эффективности применения принципов JIT для нивелирования недостатков традиционных методов калькулирования затрат авторами предлагается использование контрольных показателей KPI (Key Performance Indicators).

Теоретические основы

При написании статьи авторами было проведено исследование существующих источников по ее тематике. Использовались такие методы, как критический анализ, обобщение взглядов, мнений и выводов других авторов. Данная работа посвящена исследованию в области управленческого учета и контроллинга, где авторы, используя метод сравнения и обобщения, представляют предысторию концепции JIT, подчеркивая как преимущества, так и недостатки данного подхода к управлению. Затем авторы посредством метода экспертной оценки обозначают варианты повышения эффективности существующих методов калькулирования затрат путем их интеграции с принципами JIT и непрерывного совершенствования. Далее, авторами используется логический метод в разработке ключевых показателей эффективности для предприятия, специализирующегося на подготовке воды для населения и производственных нужд. В заключительной части представлены выводы и обсуждение, направления будущих исследований.

Результаты и обсуждение

Одним из аспектов концепции JIT является непрерывное совершенствование или качественное выполнение работ с постепенным повышением качества. В этом контексте, на наш взгляд, элементы JIT могут быть интегрированы в систему «кайдзен-костинг» (Kaizen costing), являющуюся эффективным инструментом управленческого учета в области оптимизации затрат и устранения потерь и в систему целевого калькулирования себестоимости продукции (Target costing), которая предусматривает оптимизацию затрат на этапе проектирования продукта исходя из потребностей рынка [12; 25]. При этом метод «кайдзен-костинг» может рассматриваться и как продолжение методики целевого калькулирования себестоимости продукции, поскольку он широко применяется на этапе производства продукта.

Инструментарий управленческого учета, в который может быть интегрирована философия JIT, представлен на рис.

Для обеспечения соблюдения принципов JIT в условиях отсутствия запасов требуется короткий цикл производства и не допускаются задержки в процессе производства вследствие наличия бракованных изделий, узких мест или неэффективности. При отсутствии запасов сырья, незавершенного производства или готовой продукции сбой или нарушение на одном из этапов производственной цепочки незамедлительно негативно отразятся на всех остальных этапах. На практике полный отказ от наличия запасов может оказаться невозможным, однако руководство организации должно постоянно стремиться к сокращению и минимизации уровней запасов [19; 26]. В этом контексте представляет интерес взаимосвязь системы JIT и метода управленческого учета «стандарт-костинг». С одной стороны, использо-

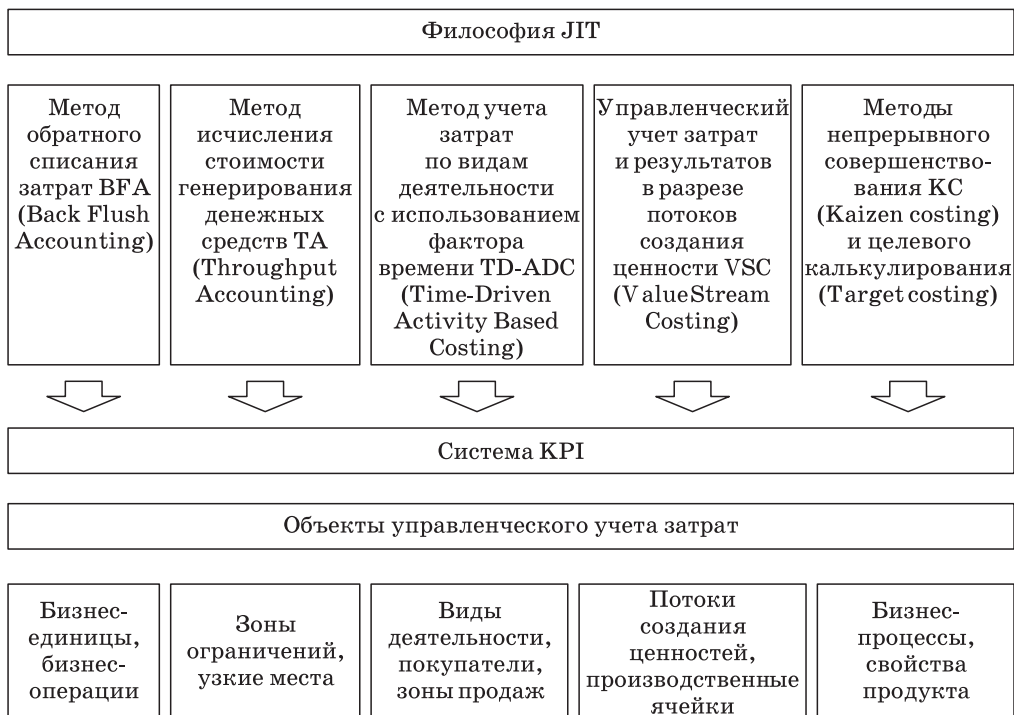

Рис. Сфера применения JIT: инструменты и объекты современного управленческого учета затрат и результатов

Fig. Scope of JIT: tools and objects of modern cost accounting and performance management

вание философии JIT поможет добиваться благоприятных отклонений при сравнении фактических материальных затрат с заданными нормативными параметрами. С другой стороны, следует помнить, что достижение уровня нормативных затрат является целью для менеджера в среде «стандарт-костинг», что не всегда приемлемо [4; 5]. В этих условиях наличие простоев рассматривается как неблагоприятное отклонение. В то же время философия JIT подразумевает, что простой — это ожидаемая величина вследствие отсутствия запасов материалов. Поэтому, на наш взгляд, JIT может быть эффективно использован в сочетании с такой версией стандарт-костинга, как метод управленческого учета BFA (back-flush accounting) или методом обратного списания затрат.

Для BFA характерны: трансформация прямых затрат на оплату труда и накладных затрат в конверсионные затраты, минимизация отклонений по цене материалов и эффективности использования материалов, нормирование конверсионных затрат, трансформация косвенных затрат в прямые (причина — организация производственных ячеек с использованием логики JIT), отнесение конверсионных затрат на затраты периода (причина — минимизация запасов согласно логике JIT) [7; 13, с. 1140].

Философия JIT может проявляться в рамках метода обратного списания затрат (BFA) следующим образом: вариант без использования бухгалтерского счета «Материалы», вариант без использования счетов «Материалы» и «Основное производство», вариант без использования счетов «Материалы», «Основное производство» и «Готовая продукция». Последний вариант является радикальным. Он подразуме-

вает полную реорганизацию производства (внедрение ячеек, уход от цеховой структуры) и ликвидацию складов материалов и готовой продукции вследствие поставок сырья от поставщиков и продукции покупателям по системе JIT. В отечественной экономической литературе недостаточно внимания уделяется этому вопросу, вместе с тем, создание эффективной и прогрессивной системы учета затрат на базе принципов JIT позволит оптимизировать затраты и результаты компаний.

По нашему мнению, представляет интерес интеграция системы JIT с методом управленческого учета стоимости генерирования денежных средств (ТА) или throughput accounting. В рамках этого метода рассчитывается сумма покрытия продуктов, работ, услуг на основе данных о пропускной способности предприятия. В свою очередь для успешной организации производства по принципу JIT необходимы:

- высокое качество: отсутствие высокого качества обуславливает сбои в производстве и снижение пропускной способности. Производство должно быть надежным и не терпит задержек;
- скорость: пропускная способность в рамках операции должна быть высокой, чтобы производство могло обеспечить выполнение заказов клиентов. Отсутствие высокой пропускной способности ведет к необходимости поддержания запасов для выполнения заказов клиентов;
- гибкость: производственная система должна обеспечивать незамедлительный отклик на заказы клиентов. Таким образом, производство должно быть гибким и мелкосерийным [18]; снижение затрат: уменьшение количества ошибок и потерь, повышение надежности и гибкости, высокая пропускная способность — все это помогает сократить затраты [12; 17].

Данные принципы JIT, на наш взгляд, идеально сочетаются с принципами теории ограничений и метода управленческого учета стоимости генерирования денежных средств (ТА). При этом, по нашему мнению, наиболее подходящими условиями для применения метода JIT в системе ТА являются: короткое время и небольшие расходы на подготовку к производству; короткий производственный цикл и небольшие расходы на закупку сырья для выполнения заказов у поставщиков; достаточное постоянство рабочего процесса в долгосрочной перспективе, ровный и предсказуемый спрос со стороны заказчиков; высокая производительность; отсутствие простоев вследствие низкого качества или дефицита ресурсов.

Внедрение системы JIT повлечет ряд последствий и для корпоративных систем учета и управления эффективностью. Порядок учета запасов будет упрощен [21; 27]. Отпадет необходимость в инвентаризации, бухгалтерские записи для отражения перемещения запасов станут менее сложными. Система JIT поддерживает качество, следовательно, изменится структура затрат на обеспечение качества. Например, сократятся внутренние потери из-за низкого качества, обусловленные непроизводственным расходом или устареванием. При этом вырастут расходы на предотвращение дефектов. Структура накладных расходов, вероятнее всего, изменится в результате усиления внимания к качеству и необходимым улучшениям, а также снижения акцента на управление запасами. Это обстоятельство следует помнить в случае внедрения различных версий метода управленческого учета затрат по видам деятельности, в частности метода учета затрат по видам деятельности на основе фактора времени TD-ABC (time-driven activity based costing) [6; 14; 16]. Так, в системе ABC может возникать дополнительное повышение эффективности ценообразования и контроля затрат. Поскольку теоретически запасы не существуют, снизится уровень текущих активов. Это может неблагоприятно повлиять на некоторые распространенные показатели ликвидности, однако запасы подлежат переводу в денежные средства, поэтому общая ликвидность не пострадает [6; 15; 17].

По нашему мнению, метод JIT может эффективно использоваться в рамках управленческого учета затрат в разрезе потоков создания ценности VSC (Value Stream

Costing). В поток включаются все виды деятельности, которые генерируют ценность продукта. При этом это могут быть и допроизводственная деятельность (этапы создания продукта) и пост-производственная деятельность — например, гарантийное обслуживание [1, 3]. Для VSC характерны ежедневная оперативная управленческая отчетность, смена традиционного анализа отклонений на анализ стоимости генерирования денежных средств (throughput analysis) или анализ зон ограничений, специфический расчет финансового результата потока как разницы между доходами потока (доходами от проданной в рамках потока продукции) и расходами потока (всеми затратами потока), картирование потока и т. д. При минимальных запасах по правилам JIT-системы потребуется создание высокоэффективной и высококвалифицированной команды, обслуживающей поток создания ценности [20, с. 153–158].

На современном предприятии для отражения изменений в характере производства могут понадобиться новые показатели эффективности. В частности, особое внимание может уделяться оценке уменьшения объема утилизации или количества переделок [2]. Показатели качества приобретают особую важность. Вместе с тем многие показатели эффективности и контрольные оценки потребуют корректировки. Это с большой вероятностью отражается на таком инструменте управленческого учета, как бюджетная модель [8; 22]. На других показателях эффективности отражается изменение характера операций [23; 24]. В частности, в связи с уменьшением места для хранения запасов изменятся показатели вложенного капитала. Сами показатели могут оставаться актуальными, однако их целевые значения могут оказаться совсем другими. Другими словами, элементы системы JIT могут найти отражение в ряде контрольных показателей современного предприятия.

Рассмотрим рекомендуемые контрольные показатели, генерируемые в рамках управленческого учета с использованием элементов JIT, на примере предприятия по подготовке воды для населения и производственных нужд (табл. 1–3).

Таблица 1

Рекомендуемые ежегодные контрольные показатели производства в системе управленческого учета с использованием элементов JIT на примере предприятия по забору, подготовке и перекачке воды для населения и производственных нужд промышленных предприятий

Table 1. Recommended annual production key performance indicators in the management accounting system using JIT elements based on the example of a company responsible for the water collection, preparation and pumping for the population and production needs of industrial enterprises

Наименование целевых показателей	Критерии достижения результата	Диапазон отклонений	Ответственность
1. Снизить затраты на производство	Снизить затраты на 10 300 тыс. руб. в течение следующего года	≥ планового показателя	Главный инженер — первый заместитель директора
1.1. Обеспечить снижение затрат на реагенты воды	10 704 тыс. руб.	≥ планового показателя	Заместитель директора по экономике и финансам
1.2. Обеспечить не превышение плановых удельных операционных затрат на 1 м ³ перекачки воды	≤ 100%	Не более «+5%»	Директор, заместитель по экономике и финансам

Наименование целевых показателей	Критерии достижения результата	Диапазон отклонений	Ответственность
1.3. Снизить потери воды при транспортировке	Снизить потери воды при транспортировке на 2% от достигнутого факта в предыдущем году	≥ месячного плана	Главный инженер — первый заместитель директора
1.4. Снизить количество отказов основного насосного оборудования	Снижение количества отказов насосного оборудования на 5 шт. от достигнутого факта в предыдущем году	≤ месячного плана	Главный инженер — первый заместитель директора
1.5. Снизить количество отказов запорной арматуры	Снижение количества отказов запорной арматуры на 1 шт.	≤ планового показателя	Главный инженер — первый заместитель директора
1.6. Увеличить полезное время работы оборудования	На 30% в течение года при полной загрузке оборудования	≤ месячного плана	Главный инженер — первый заместитель директора, главный технолог
1.7. Снизить время, затраченное на переналадку оборудования	Установление новых норм времени	≤ 2 ч	Главный инженер — первый заместитель директора, главный технолог
1.8. Снизить удельное потребление электроэнергии на подготовку и перекачку 1 м воды	На 1,4% от достигнутого факта в предыдущем году	≤ месячного плана	Главный инженер — первый заместитель директора
1.9. Обеспечить работу без травматизма, несчастных случаев, пожаров. Обеспечить исполнение предписаний, контролируемых организаций по направлению деятельности предприятия в установленные сроки	0 случаев	0 случаев	Главный инженер — первый заместитель директора
1.10. Не превышать лимит транспортных затрат	100%	Не более «+5%»	Заместитель директора по экономике и финансам

Рекомендуемые ежегодные контрольные показатели качества в системе управленческого учета с использованием элементов JIT на примере предприятия по забору, подготовке и перекачке воды для населения и производственных нужд промышленных предприятий

Table 2. Recommended annual quality key performance indicators in the management accounting system using JIT elements based on the example of a company responsible for the water collection, preparation and pumping for the population and production needs of industrial enterprises

Наименование целевых показателей	Критерии достижения результата	Диапазон отклонений	Ответственность
1. Выполнить показатели качества	Эффективность деятельности (100%)	$\pm 5\%$	Главный инженер — первый заместитель директора, начальник отдела контроля качества
1.1. Обеспечить качество воды (подготовленной и реализованной в соответствии с требованиями режимной картой и договорами на отпуск потребителям)	100%	$\leq 5\%$	Заместитель директора по подготовке воды, заведующий химико-аналитической лаборатории
1.2. Обеспечить выполнение контроля качества воды	100% выполнение Программ производственного контроля качества воды	$\geq 100\%$	Заместитель директора по подготовке воды
1.3. Обеспечить достоверность передаваемых данных приборами учета воды	Обеспечить достоверность передаваемых данных приборами учета воды не менее 98,5%	$\leq 1,5\%$	Главный инженер — первый заместитель директора
1.4. Соблюдение технологических параметров в схеме очистки воды	Соответствие технологическим нормам (100%)	0%	Специалист отдела планирования
1.5. Обеспечить контроль за работой обходчиков в части обходов водоводов	Контроль выполнения работ = месячному показателю	0	Начальник центральной инженерно-технологической службы (ЦИТС)
1.6. Обеспечить фото или видеофиксацию скрытых работ, произведенных подрядными организациями	100%	$\pm 5\%$	Начальник отдела капитального строительства и капитального ремонта (ОКСиКР)
1.7. Организовать выполнение графика проверки приборов учета абонентов	Выполнение 100%	$\leq 5\%$	Начальник абонентского отдела (АО)

Наименование целевых показателей	Критерии достижения результата	Диапазон отклонений	Ответственность
1.8. Обеспечение выполнения экологических норм	100%	±5%	Заместитель директора по подготовке воды
1.9. Обеспечить предъявление неучтенных потерь	1,5 млн руб.	0	Заместитель директора по подготовке воды
1.10. Обеспечить выполнение поступивших заявок на ремонт техники (аварийных в течение 4 ч, текущих 7 дней)	Выполнение 100%	0%	Начальник производственно-технического отдела (ПТО)
1.11. Обеспечить выполнение плана рационализации	Получение экономического эффекта в размере 5,4 млн руб.	≥ месячного показателя	Начальник ПТО
1.12. Ускорить вывод отходов от цехов контрагентами	100% выполнение заявок	0	Заместитель директора по подготовке воды

Таблица 3

Рекомендуемые ежегодные контрольные показатели снабжения и логистики в системе управленческого учета с использованием элементов JIT на примере предприятия по забору, подготовке и перекачке воды для населения и производственных нужд промышленных предприятий

Table 3. Recommended annual supply and logistics key performance indicators in the management accounting system using JIT elements based on the example of a company responsible for the water collection, preparation and pumping for the population and production needs of industrial enterprises

Наименование целевых показателей	Критерии достижения результата	Диапазон отклонений	Ответственность
1. Снижение стоимости закупок (оптимизация)	25 млн	≥ планового показателя	Начальник отдела материально-технической службы (ОМТС)
2. Бесперебойное и оперативное снабжение	95% поставок, обеспеченных в срок (философия JIT)	±5%	Начальник отдела материально-технической службы (ОМТС)
3. Обеспечить выполнение плановых заявок по закупке материалов и оборудования	30 млн	≤5%	Заместитель директора по подготовке воды
4. Контроль за оперативным и бесперебойным снабжением	100% объектов подготовки воды обеспечены материалами, сырьем и оборудованием	±5%	Заместитель директора по подготовке воды

Наименование целевых показателей	Критерии достижения результата	Диапазон отклонений	Ответственность
5. Обеспечить отсутствие просроченной дебиторской задолженности по абонентам на последний день месяца, предшествующий двум отчетным месяцам	0 млн руб.	0 млн руб.	Представитель бухгалтерии по доверенности
6. Оптимизация оборачиваемости склада запасов	Оборачиваемость запасов — 1 кв.	±7 дней	Начальник отдела материально-технической службы (ОМТС)
7. Обеспечить внедрение Плана мероприятий по внедрению новой техники, передовых технологий и оборудования	100%	≥ месячного плана	Главный инженер — первый заместитель директора
8. Трансформация логистических схем (перевод части поставок сырья и материалов напрямую на объекты подготовки воды, минуя склады)	Поставка 50% материалов, минуя склады	±5%	Начальник отдела логистики, начальник отдела материально-технической службы (ОМТС)
9. Обеспечить соблюдение квартального показателя норматива оборотных средств (НОС)	100%	Не более -5%	Заместитель директора по экономике и финансам

Элементы JIT-системы выражены не только в группе показателей предприятия по подготовке воды для населения и производственных нужд «Снабжение и логистика» таких, как бесперебойное и оперативное снабжение, трансформация логистических схем (перевод части поставок сырья и материалов напрямую на объекты подготовки воды, минуя склады), обеспечение сырьем и др., но и в группе показателей «Планирование и прохождение заказов», при помощи которых осуществляется контроль за этими процессами. Безусловно, внедрение элементов JIT-системы проявляется и в группе показателей «Производство и качество».

Тем не менее, несмотря на отмеченные выше достоинства, системе JIT присущи определенные недостатки: зависимость от предсказуемого спроса, гибких поставщиков и гибкой рабочей силы; наличие начальных расходов на подготовку к производству; пригодность для предприятий с широким географическим охватом; отсутствие запасных вариантов в случае нарушений цепочки поставок; сложности в перестройке отношений с поставщиками. Однако интеграция системы JIT с передовыми методами управленческого учета затрат позволит нивелировать данные недостатки, тем самым позволяя повысить эффективность бизнеса.

Выводы

Теоретические исследования, обзоры и тематические исследования были очень полезны для выявления конкретных проблем и предоставления адекватных решений, связанных с методами калькулирования затрат. Система JIT способна усилить систему управленческого учета на предприятии, однако не стоит забывать о специфике бизнес-среды компании и неизбежном влиянии национальных и организационных культур. Каждая компания должна выявить свои комбинации инструментов управления и адаптировать их к своей внутренней системе управленческого учета с учетом особенностей культуры, организационной структуры, истории, ИТ-инфраструктуры и других внутренних потребностей компании.

Литература

1. Вахрушина М. А. Управленческий учет и менеджмент: синергия единения // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2018. № 1. С. 86–93.
2. Закиева Л. Б., Кожемякин А. Д. Анализ конкурентоспособности и динамики изменения ее структуры на примере отраслей традиционной и альтернативной энергетик // VI Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам (Казань, 5–6 декабря 2017 г.). Сборник научных статей конференции. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017.
3. Ивашкевич В. Б. Проблемы теории управленческого учета и контроллинга // Международный бухгалтерский учет. 2016. № 14. С. 34–46.
4. Соколов А. Ю. Метод учета, планирования, оптимизации и калькулирования затрат, соотносимых со временем производства продукции // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2007. № 1. С. 126–130.
5. Соколов А. Ю. Моделирование и разработка эффективной интегрированной системы исчисления затрат и результатов в рамках управленческого учета // Инновационное развитие экономики. 2016. № 5. С. 185–192.
6. Adam S. Maiga, Fred A. Jacobs. Activity-Based Cost Management and Manufacturing, Operational and Financial Performance: A Structural Equation Modeling Approach // Advances in Management Accounting 2007. Vol. 16. P. 217–260.
7. Ramezani A. R., Mahdloo M. Backflush Costing and Backflush Accounting // Academic Journal of Research in Business & Accounting. May 2014. Vol. 2. N 5. P. 1–6.
8. Brews P., Purohit D. Strategic Planning in Unstable Environments // Long Range Planning. 2007. Vol. 40. P. 64–83.
9. Claycomb C., Germain R., Dröge C. Total system JIT outcomes: inventory, organization and financial effects. International Journal of Physical Distribution and Logistics Management 29. 2015. P. 612–630.
10. Danese P., Romano P., Bortolotti T. JIT production, JIT supply and performance: investigating the moderating effects. Industrial Management and Data Systems 112. 2012. P. 441–465.
11. Green Jr. K. W., Inman R. A., Birou L. M., Whitten D. Total JIT (T-JIT) and its impact on supply chain competency and organizational performance. International Journal of Production Economics 147. P. A. 2014. P. 125–135.
12. Kádárová Ja., Teplická K., Durkácová M., Vida M. Target Costing Calculation and Economic Gain for Companies // Procedia Economics and Financ. 2015. Vol. 23. P. 1195–1200.
13. Amasaka K. New JIT, New Management Technology Principle: Surpassing JIT // Procedia Technology. 2014. Vol. 16. P. 1135–1145.
14. Kaplan R. S., Norton D. P. The execution premium: linking strategy to operations for competitive advantage, Harvard Business Press, 2008.
15. Kaplan R. S., Anderson S. R. Time-Driven Activity-Based Costing, Harvard Business Press, 2004.
16. Kaplan R. S., Anderson S. R. Time-driven activity-based costing: a simpler and more powerful path to higher profits, Harvard business press, 2007.
17. Kenneth W., Green Jr., Inman R. A., Birou L. M. at all. Total JIT (T-JIT) and its impact on supply chain competency and organizational performance // International Journal of Production Economics January 2014. N 147. P. A. P. 125–135.
18. Micheli P., Manzoni J. Strategic Performance Measurement: Benefits, Limitations and Paradoxes // Long Range Planning. 2010. Vol. 43. P. 465–476.

19. *Kojimaa M., Nakashima K., Ohno K.* Performance evaluation of SCM in JIT environment // International Journal of Production Economics October 2008. Vol. 115. Is. 2. P. 439–443.
20. *Omah I., Okolie J.U.* Spare Parys Management (SPM): An Inventory Control through JIT Philosophy // International Journal of Advanced Research in Management and Social Sciences. February 2013. Vol. 2. N 2. P. 150–163. Used 153–158.
21. *Peden A.L., Baker J.J.* Allocating physicians overhead costs to services: An econometric-accounting-activity based-approach // J. Health Care Finance. 2001. Vol. 29. P. 57–75.
22. *Elhunia Redha M., Ahmad M. Munir.* Key Performance Indicators for Sustainable Production Evaluation in Oil and Gas Sector // Procedia Manufacturing. 2017. Vol. 11. P. 718–724.
23. *Zamecnik R., Rajnoha R.* Strategic business performance management on the base of controlling and managerial information support // Procedia Economics and Finance. 2015. Vol. 26. P. 769–776 (770–771).
24. *Rudd J., Greenley G., Beatson A., Lings I.* Strategic planning and performance: Extending the debate // Journal of Business Research. 2008. Vol. 61. P. 99–108.
25. *Sokolov A. Y., Bikmukhametova Ch. Z.* Accounting for over-heads in Russia: historical aspects // Academy of Marketing Studies Journal. Vol. 20. Special Issue, 2016. P. 115–120.
26. *Iqbal T., Huq F., Khurrrum M., Bhuttab S.* Agile manufacturing relationship building with TQM, JIT, and firm performance: An exploratory study in apparel export industry of Pakistan // International Journal of Production Economics. Vol. 203, September 2018. P. 24–37.
27. *Tang S., Gao F. Cian and D Wang.* An improved activity-based costing model for product cost estimation applied in a complex manufacturing environment // High Technol. Lett. 2013. Vol. 19 (2). P. 125–131.

Об авторах:

Закиева Лилия Булатовна, студент кафедры учета, анализа и аудита института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Российская Федерация); zakievalb@mail.ru

Соколов Андрей Юрьевич, профессор кафедры учета, анализа и аудита института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Российская Федерация), доктор экономических наук; sokolov-kzn@bk.ru

References

1. *Vakhrushina M. A.* Accounting and Management: Synergy of Unity // Management and Business Administration [Menedzhment i biznes-administrirovanie]. 2018. N 1. P. 86–93. (In rus)
2. *Zakieva L. B., Kozhemyakin A. D.* Analysis of competitiveness and dynamics of its structure change on the example of branches of traditional and alternative energy // VIth International Youth Symposium on Management, Economy and Finance (Kazan, December 5–6, 2017). Collection of scientific articles of the conference. Kazan : Publishing house of the Kazan University, 2017. (In rus)
3. *Ivashevich V. B.* Problems of management accounting and controlling theory // International accounting [Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet]. 2016. N 14. P. 34–46. (In rus)
4. *Sokolov A. Y.* Method of accounting, planning, optimization and calculation of costs related to production time // Journal of Samara State Economic University [Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2007. N 1. P. 126–130. (In rus)
5. *Sokolov A. Y.* Modeling and development of an effective integrated system of calculation of costs and results within the framework of management accounting // Innovative development of the economy [Innovatsionnoe razvitie ekonomiki]. 2016. N 5. P. 185–192. (In rus)
6. *Adam S. Maiga, Fred A. Jacobs.* Activity-Based Cost Management and Manufacturing, Operational and Financial Performance: A Structural Equation Modeling Approach // Advances in Management Accounting 2007. Vol. 16. P. 217–260.
7. *Ramezani A. R., Mahdloo M.* Backflush Costing and Backflush Accounting // Academic Journal of Research in Business & Accounting. May 2014. Vol. 2. N 5. P. 1–6.
8. *Brews P., Purohit D.* Strategic Planning in Unstable Environments // Long Range Planning. 2007. Vol. 40. P. 64–83.
9. *Claycomb C., Germain R., Dröge C.* Total system JIT outcomes: inventory, organization and financial effects. International Journal of Physical Distribution and Logistics Management 29. 2015. P. 612–630.

10. Danese P., Romano P., Bortolotti T. JIT production, JIT supply and performance: investigating the moderating effects. *Industrial Management and Data Systems* 112. 2012. P. 441–465.
11. Green Jr. K. W., Inman R. A., Birou L. M., Whitten D. Total JIT (T-JIT) and its impact on supply chain competency and organizational performance. *International Journal of Production Economics* 147. P.A. 2014. P. 125–135.
12. Kádárová Ja., Teplická K., Durkácová M., Vida M. Target Costing Calculation and Economic Gain for Companies // *Procedia Economics and Financ.* 2015. Vol. 23. P. 1195–1200.
13. Amasaka K. New JIT, New Management Technology Principle: Surpassing JIT // *Procedia Technology.* 2014. Vol. 16. P. 1135–1145.
14. Kaplan R. S., Norton D. P. *The execution premium: linking strategy to operations for competitive advantage*, Harvard Business Press, 2008.
15. Kaplan R. S., Anderson S. R. *Time-Driven Activity-Based Costing*, Harvard Business Press, 2004.
16. Kaplan R. S., Anderson S. R. *Time-driven activity-based costing: a simpler and more powerful path to higher profits*, Harvard business press, 2007.
17. Kenneth W., Green Jr., Inman R. A., Birouc L. M. at all. Total JIT (T-JIT) and its impact on supply chain competency and organizational performance // *International Journal of Production Economics* January 2014. N 147. P.A. P. 125–135.
18. Micheli P., Manzoni J. *Strategic Performance Measurement: Benefits, Limitations and Paradoxes // Long Range Planning.* 2010. Vol. 43. P. 465–476.
19. Kojimaa M., Nakashima K., Ohno K. Performance evaluation of SCM in JIT environment // *International Journal of Production Economics* October 2008. Vol. 115. Is. 2. P. 439–443.
20. Omah I., Okolie J. U. Spare Parys Management (SPM): An Inventory Control through JIT Philosophy // *International Journal of Advanced Research in Management and Social Sciences.* February 2013. Vol. 2. N 2. P. 150–163. Used 153–158.
21. Peden A. L., Baker J. J. Allocating physicians overhead costs to services: An econometric-accounting-activity based-approach // *J. Health Care Finance.* 2001. Vol. 29. P. 57–75.
22. Elhuniah Redha M., Ahmad M. Munir. Key Performance Indicators for Sustainable Production Evaluation in Oil and Gas Sector // *Procedia Manufacturing.* 2017. Vol. 11. P. 718–724.
23. Zamecnik R., Rajnoha R. Strategic business performance management on the base of controlling and managerial information support // *Procedia Economics and Finance.* 2015. Vol. 26. P. 769–776 (770–771).
24. Rudd J., Greenley G., Beatson A., Lings I. Strategic planning and performance: Extending the debate // *Journal of Business Research.* 2008. Vol. 61. P. 99–108.
25. Sokolov A. Y., Bikmukhametova Ch. Z. Accounting for over-heads in Russia: historical aspects // *Academy of Marketing Studies Journal.* Vol. 20. Special Issue, 2016. P. 115–120.
26. Iqbal T., Huq F., Khurram M., Bhuttab S. Agile manufacturing relationship building with TQM, JIT, and firm performance: An exploratory study in apparel export industry of Pakistan // *International Journal of Production Economics.* Vol. 203, September 2018. P. 24–37.
27. Tang S., Gao F. Cian and D Wang. An improved activity-based costing model for product cost estimation applied in a complex manufacturing environment // *High Technol. Lett.* 2013. Vol. 19 (2). P. 125–131.

About the authors:

Liliya B. Zakieva, Student of Chair of Accounting, Analysis and Audit of the Institute of Management, Economics and Finance of Kazan (Volga) Federal University (Kazan, Russian Federation); zakievalb@mail.ru

Andrey Yu. Sokolov, Professor of Chair of Accounting, Analysis and Audit of the Institute of Management, Economics and Finance of Kazan (Volga) Federal University (Kazan, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); sokolov-kzn@bk.ru

О роли мифологии в формировании исторического самосознания современного человека

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье обосновывается положение о том, что формирование исторического самосознания человека определяется приобщением к целостности духовной культуры, составной частью которой выступает историческое познание.

Развитие исторического самосознания представляет собой постоянно совершающийся процесс возникновения и разрешения противоречия между двумя истинами: экзистенциальной и гносеологической. Экзистенциальная истина представляет собой способ бытия человека, адекватный культурной традиции, формирующийся на основе усвоения основных смыслов и ценностей исторического бытия нации. Гносеологическая истина является результатом беспочвенного конструирования на основе принципов и норм научного исследования образа исторического прошлого. Сферой разрешения этого противоречия выступает не собственно историческое знание, а целостность культуры, выражающаяся всей совокупностью форм духовного освоения социальной реальности.

Автор полагает, что важнейшей формой, в которой существует историческое самосознание, выступает миф. Его значение как фактора формирования исторического самосознания определяется степенью соответствия национально-культурной традиции. Миф представляет собой образное дополнение к системам фактов, доставляемых исторической наукой. Это тот срез картины исторической реальности, который становится достоянием массового сознания.

В статье отмечается, что сциентистское увлечение научной аргументацией должно быть поставлено перед лицом исторической веры, воплощенной в мифологизированных образах исторических персонажей и исторических событий и определяющей жизненные интенции нации.

Ключевые слова: историческое самосознание, мифология, экзистенциальная истина, гносеологическая истина, культура

Для цитирования: Александров В. Б. О роли мифологии в формировании исторического самосознания современного человека // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 81–91.

About the Mythology Role in Formation of Historical Consciousness Modern Person

Vladimir B. Aleksandrov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The provision that formation of historical consciousness of the person is defined by familiarizing with integrity of spiritual culture as which component historical knowledge acts is proved in article. Development of historical consciousness represents constantly made process of emergence and permission of a contradiction between two truth: existential and gnoseological. Existential truth represents the way of life of the person adequate to cultural tradition which is formed on the basis of assimilation of the main meanings and values of historical life of the nation. The gnoseological

truth is result of groundless designing on the basis of the principles and norms of scientific research of an image of the historical past. Not actually historical knowledge, but the integrity of culture which is expressed by all set of forms of spiritual development of social reality acts as the sphere of permission of this contradiction.

The author believes that the myth acts as the major form in which there is a historical consciousness. Its value as factor of formation of historical consciousness is defined by degree of compliance of national and cultural tradition. The myth represents figurative addition to the systems of the facts delivered by historical science. It is that cut of a picture of historical reality which becomes property of mass consciousness.

In article it is noted that scientific argument has to be put in the face of the historical belief embodied in the mythologized images of historical characters and historical events and the nation defining vital intensions.

Keywords: historical consciousness, mythology, existential truth, gnoseological truth, culture

For citing: Aleksandrov V. B. About the Mythology Role in Formation of Historical Consciousness Modern Person // Administrative consulting. 2019. N 10. P. 81–91.

Современный человек оказался перед лицом сложных и весьма неоднозначных процессов, происходящих в окружающей его жизни, среди которых особая роль принадлежит информационной мешанине, прихотливо отражающей идеологические интенции различных политических сил, журналистские изыски, творческие поиски деятелей искусства... В этих условиях с большей или меньшей степенью осознанности человек стремится нащупать некоторые ценностные ориентиры, которые могли бы создать основу для его личностного самоопределения и формирования соответствующего ему видения происходящего, его истоков и перспектив. Этот поиск, естественно, не может не направляться теми, кто принял или, в силу тех или иных причин, считает себя достойным принять на себя ответственность за судьбы общества и за счастье человека, теряющего ориентиры в волнующемся море бытия. Данное обстоятельство создает дополнительные сложности для формирования собственной картины мира и понимания своего места в нем.

Наверное, не будет большим откровением утверждение, что важнейшим направлением подобных поисков является обращение к истории. Как заметил В. О. Ключевский, «история — что власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее благоденствия» [3, с. 308]. Одни требуют от нее предоставления оснований для своих претензий на статус спасителей общества, другие видят в ней источник, призванный удовлетворить естественную потребность в личностной идентификации. Поскольку для первых не безразлично как идет восприятие истории конкретными людьми, начинается естественная борьба за прошлое, за его образ и за те формы, в которых оно существует в индивидуальном сознании.

История в сознании человека живет только тогда, когда она становится фактором самосознания, т. е. не только образом прошлого, расширяющим кругозор человека, но и источником ценностных оснований, определяющих смысловые основы его существования. В случае, когда достигается такая степень восприятия истории, можно говорить о том, что в сознании человека формируется определенный пласт, а именно, историческое самосознание, которое преобразует все содержание сознания. Оно может быть более или менее развитым в зависимости от глубины и степени вовлеченности субъекта в изучение тех или иных аспектов исторического процесса. Кроме того, процесс превращения исторического знания в факт самосознания связан с тем, какие формы обретает историческое знание, доступное субъекту, а также каким образом оно его «находит» или, другими словами, каким образом сам человек открывает для себя историю, начинает жить в ней.

Рассмотрение процесса формирования исторического самосознания начнем с простой констатации того обстоятельства, что человеческое сознание по своей природе исторический феномен, соединяющий в себе все темпоральные измерения человеческого бытия: настоящее, прошлое и будущее. Это, по-видимому, его важнейшая характерологическая особенность. Начинаясь с простейшего противопоставления «Я» и окружающего мира в сознании ребенка, оно непрерывно расширяется, во многом благодаря увеличивающемуся в объеме и становящемуся все более разнообразным по своему содержанию прошлому, в которое с возрастающей скоростью преобразуется эфемерное настоящее. Этот процесс происходит благодаря согласованию вновь формирующего прошлого с уже освоенным сознанием массивом сохраняющихся в памяти образов событий, имевших место в жизни ребенка и получивших определенную интерпретацию в свете его меняющегося жизненного опыта. Следствием этого процесса является постоянное расширение поля для рефлексии, основания для размышления о себе самом, о своем месте в меняющейся жизни. Его движущей силой является развивающиеся и усложняющиеся отношения субъекта с окружающим миром. Этот процесс стимулирует творческое наполнение рефлексивной деятельности, преобразующей как самосознание, так и само прошлое, представленное в сознании человека.

Формирование прошлого, не как безмолвной исторической объективности (такое прошлое, используя выражение Бэкона, Ключевский определил как *virgo sterilis* [бесплодная дева]), а как начала говорящего, как стороны внутреннего диалога, постоянно преобразующего человеческое сознание, естественным образом с самого начала характеризуется тенденцией к мифологизации образа этого прошлого. Этот процесс начинается с простейших воспоминаний об участии в тех несложных делах, которые доступны ребенку, вступающему в жизнь «больших людей», кажущихся ему всемогущими и творящими мир, в котором он ощущает себя маленьким и беспомощным.

Можно сказать, что на этом пути формируется видение реальности, которое по сути дела имеет мифологический характер. Логика этого процесса в целом совпадает с логикой формирования мифологии как феномена общественного сознания, содержание которого составляют эмоционально наполненные образы, не «ищущие» рационального обоснования.

В дальнейшем формирование содержания прошлого человека все в меньшей степени становится делом исключительно индивидуального жизненного опыта. По мере взросления человека оно все дальше выходит за его границы. Личное прошлое пронизывается образами истории семьи, почерпнутыми из рассказов родителей, соотносится с представлениями об истории страны, народа, обретаемыми в процессе чтения художественной литературы, на школьных уроках, вузовских лекциях; многое черпается из того грязноватого источника, который называется средствами массовой информации.

Вообще следует подчеркнуть, что формирование исторического самосознания является делом всего комплекса форм духовного освоения действительности, в которых в соответствии с их спецификой воспроизводится картина прошлого. Несомненно, в настоящее время важнейшая роль в этом процессе принадлежит исторической науке, достижения которой через систему образования, популяризацию в средствах массовой информации становятся достоянием массового сознания. Однако процесс формирования исторического самосознания не сводится к прямому или косвенному знакомству с достижениями исторической науки. В нем участвует Литература, отражающая представление об истории в форме художественных образов, несущих на себе печать видения истории автора литературного произведения. Заметим, что на определенных этапах истории культуры (например, в эпоху романтизма) Литература вообще выступала главной формой представления

истории общественному сознанию. Большую роль в этом процессе играют изобразительное искусство, в наглядно-образной форме, отражающее сюжеты минувших лет, музыка, создающая звучащие картины прошлого. Фундаментальным фактором формирования исторического самосознания является философия, отражающая ментальную эволюцию, происходившую в контексте конкретной культуры. На уровне обыденного сознания особое значение имеет память старших поколений и многое, многое другое. Историческое видение, свойственное индивидуальному сознанию, так или иначе, согласует в себе исторические картины, формирующиеся во всех этих формах общественного сознания.

В настоящее время в условиях невообразимой ранее пестроты и многозначности информационной среды появляются многочисленные варианты трактовки как отечественной, так и мировой истории, так или иначе находящих отражение во всех вышеперечисленных формах духовной жизни. Появляется ощущение невозможности достижения единственно верного и неоспоримого знания прошлого, понимание плюральности исторического видения как неизбежного и естественного способа существования исторического знания. Эта ситуация нашла в наше время свое философское осмысление в категориях постправды, постистории, симулякра и пр. концептах, связывающихся с идеологией постмодернизма.

Как бы ни относиться к данной идеологии, нельзя отрицать того обстоятельства, что важнейшей чертой исторического сознания современного человека является неустранимая внутренняя противоречивость, требующая постоянной напряженной духовной работы личности по согласованию различных интерпретаций прошлого, побуждаемой естественным стремлением к установлению более или менее устойчивых ориентиров в определении жизненных смыслов.

Естественно, эта работа на различных этапах развития личности, в зависимости от уровня ее образованности, осуществляется с разной степенью основательности. Однако вне зависимости от этого обстоятельства можно говорить о некоторой универсальной форме кристаллизации результатов внутренней работы по формированию образа прошлого, согласующей в себе возможности всех видов духовной жизни, так или иначе осваивающих историю. Такой формой, в которую отливается историческое самосознание, формирующееся на этом пути, выступает, на наш взгляд, мифология. Сказанное касается и самосознания общества на уровне массового сознания, и индивидуального непрофессионального сознания.

Иногда приходится сталкиваться с оценкой мифологического видения истории как своего рода «детской болезни», которая должна быть преодолена в ходе систематического образования. Однако, как показывает непредвзятый анализ, мифология является неустранимым и в определенном смысле «системообразующим» элементом исторического самосознания человека, как на уровне индивидуального субъекта, так и на уровне тех или иных исторических общностей людей. Говоря это, мы, вспоминая известный оборот классика марксизма, употребленный, правда, по другому поводу, конечно, имеем в виду то очевидное обстоятельство, что могут быть мифы и мифы. Речь идет о необходимости различать мифы, как некоторые фантастические сказания, персонажами которых являются фантастические существа, и мифы как легенды, представляющие собой усиленные фантазией автора представления о реально совершившихся событиях и реально живших людях.

Неустранимость мифологического видения истории хорошо обосновывается с помощью описанного Юнгом механизма переноса архетипа на явление, ставшее предметом сознания. Одним из таких часто востребованных архетипических образов является, например, отмеченный Юнгом комплекс спасителя, который, по его словам, есть не что иное, как «архетипическая идея магической личности» [7, с. 107]. Он «обнаруживается в виде психологии массы, толпы. Комплекс спасителя — архетипический образ коллективного бессознательного, и совершенно естественно, что он

актуализируется в эпохи, столь насыщенные проблемами и дезориентацией, как, к примеру, наша» [там же, с. 115] (работа Юнга написана в 1935 г.). Из сказанного следует, что этот архетип можно истолковать и как фактор, обуславливающий мифологизацию образов субъектов, с которыми связывается возможность преодоления проблем и жизненной дезориентации. Подобную роль могут играть и другие архетипы, в частности, это архетип чужестранца, отца и пр.

Историческое сознание естественным образом включает в себя проекцию бессознательного, кодирующего в себе исторический опыт субъекта, на явления, которые человек пытается сделать «своими», адекватными сложившимся на данный момент содержательно-смысловым особенностям самосознания. Это обусловлено тем, что, как отмечает Юнг, «по сути дела в коллективном бессознательном индивида представлена сама история; и когда у отдельных индивидуалов начинают активизироваться архетипы, мы оказываемся окруженными историей, хотя и пребываем в настоящем. Архетипический образ, диктуемый моментом истории, входит в жизнь, и каждый оказывается захваченным им... Коллективная психология есть мощный фактор, фактор, меняющий всю нашу жизнь, меняющий поверхность знакомого нам мира, фактор, который делает историю» [Там же, с. 117]. Таким образом, коллективная психология, благодаря актуализации некоторых архетипов, стимулируемой определенными социальными обстоятельствами, меняя «поверхность знакомого нам мира», создает его мифологическое видение.

В этой связи необходимо подчеркнуть специфическую роль в формировании исторического самосознания исторической науки. По логике существования научного познания, оно должно преодолевать мифологию, наполняя сознание объективным знанием. И действительно, мифологический план сознания, формирующегося за пределами научного сообщества, постоянно «теснится» развивающимся знанием об обществе, событиях, которые происходили в разные эпохи и в разных концах света и составили содержание того прошлого, которое вошло в содержание сознания.

Мифологическое сознание постоянно «подтачивается» результатами рационального исторического исследования, которые становятся в той или иной форме, с той или иной степенью популяризации достоянием массового сознания. Главной формой исторического знания, противостоящей мифологическому видению истории, является, по-видимому, исторический факт, который понимается обычно как форма достоверного знания в исторической науке.

Устанавливая значение факта как «средства» борьбы с мифологией, следует иметь в виду ряд обстоятельств. Во-первых, это хорошо осознанную в современной методологии исторического познания ограниченность позитивистского понимания фактов как некоторых незыблемых кирпичиков, из которых строится картина прошлого. Факт сегодня понимается как некоторое суждение о действительности, содержание которого представляет собой отражение событий прошлого, «нагруженное» ценностными и концептуальными установками исследователя.

Во-вторых, формирование факта представляет собой двухступенчатый познавательный процесс. Это обстоятельство применительно к археологии убедительно обрисовал Ж.-К. Гарден (заметим, что для археологии этот аспект познания явлений прошлого более очевиден, поскольку здесь в большей степени разорваны предметные результаты деятельности и ее смысл). Он высказал мысль необходимости различения двух основных типов построений в исторической науке — компиляций и экспликаций. Это обусловлено необходимостью различать высказывания, «предназначенные для описания предметов материальной культуры, которые нужно объединять в одном своде, чтобы облегчить изучение связанных с ними исторических проблем» [2, с. 67], и высказываний, «направленных на реконструкцию событий или способов жизни древних людей и общественных групп на основе тех

особенностей, которые выявляются в данном комплексе археологических материалов и наблюдений» [Там же, с. 69].

Последний тип высказываний связан с необходимостью перехода от описания внешних характеристик предметов культуры прошлого к самим древним людям, к событиям, которыми была отмечена их история. Исходя из сказанного, можно говорить о том, что существуют факты двух видов — факты, отражающие внешние черты феноменов материальной культуры, и факты, отражающие события, относящиеся к жизнедеятельности людей прошлого.

Особое значение для рационализации исторического видения имеют факты первого рода, которые в своем единстве характеризуют то, что Ф. Бродель называет материальной цивилизацией, и установлению которых посвящен его фундаментальный труд «Материальная цивилизация XV–XVIII вв.». Факты этого рода представляют собой документально засвидетельствованные данные о самых разных сторонах жизни людей определенной эпохи: «от пищи до мебелировки, от техники до городов», определяемые Броделем как «факты длительной временной протяженности».

В этой своей части история выступает главным антагонистом мифологического мировоззрения.

Однако существует и другой вид фактов, обращение к которым сближает историческое существование с мифологическим видением истории, формирующимся во вненаучных формах духовной жизни общества. Этот вид фактов касается событий, как феноменов, представляющих результаты деятельности тех или иных субъектов. Как только факт начинает становиться отражением событий, он обретает тенденцию движения к мифологизации реально произошедшего, поскольку неизбежно наполняется субъективным видением историка, реконструирующего действия той или иной конкретной исторической личности или коллективного субъекта. Это касается даже таких «микрособытий», которые Бродель называет исторической пылью. В качестве примера такого «микрособытия» он приводит легенду о том, что «Картуш (легендарный разбойник XVIII в. — В. А.) перед казнью предпочитает предложенному ему кофе стакан вина» [1, с. 594]. Однако этот феномен «исторической пыли» обретает неустранимое мифологическое значение и входит в плоть французской культуры, становится элементом ее кода. Свидетельством тому является появление произведений искусства, поднимающие образ данного исторического персонажа до уровня культурного мифа, формирующего самосознание французской нации (вспомним, например, известный фильм с Бельмондо в роли Картуша).

Определенные результаты в движении к достижению объективной реконструкции деятельности людей прошлого можно получить на путях применения герменевтической методологии. Однако, несмотря на все конкретизации, которые она предполагает, всегда остается достаточно широкое поле для субъективизации образа исторического персонажа, его продвижения в сознание читателей в качестве неординарной (с плюсом или минусом) исторической личности. За этим продвижением всегда будет скрываться личная позиция автора повествования, которую он с большей или меньшей степенью осознанности проецирует на своего героя.

Все это означает, что в той ее части, где история представляет собой повествование о событиях прошлого, в котором субъективное видение историка не может быть полностью устранимым, она имеет тенденцию наполнения его мифологическим содержанием. Именно мифология создает живую человеческую реальность, по отношению к которой самоопределяется человек.

Некоторые авторы, видя эту живучесть мифологии в историческом исследовании, полагают, что она выполняет своего рода служебную функцию, состоящую в обосновании историком требуемых некоторыми инстанциями идеологических установок.

Такое упрощенное понимание места мифологии в историческом исследовании проникло и в учебную литературу. Примером такого подхода являются рассуждения авторов учебного пособия «История исторического знания». Согласно их представлениям, «историк ангажирован своим временем и не может быть свободен от социальных идей и политических идеологий. Историческая наука, так же как и массовое сознание, создает свои собственные мифы о прошлом и использует их для подтверждения тех или иных актуальных представлений» [6, с. 25]. В свете сказанного получается, что историк целенаправленно мифологизирует образ исторического прошлого с помощью специально создаваемых для этого мифов. На наш взгляд, ситуация принципиально иная. Мифология является естественным и неустранимым моментом исторического мышления. При этом она не противостоит мифологии, формулируемой в других областях духовной жизни, а является неустранимым элементом единого процесса мифологизации истории. Авторы упомянутого пособия критически оценивают практику «использования мифов», полагая, что историк должен поставить заслон для «ложных социальных мифов». Вот продолжение приведенной выше мысли указанных авторов: «однако добросовестность и профессиональная честность историка требуют отказа от прямого отождествления прошлого и настоящего. Историк балансирует на грани объективности и пристрастности, однако только он может поставить заслон на пути использования прошлого как материала для политических идеологий и ложных социальных мифов» [Там же]. Думается, что здесь принципиально искажена задача исторического познания. Его самоцелью является не заслон для использования прошлого в обосновании настоящего (само обращение к прошлому всегда, явно или неявно, находится под влиянием современной проблематики), а грамотное научное исследование прошлого в соответствии с требованиями методологии исторического исследования. Историк не ставит заслона — он является участником непрерывно совершающегося диалога между современными ему идеологическими концепциями и концепциями исторического процесса, выстраиваемыми на основе применения научной методологии. Он не развенчивает «ложные мифы» (само понятие ложного мифа вызывает недоумение — если есть ложные мифы, то, наверное, есть и «неложные?»), а мыслит об истории с использованием, в большей или меньшей степени, мифологического мышления.

Работа с источниками, документами, отражающими жизнедеятельность людей разных эпох, не может полностью исключить мифологическое видение истории. При ближайшем рассмотрении становится очевидной иллюзорность подобного понимания задачи исторического познания, поскольку все равно остается «не формализуемый» остаток, связанный с нюансами личной жизни, отношений, поведенческих проявлений персонажей прошлого, получающих оценку как героические или предательские, как проявление высоких нравственных качеств или как обнаружение греховной природы и т.п. Мифология в истории — это образное дополнение к сухому документально обоснованному изложению. В этом отношении представляет интерес монография А.З. Манфреда «Три портрета эпохи Великой французской революции», где он создает образы трех исторических персонажей, которые он наделяет особой исторической ролью на конкретных этапах французской революции. Так, Руссо, согласно Манфреду, «заря революции...рассвет наступающего завтрашнего дня», Мирабо «представляет ранние часы революции... герой 1789 года», «Максимилиан Робеспьер — это полдень, это революция, достигшая своей зрелости» [5, с. 20–21]. Несмотря на большой фактический материал, образы указанных персонажей становятся в книге образами литературными, заключающими в себе видение автора, вводящее их в легендарную картину французской революции.

Одна из обычно называемых функций истории — воспитательная. Но в какой степени сухие данные о производстве сапог, глиняной посуды или корабельной снасти осуществляют эту воспитательную функцию. Для того чтобы история стала

воспитателем, она должна найти образное, человеческое сопровождение того видения истории, которое создается на основе сухого документального материала. Такое воплощение не может не носить на себе отпечаток мифологии.

В этой связи необходимо еще раз обратить внимание на отмеченное выше особое значение для формирования исторического самосознания взаимосвязи истории и искусства, истории и литературы. Искусство берет на себя (не освобождая от этой задачи и саму историю, которая в высших своих проявлениях может сближаться с искусством) образно-мифологическое представление прошлого. Это означает, что формирование исторического самосознания не может быть делом исключительно самой исторической науки — воспитание личности, развитие ее исторического самосознания не может осуществляться вне этого диалектического единства истории и искусства, истории и литературы.

Есть и еще один принципиальный философский момент, который необходимо иметь в виду, размышляя о путях формирования исторического самосознания и значении в этом деле мифологического видения прошлого. Мы имеем в виду то обстоятельство, что развитие исторического самосознания не может ориентироваться исключительно на гносеологическое видение исторического повествования, на историческую истину, формирующуюся в соответствии с нормами исторического исследования. Обращение к истории заставляет нас говорить о двух видах истины, имеющих значение для развития исторического самосознания, — истине в гносеологическом смысле, со всеми оговорками о единстве абсолютного и относительного, и истине экзистенциальной, формирующей подлинное бытие некоторого субъекта как представителя определенной культуры. Формой существования этой истины в определяющей степени выступает мифология, которая формирует то, что модно сейчас называть кодом культуры. В этом качестве миф выступает в роли символа, выполняющего, говоря словами А. Ф. Лосева, роль порождающей модели, которая задает смысловые основы видения себя, своей культуры разнообразных проявлений общественной жизни, и тем самым, выступает в качестве объединяющего начала некоторой национальной общности [4, с. 168].

Об этом надо помнить, когда начинают предприниматься попытки с помощью «новых документов» разрушить сложившуюся на протяжении многих лет мифологию, составившую культурную ткань исторического бытия народа. Примером таких интенций являются появляющиеся сейчас попытки развенчания образов многих героев отечественной войны, которые вошли в культурную ткань нашей культуры. Такое развенчание осуществляется с помощью «открытия» новых документов или свидетельств. Так, появились попытки доказать выдуманность подвига героев-панфиловцев, развенчать образ Зои Космодемьянской свидетельствами того, что он был якобы создан неким корреспондентом и редактором газеты «Красная звезда», скомпрометировать легендарные персонажи «Молодой гвардии» и др.

В связи с рассмотрением таких попыток возникает как минимум два вопроса. **Первый:** почему подобные «выдумки», мифы входят в память народа и остаются в ней. Думается, объяснять это исключительно деятельностью пропагандистской машины было бы большим упрощением.

Главное, на наш взгляд, заключается в том, что образы этих героев оказались соответствующими исторически сформировавшемуся самосознанию нации, продолжили логику отечественной культурной традиции и тем самым явились феноменом исторической **правды, рождающей веру в справедливость собственной истории**. Они стали легендой, развитой в художественной литературе, воспоминаниях, журнальных и газетных публикациях. Следует иметь в виду неоднократно отмеченное свойство мифа: в конкретном образе происходит обобщение и символическое представление большого круга реальных событий и их действительных участников.

Второй вопрос касается цели и обоснованности попыток развенчать мифологию прошлого. Обычно обоснование подобных мероприятий сводится к, казалось бы, неоспоримому тезису: истина превыше всего. Однако история — это не физика. Историческая реконструкция, в том числе и претендующая на истину, как отмечалось, всегда, явно или неявно, находится под влиянием ценностных установок автора-историка. Принцип документальной обоснованности может породить бесконечную цепь поисков документов, призванных обосновать то или иное видение ситуации и действующих персонажей. Такое движение превращается в дурную бесконечность, в ходе которого происходит не отказ от сложившейся мифологии, а замена одной мифологии другой.

Думается, что критерий принятия некоторой картины прошлого определяется не только документами (хотя, естественно, работа с источниками — это фундаментальный методологический принцип исторического исследования), подбор и интерпретация которых могут стать результатом тенденции, но и соответствием предлагаемого нового видения сложившейся веками культурной традиции. И весьма печально, когда жонглирование тенденциозно подобранными документами, сопряженное с их ангажированной некоторой идеологической установкой интерпретацией, оборачивается разрушением культурной памяти, укорененной в самосознании нации. Вспомним в этой связи писания небезызвестного В. Суворова, который использовал принцип документальной обоснованности для создания, по сути дела, новой мифологии, имеющей своей целью перестройку исторического самосознания нашего народа.

В истории человеческого общества происходит постоянное взвешивание на весах справедливости, смысловых основ человеческого бытия, логики, фактической достоверности, с одной стороны, и веры в праведность исторических персонажей, своей жизнью задающих принципы понимания смысла собственной истории.

Предельным выражением этой антиномии стала идея средневековой философии гармонии веры и разума и связанная с ней теория двойственной истины. И действительно, каким образом устанавливается подлинная реальность, в которой происходит самоутверждение человека: рациональным постижением мира, неизбежно несущим на себе печать человеческой ограниченности, или в свете веры, укорененной в многовековом историческом опыте народа.

В церковной жизни существует понятие «намоленности», отражающее печать многовекового общения с Богом, происходившего в стенах храма. Используя данный способ мышления, можно сказать, что история — это своего рода храм, обитель веры, она может быть более или менее «намоленной», и всякие попытки рациональной аргументацией ниспровергнуть историческую веру также не основательны, как попытки с помощью достижений науки опровергнуть веру в Бога.

Конечно, сказанное не означает неприкосновенности мифа. Мифы должны ставиться перед лицом рационального видения истории. Однако эта возможность угасает со временем по мере освоения этой мифологии национальной культурной традицией.

Мифология — это уровень художественной образности, обволакивающей фактуальную структуру. Это тот план картины исторической реальности, который становится достоянием массового сознания. Можно сказать, что scientистское увлечение научной аргументацией должно быть поставлено перед лицом веры, воплощенной в мифологических образах, организующей историческое видение и определяющей жизненные интенции нации.

Сегодняшняя ситуация в истории с особой определенностью, ставя вопрос о соотношении веры и разума, заставляет еще раз задуматься над знаменитым тезисом Тертуллиана «верую ибо абсурдно», многократно развенчанным и тем не менее вновь и вновь ставящим перед нами вопрос об истоках смыслов, которыми руководствуется человек в своей жизни.

Приведенные рассуждения можно заподозрить в обесценивании роли научной истины в развитии исторического сознания. Такая трактовка сказанного была бы неверной. Речь идет не об отказе от исследования прошлого в соответствии с критериями и нормами научного познания. Мы хотим указать лишь на одно обстоятельство — необходимость ставить риторiku на тему исторической истины как формы гносеологического отношения к действительности перед лицом истины экзистенциальной, выражающей истину исторического бытия народа или нации. Если этого не осознать, то мы столкнемся с тем, что доведенный до предела сциентизм обернется высшей и нерелефлексивной формой субъективного исторического видения.

Историческое самосознание всегда есть и в этом его сущностная особенность, постоянно совершающийся процесс разрешения противоречия между двумя истинами: экзистенциальной, укоренной в традиции, и гносеологической, являющейся результатом беспочвенного искания общезначимых представлений исторического процесса. Каждая из этих истин имеет право на существование и разрешение указанного противоречия не должно осуществляться за счет одной из его сторон. При этом важно иметь в виду, что сферой разрешения этого противоречия выступает не собственно историческое познание, а **целостность культуры**, выражаемая всей совокупностью духовных форм освоения действительности.

Именно поэтому формирование исторического самосознания в школе не должно отдаваться на откуп дисциплине история, учебная литература по которой оказалась наполненной разнообразными, подчас весьма противоречивыми, толкованиями многих этапов истории страны. Это дело всего комплекса дисциплин, внутри которого поискам историков должна быть сопоставлена отечественная культурная традиция, зафиксированная в отечественной литературе, дисциплинах художественного образования, естественнонаучного цикла, в той мере, в какой они обращены к истории развития естествознания, и даже в темах уроков по физической культуре.

Литература

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
2. *Гарден Ж. К.* Теоретическая археология. М., 1983.
3. *Ключевский В. О.* Дневники и дневниковые записи // Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. IX. М., 1980.
4. *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
5. *Манфред А. З.* Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1979.
6. *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. М., 2004.
7. *Юнг К.-Г.* Аналитическая психология. СПб., 1994.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Brodel F. Material Civilization of the XV–XVIII centuries. Vol. 1. Structures of everyday life: possible and impossible. M., 1986. (In rus)
2. Gardin J.-C. Theoretical Archaeology. M., 1983. (In rus)
3. Kluchevskiy V.O. Diaries and Diary Entries // Kluchevskiy V.O. Writings in nine volumes. V. IX. M., 1980. (In rus)

4. Losev A. F. Problem of symbol and realistic art. M., 1976. (In rus)
5. Manfred A. Z. Three portraits of the Great French Revolution era. M., 1979. (In rus)
6. Repina L. P., Zvereva V. V., Paramonova M. Y. History of historical knowledge. M., 2004. (In rus)
7. Jung C.-J. Analytical psychology. SPb., 1994. (In rus)

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru

Малое и среднее предпринимательство и его роль в рыночной экономике России

Версоцкий Р. Р.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; amg-890@yandex.com

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены задачи и возможности малого и среднего предпринимательства в современной экономике России. Проведен сравнительный анализ европейской и российской трактовки понятия «малый и средний бизнес», предложены подходы к оценке эффективности деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. Исследования эффективности обусловлены особой актуальностью, в силу раскрытия в полной мере, данной экономической категорией, условий функционирования субъекта предпринимательства на рынке. Чем интенсивнее осуществляется основная деятельность субъектов малого предпринимательства, тем благоприятнее это сказывается на развитии государственной экономики. Чем выше уровень загрузки производственных мощностей, тем интенсивнее рост добавленной стоимости продукции, тем меньше уровень издержек, тем выше уровень налоговых отчислений в бюджет страны и государственные внебюджетные фонды. Позитивным эффектом малого и среднего предпринимательства является увеличение темпов роста численности рабочих мест, наряду со снижением уровня безработицы, сопровождающимся ростом материального обеспечения наемных сотрудников. Также в статье определены задачи социального и экономического характера, которые под силу решить сектору малого и среднего предпринимательства в «экономике свободного предпринимательства».

Ключевые слова: малый и средний бизнес, сектор экономики, критерии, роль малого и среднего бизнеса, повышение благосостояния населения, эффективность, анализ эффективности, государственная политика

Для цитирования: Версоцкий Р. Р. Малое и среднее предпринимательство и его роль в рыночной экономике России // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 92–99.

Small and Medium-sized Business and Its Role in the Russian Market Economy

Roman R. Versockiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; amg-890@yandex.com

ABSTRACT

The article deals with the problems and opportunities of small and medium-sized entrepreneurship in the modern economy of Russia. A comparative analysis of the European and Russian interpretation of the concept of “small and medium business”, the criteria for assessing the effectiveness of small and medium-sized business. However, it should be noted that the study of efficiency belongs to the type of “constantly relevant”, as this economic category reveals the conditions of functioning of the business entity in the market. And the more active the functioning of small businesses, the higher the stability of the country’s economy, the greater the revenues to the state budget and extra-budgetary funds, higher job growth, lower unemployment, a decent level of material security of employees. The article also defines the social and economic problems that can be solved by the sector of small and medium-sized enterprises in the “economy of free enterprise”.

Keywords: small and medium-sized business, economic sector, criteria, the role of small and medium-sized businesses, improving the welfare of the population, efficiency, efficiency analysis, public policy

Малый бизнес сегодня является одним из ключевых сегментов рыночной экономики, от степени эффективности функционирования которого прямо зависят темпы экономического роста и структура валового национального продукта. Высокий уровень развития предпринимательства в его малых и средних формах выступает необходимым ключевым элементом современной модели рыночной высококонкурентной экономики.

Развитие малого бизнеса активизирует перестройку структуры экономики, дает большую свободу рыночного выбора, создает новые рабочие места, способствует быстрой окупаемости затрат, чутко реагирует на любое изменение спроса со стороны потребителя. Малый и средний бизнес поддерживает обеспечение насыщения рынка товарами и услугами, помогает преодолеть отраслевой и региональный монополизм, расширить конкуренцию, внедрить достижения научно-технического прогресса, укрепить экономическую базу в селах и небольших городах.

Малый и средний бизнес способствует выполнению важнейших задач.

1. Увеличение объема производства большинства потребительских товаров и услуг без масштабных затрат капитала, обеспечение условий оперативного и своевременного реагирования на изменение рыночной конъюнктуры.
2. Использование доступных источников сырья и отходов крупных предприятий.
3. Приближение производства товаров и услуг непосредственно к потребителю, что приведет к сокращению расходов на транспорт для доставки товаров в регионы из больших промышленных центров, выравниванию в установленной мере уровня жизни и обеспеченности населения в различных местах проживания.
4. Оптимальное и эффективное использование уникальных предпринимательских способностей, трудовых навыков, знаний и умений отдельных граждан, для которых условия организации и оплаты труда на крупных предприятиях не представляют интереса.
5. Вовлечение в производственный процесс, а особенно в сферу услуг, резервов рынка рабочей силы, которые не используются в крупном производстве из-за особенностей технологий и других (инвалиды, пенсионеры, студенты и др.).
6. Малый бизнес можно рассматривать как реальную замену теневому бизнесу.

Анализируя российскую и европейскую трактовки понятия «малое и среднее предпринимательство», можно сделать вывод, что между ними много общего. Что же касается различий, то основным и наиболее существенным различием является определение категорий малого и среднего предпринимательства по количеству работников. Данный факт зачастую затрудняет анализ уровня развития российского сектора малого и среднего предпринимательства по отношению к европейскому, где можно выделить проблему сопоставимости статистических данных.

В настоящее время в Российской Федерации в рассмотренной сфере действует Федеральный закон № 209-ФЗ от 24 июля 2007 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ». Статья 3 закона № 209-ФЗ дает следующее определение малому и среднему предпринимательству: субъектами малого и среднего предпринимательства являются субъекты (юридические лица и индивидуальные предприниматели), отнесенные в соответствии с условиями, установленными настоящим федеральным законом, к малым предприятиям, в том числе микропредприятиям и средним предприятиям.

Согласно ст. 4 к субъектам малого и среднего предпринимательства относятся потребительские кооперативы и коммерческие организации, внесенные в единый государственный реестр юридических лиц (за исключением государственных и му-

ниципальных унитарных предприятий); физические лица, внесенные в единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица; крестьянские (фермерские) хозяйства. Условия, регламентирующие порядок отнесения хозяйствующих субъектов к малым и средним предприятиям, изложены в п. 1 ст. 4. Следует подчеркнуть, что в отличие от предыдущего закона, который содержал два критерия, данный закон содержит их три [19].

Первое условие — совокупная доля участия Российской Федерации и ее субъектов, муниципальных образований, иностранных юридических лиц, иностранных граждан, общественных и религиозных организаций, благотворительных и иных фондов в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) не должна превышать 25%; доля участия, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства, не должна превышать 25% [15].

Вторым условием является средняя численность работников. В отличие от предыдущего закона, в котором семь сфер деятельности определены максимальным показателем, новый нормативный акт устанавливает нижнюю и верхнюю границы для средних, малых и микропредприятий вне зависимости от отрасли. Таким образом, в качестве средних предприятий признаются организации с численностью работников от 101 до 250 чел., а малыми — до 100 чел. Также законодатель выделил третью группу предприятий, а именно микропредприятия. Численность работников хозяйствующих субъектов, отнесенных к этой группе, не должна превышать 15 чел. [16].

Третье условие — выручка от реализации товаров и услуг без учета НДС или балансовая стоимость активов (остаточная стоимость основных средств и нематериальных активов) за предшествующий календарный год не должна превышать предельного значения, установленного Правительством РФ по каждой категории малого и среднего предпринимательства [13]. Предельные значения, обозначенные выше, должны определяться Правительством каждые пять лет.

В связи с тем, что законом выделены три критерия отнесения хозяйствующих субъектов к малому и среднему предпринимательству, возникает необходимость расставления приоритетов. В п. 3 ст. 4 указано, что категория субъекта малого и среднего предпринимательства определяется в соответствии с наибольшим по значению показателем по второму и третьему критерию [9].

Для сравнения можно привести европейский опыт классификации малых и средних предприятий и критерии отнесения предприятий к малым и средним. Термин «малое и среднее предпринимательство» в законодательных актах и литературе в немецкоговорящем пространстве Европы зачастую встречается в виде аббревиатуры KMU (Klein- und Mittelunternehmen), что дословно означает малое и среднее предприятие. Но в некоторых литературных изданиях употребляется английский вариант small and medium business [14].

В Европе в качестве субъектов малого и среднего предпринимательства принимаются предприятия, которые независимо от принадлежности к какой-либо отрасли удовлетворяют установленные законодательством в виде набора максимальных показателей требования [8]. В качестве общепринятого приема отнесения предприятия к той или иной категории малого и среднего предпринимательства служит показатель количества работников. Безусловно, этот критерий не является единственным. Другими количественными показателями являются балансовая сумма и размер прибыли и убытка, число руководителей, капиталовложения и размер риска, критерии допуска для работы на неофициальной бирже и т. д. [21, с. 43]. Но критерий численности работников является основой простоты, согласованности и довольно распространен на практике.

В Европе показатели численности работников малых и средних предприятий соответствуют общеевропейским стандартам, установленными Комиссией Европейского Сообщества: микропредприятия 0–9 чел.; малые предприятия 10–49 чел.; средние предприятия 50–249 чел. Если сравнивать принятые в Европе условия отнесения к малому и среднему предпринимательству с российскими, то можно выявить некую тенденцию. А именно, в России большее число предприятий можно отнести к малым, так как верхняя граница численности сотрудников существенно выше. Та же картина просматривается и по микропредприятиям, хотя в этом случае различия не столь велики [5]. Таким образом, большинство предприятий, отнесенных в России к малым, вовсе не являются таковыми по европейским меркам, а входят в группу средних.

С целью более точного описания малого и среднего предпринимательства как экономического явления, а также обеспечения действенности законодательства в этой сфере Европейской комиссией были выделены следующие критерии: количество занятого персонала; финансовый критерий; критерий самостоятельности и независимости предприятия.

Так, количественным выражением первого критерия является следующее условие: численность работников не должна превышать 250 чел. Финансовый критерий предполагает выполнение одного из условий: товароборот должен быть меньше 40 млн евро или балансовый итог — меньше 27 млн евро [21, с. 44]. Критерий независимости и самостоятельности предполагает максимально возможную долю, которая может находиться в собственности одного или нескольких предприятий, не относящихся к малому и среднему предпринимательству. Этот показатель равен 25% [2].

Наряду с количественными критериями зачастую используются качественные признаки, которые способствуют более глубокому пониманию сущности малого и среднего предпринимательства [11, с. 82]. Описание категорий малого и среднего предпринимательства, основанное на качественных критериях, нужно рассматривать критически, поскольку в определенной мере в нем присутствует субъективный взгляд исследователя. Данное описание используется в качестве базиса для определения потенциального успеха, способов поведения на рынке, трендов и типологизации малых и средних предприятий с целью сравнения их между собой и с крупным предпринимательством [4].

Среди множества качественных критериев можно выделить основные: самостоятельность предприятия; способность достижения индивидуального, отличного от других результата; объединение предпринимателя, инвестора и руководителя в одном лице; малые и средние предприятия находятся под влиянием личности предпринимателя, его социальная компетенция и персональные качества в значительной степени определяют успех предприятия; незначительная степень формализации, значительная роль персонального контакта, межличностных коммуникаций в предприятии; ограниченная возможность влияния и изменения рыночных условий, гибкость, способность подстраиваться под условия рынка, способность относительно безболезненно менять стратегическое направление; тесная взаимосвязь между нормативными, стратегическими и оперативными уровнями.

Профессор Университета Санкт-Галлена Урс Фюглишталлер дает следующую качественную характеристику малым и микропредприятиям: предприниматель в основном занят оперативной деятельностью; тесное сотрудничество между предпринимателем и сотрудниками, высокая заинтересованность и увлеченность всех участников; тесный контакт с клиентами и поставщиками, коммуникация происходит напрямую; участники семьи предпринимателя перенимают предпринимательские и организаторские функции; высокая степень риска [20, с. 11]. Средние предприятия он характеризует следующим образом: предприниматель больше принимает руководящие функ-

ции, достижение заданных производственных показателей постепенно исчезает из набора его основных функций; прослеживается четкая организация системы управления.

Поэтому для выработки последовательной государственной политики в сфере развития малого и среднего предпринимательства большое значение имеет выработка методического подхода для анализа эффективности функционирования и развития данного элемента экономики, в целях формирования механизма эффективности деятельности субъекта предпринимательской деятельности [7]. При рассмотрении критериев эффективности следует отметить, что большинство подходов к определению эффективности объединены общей характеристикой — соотношением затрат к результатам. В качестве затрат определяются разнообразные типы вложений, направленных на достижение результата по основной деятельности.

Доктор экономических наук, профессор А. П. Суворова характеризует в качестве эффективности меру полноты и качества выполнения задачи, направленной на достижение положительного финансового результата [18, с. 45]. Ряд экономистов придерживается другого подхода и определяет эффективность в качестве результата деятельности субъекта предпринимательской деятельности при условии рационального использования им ресурсов и стабильном состоянии внутренней и внешней среды предприятия. При условии неизменности состояний внешней и внутренней среды достигается соответствие уровней запланированных и понесенных расходов, что, в свою очередь, сигнализирует о высокой степени вероятности достижения искомого эффекта. Однако в реальных условиях зачастую внешняя или внутренняя среда подвержены влиянию экзогенных и эндогенных факторов, из-за чего достижение искомого эффекта от предпринимательства сталкивается с рядом барьеров, как например: обновление технологического оснащения производства, внедрение альтернативных систем управления бизнес-процессами, изменения входных и выходных параметров реализуемых проектов, что, в свою очередь, снижает вероятность достижения искомого результата, по крайней мере, в том виде, в котором он изначально запланирован [17, с. 26].

Особая актуальность исследования экономической эффективности обусловлена тем, что данная экономическая категория является определяющим элементом, учитывающим условия успешного функционирования хозяйствующего субъекта на рынке [6]. Чем активнее, эффективнее и рациональнее действуют субъекты на поприще малого и среднего предпринимательства, тем устойчивее становится государственная экономика, тем интенсивнее рост уровня добавленной стоимости продукции, тем более высокотехнологичный и наукоемкий вид выпуска продукции, тем выше уровень отчислений в бюджет и внебюджетные государственные фонды, тем выше темп роста численности рабочих мест, ниже уровень безработицы, достойнее уровень материального обеспечения наемных работников [3]. Исходя из чего можно сделать вывод, согласно которому эффективность субъектов малого и среднего предпринимательства является вполне измеримой характеристикой и поддается условной классификации на социальном и экономическом уровнях.

Экономический уровень эффективности деятельности субъектов малого и среднего бизнеса зачастую оценивается по таким показателям, как: прибыль, рентабельность, затраты, не включающие в себя накладные расходы на единицу продукции и др. [10]. Основная задача в рамках экономической части эффективности субъектов малого и среднего предпринимательства сводится к оценке эффективности мероприятий, направленных на ускорение научно-технического прогресса, таким образом, стоимостная часть совокупных доходов должна превышать совокупные затраты, для достижения положительного экономического эффекта.

Однако помимо задач экономического характера субъекты малого предпринимательства склонны решать и целый ряд социальных задач. Именно малый и сред-

ний бизнес является катализатором при решении ряда социальных проблем. Индикатором, отражающим качество решения социальных задач, является социальный эффект от предпринимательской деятельности [1]. Показатели социальной деятельности, в свою очередь, можно разделить на внутренние и внешние, где внутренние отражают результаты мероприятий внутри предприятия, направленные на развитие человеческого потенциала, а внешние отражают результат общественной деятельности.

Предприниматели обеспечивают содержание своих семей, способствуют развитию образования, здравоохранения и, самое главное, — имеют возможность оперативно реагировать на рост уровня безработицы, являясь своего рода ингибитором темпов роста безработицы. Именно активная часть населения, занимающаяся средним и малым предпринимательством, обеспечивает обслуживание основной доли потребителей, реализуя производство ассортимента продуктов, товаров и услуг в соответствии с направлениями изменения спроса на конкурентных рынках [12, с. 62].

К основным элементам социального эффекта относятся:

- развитие малого предпринимательства, способствующего последовательному созданию обширного слоя собственников (среднего класса), независимо обеспечивающих достойный уровень жизни своих семей, являющийся основой социально-экономического благополучия любого государства;
- деятельность населения в сфере малого предпринимательства, которое является не только источником получения средств для покрытия текущих личных потребностей, но и способом раскрытия творческого потенциала личности;
- создание новых рабочих мест сектором малого предпринимательства, благодаря чему происходит снижение уровня безработицы, наряду со снижением уровня социальной напряженности;
- превышение уровня прожиточного минимума за счет достойной заработной платы;
- изменение жизненных ориентиров и психологии потребления населения, за счет вовлечения граждан в занятие малым предпринимательством;
- повышение уровня индивидуальной ответственности, в силу принятия индивидом ряда обязательств, вызванных его личной заинтересованностью в устойчивом развитии своего собственного дела.

Положительный социальный эффект внутри предприятия определяется растущим уровнем дополнительных материальных и нематериальных благ, направленных на прямое и косвенное взаимодействие между сотрудниками. К таким благам можно отнести: повышение уровня квалификации и использование официальных систем сертификации, компенсация по оплате обучения и профессиональной переподготовке сотрудников и др. Все это достигается теми предприятиями, которые обеспечены рядом конкурентных преимуществ; запасом финансовой прочности и высоким уровнем деловой активности; последовательным устойчивым развитием; активной государственной поддержкой и стимулированием.

Литература

1. Абузярова М.И. Теоретические подходы к управлению малым бизнесом // Экономика и предпринимательство. 2018. № 6 (95). С. 777–779.
2. Бикбулатов В.Р. Организационно-экономический механизм микроресурсной поддержки развития субъектов малого бизнеса : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Уфа, 2011.
3. Бухвальд Е.М., Виленский А.В. О роли малого предпринимательства в развитии экономики России // Вестник РГНФ. 2012. № 1. С. 31–38.
4. Дубков О.Д. Меры государственной поддержки малому и среднему бизнесу // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 5. С. 724–730.

5. Дубовик М. В. Рыночные инструменты регулирования малого бизнеса // Финансы и кредит. 2017. № 42. С. 42–50.
6. Дудин М. Р. Государственная политика в области малого предпринимательства в современных условиях развития России // Предпринимательство. 2010. № 4. С. 43–49.
7. Кириюшкин Р. Н. Выявление предпринимательских рисков в современных условиях хозяйствования // Предпринимательство. 2009. № 5. С. 47–84.
8. Козьякина А. С. Управление инновационным развитием предприятия малого бизнеса // Академия педагогических идей Новация. Серия: Студенческий научный вестник. 2018. № 5. С. 388–395.
9. Коняхина Т. Б. Развитие инвестиций в реальном секторе экономики, малом бизнесе и региональной инфраструктуре // Экономика и предпринимательство. 2018. № 4. С. 409–413.
10. Ксанаева М. Б., Аликаева М. В. Современные тенденции в развитии малого предпринимательства // Российское предпринимательство. 2013. № 4. С. 26–32.
11. Кудряшов В. С., Моржина Л. В. Анализ практики регулирования субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ и формирование рекомендаций по реализации программы развития предпринимательства в Санкт-Петербурге // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 7. С. 81–87.
12. Куприн А. А. Формирование условий активизации развития инновационного предпринимательства в России // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики : материалы VIII Международной научно-практической конференции. Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ. СПб., 2016. С. 60–67.
13. Кузобаев Н. Ж. Применение зарубежного опыта в малом и среднем бизнесе // Вестник Жалал-Абадского государственного университета. 2018. № 4. С. 196–200.
14. Махова А. В., Груздева Е. В. Государственное регулирование и помощь малому бизнесу в России и за рубежом // Наука и образование: новое время. 2018. № 3. С. 123–130.
15. Онучак В. Д. Оценка эффективности региональных программ развития малого предпринимательства // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 2. С. 58–71.
16. Осипов М. А. Состояние и эффективность института развития малого предпринимательства в России // Фундаментальные исследования. 2018. № 10–13. С. 2916–2920.
17. Павлов К. В., Андреева И. Г. Оценка эффективного осуществления государственного регулирования развития малого бизнеса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. № 8. С. 26–31.
18. Суворова А. П. Методологический подход к оценке эффективности деятельности экономической организации // Финансы и кредит. 2006. № 4. С. 43–48.
19. Шурус А. Субъекты малого предпринимательства и система его государственной поддержки // Российский экономический журнал. 2012. № 5–6. С. 15–18.
20. Charakteristik und Entwicklung von Klein- und Mittelunternehmen (KMU). Urs Fueglistaller. KMU HSG. 2004. S. 11.
21. Tetriarisierung und Dienstleistungskompetenz in schweizerischen Klein- und Mittelunternehmen. Urs Fueglistaller. KMU HSG. 2008. S. 43–44.

Об авторе:

Версоцкий Роман Реонадович, старший преподаватель кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); amg-890@yandex.com

References

1. Abuzyarova M. I. Theoretical Approaches to Small Business Management // Economics and Entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2018. N 6 (95). P. 777–779. (In rus)
2. Bikbulatov V. R. Organizational and economic mechanism of micro-resource support for development of small business entities : dissertation abstract. Ufa, 2011. 23 p. (In rus)
3. Buchwald E. M., Vilenskiy A. V. On the Role of Small Enterprises in the Development of the Russian Economy // Journal of the RFBR [Vestnik RGNF]. 2012. N 1. P. 31–38. (In rus)
4. Dubkov O. D. Measures of state support to small and medium-sized businesses // Alley of Science [Alleya nauki]. 2018. V. 3. N 5. P. 724–730. (In rus)
5. Dubovic M. V. Market Instruments for Small Business Regulation // Finance and Credit [Finansy i kredit]. 2017. N 42. P. 42–50. (In rus)

6. Dudin M. R. State Policy in the Field of Small Business in Modern Conditions of Development of Russia // *Entrepreneurship [Predprinimatel'stvo]*. 2010. N 4. P. 43–49. (In rus)
7. Kiryushkin R. N. Identification of entrepreneurial risks in modern economic conditions // *Entrepreneurship [Predprinimatel'stvo]*. 2009. N 5. P. 47–84. (In rus)
8. Koz'yavkina A. S. Management of Innovative Development of Small Business // *Academy of Pedagogical Ideas Novation. Series : Student Science Journal [Akademiya pedagogicheskikh idei Novatsiya. Seriya: Studencheskii nauchnyi vestnik]*. 2018. N 5. P. 388–395. (In rus)
9. Konyakhina T. B. Development of investments in the real sector of the economy, small business and regional infrastructure // *Economy and entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]*. 2018. N 4. P. 409–413. (In rus)
10. Ksanaeva M. B., Alikaeva M. V. Modern Trends in Small Business Development // *Russian Entrepreneurship [Rossiiskoe predprinimatel'stvo]*. 2013. N 4. P. 26–32. (In rus)
11. Kudryashov V. S., Morzhina L. V. Analysis of the practice of regulation of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation and formation of recommendations for the implementation of the entrepreneurship development program in St. Petersburg // *Economics and management: yesterday, today, tomorrow [Ekonomika i upravlenie: vchera, segodnya, zavtra]*. 2016. N 7. P. 81–87. (In rus)
12. Kuprin A. A. Formation of conditions for activation of innovative entrepreneurship development in Russia // *State and business. Current problems of economics: materials of the VIIIth International Scientific and Practical Conference. North-West Institute of Management of RANEPa. SPb., 2016. P. 60–67. (In rus)*
13. Kuzobaev N. J. Application of foreign experience in small and medium business // *Journal of Jalal-Abad State University [Vestnik Zhalal-Abadskogo gosudarstvennogo universiteta]*. 2018. N 4. P. 196–200. (In rus)
14. Mahova A. V., Gruzdeva E. V. State regulation and assistance to small businesses in Russia and abroad // *Science and education: a new time [Nauka i obrazovanie: novoe vremya]*. 2018. N 3. P. 123–130. (In rus)
15. Onuchak V. D. Assessment of the Effectiveness of Regional Small Business Development Programs // *Problems of Management Theory and Practice [Problemy teorii i praktiki upravleniya]*. 2018. N 2. P. 58–71. (In rus)
16. Osipov M. A. State and Efficiency of Small Business Development Institute in Russia // *Fundamental Research [Fundamental'nye issledovaniya]*. 2018. N 10-13. P. 2916–2920. (In rus)
17. Pavlov K. V., Andreeva I. G. Evaluation of effective implementation of state regulation of small business development // *National interests: priorities and security [Natsional'nye interesy: priorityety i bezopasnost']*. 2007. N 8. P. 26–31. (In rus)
18. Suvorova A. P. Methodological Approach to Assessment of Economic Organization Performance // *Finance and Credit [Finansy i kredit]*. 2006. N 4. P. 43–48. (In rus)
19. Shulus A. Small business entities and its state support system // *Russian Economic Journal [Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal]*. 2012. N 5–6. P. 15–18. (In rus)
20. Charakteristik und Entwicklung von Klein- und Mittelunternehmen (KMU). Urs Fueglistaller. KMU HSG. 2004. S. 11.
21. Tetriarisierung und Dienstleistungskompetenz in schweizerischen Klein- und Mittelunternehmen. Urs Fueglistaller. KMU HSG. 2008. S. 43–44.

About the author:

Roman R. Versockiy, Senior lector of the Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); amg-890@yandex.com

Республика Крым и Севастополь: первые итоги реализации государственных программ в экономической и социальной сферах

Знаменщиков А. О.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; znamm@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Войдя в состав России, Крым оказался в уникальных экономических условиях. За короткий срок полуострову приходится перестраиваться на новое законодательство, налаживать экономические связи. После воссоединения Крыма с Россией в марте 2014 г. началась реализация масштабных проектов, направленных на модернизацию экономики Крыма и ее интеграцию с остальной частью России. В 2014 г. Крым получил статус свободной экономической зоны. Разработана и осуществляется Федеральная целевая программа социально-экономического развития Крыма до 2022 г. Программа, в частности, включает строительство электросетевых объектов, в том числе энергомоста в Крым и кабельного перехода через Керченский пролив, строительство транспортного перехода через Керченский пролив (Крымский мост) и Федеральной трассы «Таврида», ряда объектов медицины и здравоохранения, водообеспечения, развитие промышленного комплекса, социальной сферы, туристско-рекреационных кластеров и др. В статье подводятся первые итоги реализации ряда государственных программ в экономической и социальной сферах за пять лет, прошедших после воссоединения Крыма с Российской Федерацией.

Ключевые слова: Крым, Севастополь, Федеральная целевая программа, свободная экономическая зона, дотационный регион

Для цитирования: *Знаменщиков А. О.* Республика Крым и Севастополь: первые итоги реализации государственных программ в экономической и социальной сферах // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 100–109.

Republic of Crimea and Sevastopol: First Results of Implementation of State Programs in Economic and Social Spheres

Artem O. Znamenshchikov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; znamm@yandex.ru

ABSTRACT

Having joined Russia, Crimea found itself in unique economic conditions. In a short period of time, the peninsula has to rebuild to new legislation and establish economic ties. After the reunification of Crimea with Russia in March 2014, large-scale projects aimed at modernizing Crimea's economy and integrating it with the rest of Russia began. In 2014 Crimea received the status of a free economic zone. The Federal Target Program for Social and Economic Development of Crimea until 2022 has been developed and is being implemented. The program, in particular, includes the construction of electric grid facilities, including power bridge to Crimea and cable crossing through the Strait of Kerchen, construction of transport crossing through the Strait of Kerchen (Crimean Bridge) and the Federal Route Tavrida, a number of facilities of medicine and health care, water supply, development of industrial complex, social sphere, tourist and recreational clusters, etc. The article summarizes the first results of the implementation of a number of state programs in the economic and social spheres in the five years since the reunification of Crimea with the Russian Federation.

Keywords: Crimea, Sevastopol, Federal target program, free economic zone, grant region

Начало 2019 г. стало неким рубежом для Крыма в целом и города Севастополя в частности, так как это год подведения итогов первой пятилетки, которую новые регионы Российской Федерации прожили в рамках российской социально-экономической модели и российского правового поля. В течение всех прошедших пяти лет руководство страны уделяло этим двум регионам повышенное внимание, что подтверждалось рядом документов, принятых Президентом и Правительством Российской Федерации.

Основополагающим документом по развитию указанных субъектов является Постановление Правительства РФ от 11 августа 2014 г. № 790 об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года». Согласно этому документу суммарный объем финансирования федеральной целевой программы (ФЦП) составляет 914 507,5 млн руб., в том числе за счет средств федерального бюджета — 863 722,11 млн руб., бюджетов субъектов Российской Федерации — 19 726,11 млн руб. и внебюджетных источников — 31 059,28 млн руб.¹

В программе обозначены, с одной стороны, риски и сдерживающие факторы развития новых территорий, с другой — описаны конкурентные преимущества новых субъектов Российской Федерации. Исходя из анализа ситуации на полуострове на момент его вхождения в состав России и различных негативных и позитивных факторов, была выработана соответствующая программа развития регионов. До 2020 г. в ней предусмотрено не только развитие, но и устранение ограничений в следующих основных сферах: транспортная и инженерная инфраструктура, электроснабжение и энергетический комплекс, водообеспечение. Большое внимание уделяется в Программе развитию промышленного комплекса, социальной сферы, туристско-рекреационных кластеров. Отдельно оговаривается необходимость обеспечения межнационального согласия. Большое значение в Программе придается оценкам эффективности привлекаемых инвестиций, выбору механизма ее реализации, а также возможным рискам. Риски и ключевые сдерживающие факторы в реализации Программы обусловлены нестабильной социально-политической обстановкой на Украине и продолжающимся обострением отношений во всех сферах между соседствующими странами.

Наряду с указанной ФЦП целью скорейшей гармонизации нормативных документов, определяющих вопросы политических, социальных, градостроительных, имущественных, земельных и ряда других важных отношений в Республике Крым и в городе Севастополь, Президентом РФ также был подписан Федеральный конституционный закон № 5 от 26 июня 2016 г., основной целью реализации которого является обеспечение скорейшей интеграции Республики Крым и города Севастополя в единое правовое поле Российской Федерации². Для ускорения интеграции экономических субъектов полуострова в экономическую деятельность России Президентом России 28 июля 2016 г. был подписан указ о преобразовании двух федеральных округов: Южного и Крымского в единый Южный Федеральный округ.

¹ Паспорт федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://os.economy.gov.ru/documents/11006/0> (дата обращения: 20.05.2019).

² О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя : Федеральный Конституционный закон от 23.06.2016 № 5-ФКЗ [Электронный ресурс] // СПС Контур. Норматив. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=275485> (дата обращения: 20.05.2019).

Такой шаг был предпринят для ускорения экономического, социального и культурного развития Республики Крым и г. Севастополя в едином правовом и социально-экономическом пространстве РФ.

Отдельно стоит отметить, что наряду с социально-экономическими и правовыми мерами в этих документах приведены меры по урегулированию межнациональных вопросов, реабилитации и восстановлению национальных прав народов Крыма, которые были депортированы из Крыма в 1944 г., определены планы, реализация которых призвана способствовать широкому развитию автономий различных национальных сообществ народов Крыма. Очевидно, что общая цель программы развития Крыма и Севастополя подразумевает устойчивое экономическое и социальное развитие ныне дотационных регионов и перевод их в разряд самодостаточных. В рамках данной статьи нам хотелось бы, отметив важность реализации социальных проектов, по которым отмечена позитивная динамика, сосредоточиться на экономических вопросах развития полуострова.

Скорейшая реализация важных энергетических и инфраструктурных проектов обеспечит новый импульс для экономического развития региона, что, в свою очередь, расширит и укрепит базу для обеспечения медицинских, образовательных и других социальных услуг в рассматриваемых регионах Крымского полуострова. Трудно переоценить значение этих проектов не только для города Севастополя и Крымского полуострова, но и для страны в целом. Одним из основных результатов деятельности Правительства РФ по развитию инфраструктуры новых российских субъектов стало обеспечение энергонезависимости этих регионов за счет их подключения к российским энергетическим мощностям посредством энергомоста. Кроме этого, в короткие сроки были построены Балаклавская и Таврическая ТЭС, суммарная мощность которых (порядка 2070 МВт) обеспечила энергетическую независимость г. Севастополя и Республики Крым.

В инфраструктурной сфере сразу три реализованных проекта призваны решить транспортную проблему. Из них самым дорогостоящим и весомым стало строительство 19-километрового транспортного моста через Керченский пролив стоимостью почти 228 млрд руб. Другой масштабный реализованный проект транспортной инфраструктуры — строительство нового аэровокзального комплекса симферопольского аэропорта, включающего современный терминал для обслуживания 6,5 млн пассажиров в год. Общая стоимость составила порядка 32 млрд руб. В конце 2018 г. было запущено движение автотранспорта по 190 км первой очереди новой трассы «Таврида», соединяющей Крымский мост с западной частью полуострова. Общая протяженность современной четырехполосной автодороги по плану составит свыше 250 км. Работы планируется завершить к 2022 г.¹

На развитие собственно экономики ориентирован еще ряд документов. Одним из важных результатов государственной политики, направленной на экономическое развитие полуострова, является принятие Федерального закона РФ № 377-ФЗ от 29.11.2014 г. «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя». Действие режима «свободной экономической зоны» (СЭЗ) на территории г. Севастополя стартовало с 1 января 2015 г. Создана она сроком на 25 лет с возможностью последующей пролонгации. Она предусматривает особые правовые режимы предпринимательской и хозяйственной деятельности. СЭЗ — это один из эффективных инструментов для привлечения инвестиций в экономику Крыма и Севастополя. Развитие этого режима в городе Севастополь представлено в табл. 1.

¹ Федеральную трассу «Таврида» в Крыму полностью закончат в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6100044> (дата обращения: 20.05.2019).

Основные показатели по СЭЗ г. Севастополя*

Table 1. Main indicators of FEZ of Sevastopol

Показатели (с нарастающим итогом)	Годы		
	2016	2017	2018
Число участников СЭЗ	143	414	428
Объем капитальных вложений, млн руб.	1747,8	2896,4	4886,28
Создано рабочих мест	2369	4438	7443
Совокупный объем налогов, млн руб	1572,6	3072,8	нет данных

*По данным отчетов губернатора г. Севастополя о деятельности Правительства Севастополя за 2015–2018 гг.

Если в 2015 г. на территории города было зарегистрировано 259 участников СЭЗ, то в 2016 г. число участников сократилось до 143 из-за проблем, связанных с санкциями, нестабильной обстановкой на границах региона и вследствие ошибок руководства города. Начиная с 2016 г. ситуация в экономике города стала улучшаться, и в табл. 1 приведена динамика развития свободной экономической зоны на территории города Севастополя. По состоянию на 1 января 2019 г. в городе Севастополь число зарегистрированных организаций в качестве участников свободной экономической зоны достигло 428 единиц, то есть их количество в сравнении с 2016 г. увеличилось более чем в 2,6 раза.

Фактический объем капитальных вложений в 2015 г. составил 293,8 млн руб. Общий объем заявленных инвестиций по заключенным договорам в 2016 г. составлял 2,7 млрд руб., а количество рабочих мест, планируемых к созданию участниками свободной экономической зоны в г. Севастополь, достигло 2700 единиц. По состоянию на 1 января 2017 г. реальный объем капиталовложений составил только 1499 млн руб. С нарастающим итогом с 2015 по 2016 г. фактический объем капиталовложений участниками СЭЗ возрос до 1747,8 млн руб. По состоянию на 1 января 2019 г., нарастающим итогом с 2016 г., участники СЭЗ осуществили капитальные вложения в сумме 4886,28 млн руб.

В период существования СЭЗ на территории города Севастополя ее участниками было запланировано создание 8941 рабочих мест, в том числе 727 рабочих мест в 2018 г. Показатели по созданию рабочих мест перевыполняются, в частности, по состоянию на 01.10.2018, согласно отчетам участников СЭЗ, на территории города Севастополя было создано 7443 рабочих места, в том числе за 9 месяцев 2018 г. — 2808 рабочих мест¹. Существенное превышение количества созданных рабочих мест над плановыми значениями обусловлено положительным экономическим эффектом СЭЗ, что повлекло интенсивный рост ряда предприятий — участников СЭЗ. Наиболее высокие показатели по количеству созданных рабочих мест в сфере предоставления услуг — 2310 ед., в промышленности — 1854 ед., в строительстве — 1426 ед., в сельском хозяйстве — 943 ед., 910 мест было создано в других секторах городского хозяйства. Консолидированный объем выручки участников «свободной экономической зоны» от продажи товаров,

¹ Отчеты губернатора г. Севастополя о работе Правительства Севастополя за 2015–2019 гг. [Электронный ресурс]. URL: Портал <https://sev.gov.ru/> (дата обращения: 20.05.2019).

работ и услуг за 2015 г. в городе Севастополе составил 2128,8 млн руб. Аналогичные показатели за 2017 г. в 15 раз превысили результаты предыдущего года — 32 227,9 млн руб.

Совокупный объем налогов, уплаченных в 2015 г. участниками свободной экономической зоны в бюджеты всех уровней бюджетной системы Российской Федерации в рамках заключенных договоров об условиях деятельности в свободной экономической зоне, составил в Севастополе 103,6 млн руб. При этом за 2017 г. налоговые поступления в бюджеты всех уровней бюджетной системы от участников свободной экономической зоны на территории г. Севастополя составили 3072,8 млн руб., что более чем в 29 раз превышает аналогичный показатель за 2015 г.¹

Под устойчивым развитием экономики экономисты обычно понимают рост таких количественных индикаторов, как ВВП, объемы производства, производительность труда и др. Однако необходимо учитывать тот факт, что, например, увеличение объемов производства само по себе не является однозначно положительным во всех отношениях фактором, поскольку с ростом объемов производства возрастает нагрузка на окружающую среду, меняется экологическая обстановка. Это обуславливает повышение экологических затрат и вложений в сферу здравоохранения, что может привести к снижению эффективности развития экономики. Поэтому при планировании роста экономики необходимо учитывать качество такого роста и величину затрат на экологию, здравоохранение, в качество жизни населения, то есть на создание здоровой среды обитания и обеспечение безопасности существования.

Возвращаясь к итогам работы СЭЗ, хочется отметить, что позитивные результаты не должны успокаивать и расслаблять. На пути интеграции в экономику России Севастополь, устраняя собственные локальные риски и проблемы, в полной мере ощутит общероссийскую ситуацию, связанную с внешнеполитической обстановкой и, в частности, введением экономических санкций против России. По нашему мнению, в условиях ограничительных санкций в отношении России и отдельных хозяйствующих субъектов, как российских, так и зарубежных, наблюдается снижение потенциала развития экономики РФ. Этот фактор обусловил ухудшение инвестиционного климата в России, высокую волатильность курса национальной валюты и цен на энергоресурсы на мировом рынке, а также общую социально-экономическую напряженность в стране. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы к окончанию программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя до 2020 года»² при подготовке программ развития новых субъектов в последующие годы уделялось особое внимание новым подходам финансирования развития регионов, результатом которых было бы снижение их дотирования из федерального центра за счет увеличения наполняемости собственных региональных бюджетов в результате быстрого развития экономического потенциала новых субъектов РФ.

В настоящее время в городе Севастополе, с одной стороны, не наблюдается таких негативных тенденций, при которых предприятия города были бы на грани остановки и сокращения рабочих мест, что обусловило бы резкий рост безработицы и сопутствующие этому повышение социального напряжения в городе. С другой стороны, в Севастополе присутствует высокая зависимость всех сегментов бизнеса от работы предприятий по обслуживанию нужд Черноморского флота.

¹ Отчет о результатах функционирования свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и г. Севастополя за 2017 год [Электронный ресурс]. URL: <http://econpmu.gov.ru/mines/main> (дата обращения: 20.05.2019).

² Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя до 2020 года» [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Севастополя. URL: <http://investsevastopol.ru/ru/fcp-socialno-ekonomicheskoe-razvitie-respubliki-krym-i-goroda-sevastopolya-do-2020-goda> (дата обращения: 20.05.2019).

Учитывая высокую нестабильность в окружении бизнеса и отсутствие явных положительных трендов в работе предприятий, ситуация в городе имеет высокую степень риска стагнации экономики. В табл. 2 приведены показатели доходной части бюджета города за период с 2015 по 2017 гг. (млрд руб.). Кроме этого, в табл. 2 представлена структура налоговых поступлений в бюджет города по источникам налоговых доходов.

Данные табл. 2 показывают, что основными составляющими бюджета г. Севастополя в 2017 г. являются: поступления из федерального бюджета (около 60%); поступления от налогов на доходы физических лиц (около 22%). Данные этой таблицы показывают постоянное повышение поступления налогов на доходы физических лиц, что обусловлено постоянным ростом заработной платы в рассматриваемом периоде (на 41,1% в 2017 г. в сравнении с 2015 г.). При этом необходимо учесть, что из общего поступления НДФЛ в бюджете города более 60% составляют поступления от налогов на доходы работников градообразующего предприятия, что составляет около 20% от доходной части бюджета города в целом.

Бюджет города был запланирован с достаточно оптимистичным сценарием с учетом налоговых поступлений от предприятий города, которые формируют его наполнение до 30%. Однако итоги работы предприятий в 2017 г. показывают, что их прибыль снизилась, соответственно, упали и налоговые отчисления. Кроме того, на снижение налога от прибыли повлиял переход ряда предприятий в СЭЗ, что обусловило применение льготных налоговых ставок. За январь 2018 г. наблюдаются отклонения по прибыли в меньшую сторону от показателя, который был представлен в долгосрочном плане. В связи со снижением доходности предприятий города были «заморожены» инвестиционные проекты. Это, в свою очередь, также негативно сказывается на экономике города и покупательском спросе, особенно учитывая эффект мультипликатора.

На данный момент Крым и Севастополь относятся к дотационным регионам РФ¹. Министерство финансов Российской Федерации на своем сайте показывает ряд финансовых показателей по регионам страны, включая суммы дотаций, направленных на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов федерации (табл. 3). Данные этой таблицы позволяют сделать следующие выводы:

- в 2018 г. в сравнении с 2016 г. дотации для г. Севастополя выросли только на 4,8%, что значительно ниже в сравнении с рядом регионов РФ, а для республики Крым дотации снизились за этот период на 21,7%;
- налоговый потенциал г. Севастополя за рассматриваемый период возрос на 47,2%, а для Республики Крым он вырос на 92,4%, Это свидетельствует о положительных тенденциях в сборе налогов в этих регионах.

В табл. 3 представлен достаточно важный показатель — индекс налогового потенциала региона (ИНПР), который рассчитывался как отношение суммы налогов по региону на региональную душу населения к сумме налогов по РФ на душу населения по РФ. Расчетные показатели для всех рассмотренных регионов определялись по этому же методу, результаты представлены в стб. 6 табл. 3. Анализ полученных значений ИНПР для города Севастополя позволяет сделать вывод, что в 2018 г. значение этого индекса увеличилось на 27,7% относительно аналогичного показателя за 2016 г. Такой рост мог быть обусловлен несколькими факторами: увеличением величины заработных плат на предприятиях города, ростом числа источников налогообложения и улучшением работы налоговой инспекции по собираемости налогов. Этот результат корреспондируется с выводами по табл. 2.

¹ 9 вопросов про 5 лет: что Крым получил от присоединения к России [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/03/2019/5c8a64619a79470b9dafbee0> (дата обращения: 20.05.2019).

Основные показатели доходов бюджета г. Севастополя
 Table 2. Main indicators of budget revenues of Sevastopol

Источники налоговых поступлений	Утверждено решением Законодательного собрания, г. Севастополя, млрд руб.			Структура налоговых поступлений по источникам, %		
	2015	2016	2017	2015	2016	2017
Налог на доход физических лиц	4,758	5,974	6,718	22	27	22
Налог на прибыль организаций	1,312	1,648	1,391	6	8	4,50
Акцизы	0,246	0,309	0,729	1	1	2
Доходы от применения спец. режимов (УСН, ЕНВД, единый с/х налог)	0,49	0,618	1,323	2	3	4
Прочие налоговые доходы	0,494	0,618	0,589	2	3	2
Неналоговые доходы	0,902	1,133	1,638	4	5	5
Безвозмездные поступления	13	11,5	18,538	61	53	60
Итого	21,202	21,8	30,926	100	100	100

Источник: Данные портала Минфина РФ (<https://www.minfin.ru/ru>).

В табл. 4 приведены данные, которые позволяют проанализировать такие показатели, как налоговые поступления в бюджет, изменение уровня дотаций всего и в расчете на одного жителя города в сравнении с такими показателями для других дотационных регионов РФ, а также тенденции в изменении стоимости фиксированного набора товаров и слуг в регионе.

Анализ данных табл. 4 позволяет сделать важный вывод: дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности г. Севастополя минимальны в сравнении с другими дотационными регионами. Например, для республики Крым этот показатель выше на 52,6%, для республики Дагестан — более чем в 3 раза, а для Камчатского края — выше в 7,5 раза. Это свидетельствует о сравнительно низком уровне расходов федерального бюджета для выравнивания бюджетной обеспеченности г. Севастополя. Вместе с этим следует отметить рост стоимости корзины фиксированного набора товаров и услуг в рассматриваемом периоде в сравнении с другими регионами. Для оценки тенденции роста стоимости товаров на рынке города рассматривался показатель отношения стоимости корзины фиксированного набора товаров в отдельном регионе к стоимости такой же корзины товаров и услуг по России в целом. Полученные результаты представлены в ст. 3 таблицы 4. В ст. 4 этой таблицы представлены данные об изменении этого показателя в 2018 г. относительно 2016 г. Наибольший рост цен наблюдается для г. Севастополя (на 30,8%), в республике Крым рост цен составил 18,3%.

Рост стоимости корзины товаров и услуг для Крыма и Севастополя был обусловлен, в основном, конфликтом между Украиной и РФ, в результате которого Украина перестала поставлять относительно дешевые продукты и товары на крымские рынки. Если учесть, что доля таких поставок закрывала 80% потребностей Крыма и Севастополя, а интернет-услугами Крымский полуостров был обеспечен на 100%

Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2016 и 2018 гг.

Table 3. Allocation of grants to equalize the budgetary security of the constituent entities of the Russian Federation for 2016 and 2018

Регион	1		2		3	4		5	6	
	на 01.01.2015	на 01.01.2017	на 2016	на 2018		на 2016	на 2018		на 2016	на 2018
Республика Дагестан	2990,4	3041,9	46 722 123	59 065 832,5	+26,4	32 959 364	38 295 416	+16,2%	0,221	0,209
Республика Саха (Якутия)	956,9	962,8	43 189 612	43 944 997,7	+1,7	101 340 989	126 105 681	24,4%	2,126	2,177
Камчатский край	317,3	314,7	37 486 695	39 357 697,2	+5,0	23 009 718	27 928 845	+21,4%	1,456	1,475
Чеченская Республика	1370,3	1419,9	22 162 866	27 078 463,8	+22,2	14 520 014	19 222 347	+32,4%	0,213	0,226
Республика Ингушетия	463,9	480,5	9 264 891	9 197 281,2	-0,7	4 278 077	5 408 435	+26,4%	0,185	0,187
Республика Крым	1895,9	1912,2	22 333 637	17 714 025,6	-21,7	24 115 202	46 390 427	+92,4%	0,255	0,403
г. Севастополь	399,0	428,8	2 482 326	2 602 071,2	+4,8	6 952 055	10 232 636	+47,2%	0,350	0,397
Итого по РФ	146 267,3	146 804,4	514 599 728	645 144 288,2	+25,3	7 287 915 279	8 831 546 898	+21,2%	1	1

Источник: Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2017/11/main/FFPR_na_2018-2020_01.11.2017.pdf (дата обращения: 20.05.2019).

Отношение стоимости фиксированного набора товаров и услуг в регионе к среднему по РФ

Table 4. Ratio of the cost of a fixed set of goods and services in the region to the average in the Russian Federation

Субъекты Российской Федерации	1		2		3		4
	на 2016 г.	на 2018 г.	2016 г.	2018 г.	2016 г.	2018 г.	
	Всего догадий на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ к утверждению, тыс. руб.		Дотации на душу населения, руб.		Отношение стоимости фиксированного набора товаров и услуг в регионе к среднему по Российской Федерации		
Республика Дагестан	46 722 123	59 065 832,5	15 624	19 417	0,868	0,884	101,8
Республика Саха (Якутия)	43 189 612	43 944 997,7	45 144	45 643	1,242	1,258	101,3
Камчатский край	37 486 695	39 357 697,2	118 142	125 064	1,657	1,699	102,5
Чеченская Республика	22 162 866	27 078 463,8	16 147	19 071	0,923	0,985	99,0
Республика Ингушетия	9 264 891	9 197 281,2	19 972	19 141	0,835	0,827	106,7
Республика Крым	22 333 637	17 714 025,6	11 780	9264	0,775	0,917	118,3
г. Севастополь	2 482 326	2 602 071,2	6221	6068	0,708	0,926	130,8
Среднее по РФ	—	—	3518	4394	—	—	—

Источник: Данные портала Минфина РФ.

украинскими провайдерами, то последствия блокады Украиной Крыма сразу же отразились на ценах товаров и услуг.

Другим фактором, повлиявшим на рост цен в регионе, является увеличение пенсий и заработной платы для жителей Крыма и Севастополя. Вместе с этим стабилизация цен на услуги, особенно в системе ЖКХ, и на товары требует особого внимания. Для решения данной проблемы возможно правительству региона потребуется пересмотреть структурные изменения в инвестиционной политике. Это требование обусловлено необходимостью крупных капиталовложений в сельскохозяйственный сектор, что, несомненно, скажется на продовольственной безопасности города.

Особого внимания потребуют проекты по развитию производства мяса птицы, овощеводства и садоводства в г. Севастополе с целью достижения автономии в обеспечении населения города широким набором продуктов питания. Также можно предполагать, что стабилизации цен на товары и услуги будет способствовать введение мега-проектов по обеспечению полуострова транспортными, энергетическими, водными ресурсами, и, несмотря, на экономические санкции в отношении России, местные предприятия получат мощный импульс для развития, что обусловит повышение жизненного уровня населения Севастополя и Республики Крым.

Об авторе:

Знаменщиков Артем Олегович, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); znamm@yandex.ru

About the author:

Artem O. Znamenshchikov, Graduate student of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); znamm@yandex.ru

Свобода слова и угрозы информационной безопасности

Рецензия на монографию «Свобода слова и медиабезопасность»

Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Монография «Свобода слова и медиабезопасность» посвящена политическим и правовым аспектам реализации гражданских свобод в условиях становления информационного общества. Исследование нацелено на защиту фундаментальных прав человека, обеспечивающих участие индивида в политическом процессе. Пропаганда экстремизма, цифровое неравенство и злоупотребление интеллектуальными правами представляются в политико-правовом исследовании как угрозы информационной безопасности государства, юридических лиц и индивидов. Оригинальность исследования определяется характеристикой правовых и политических взаимосвязей между свободой слова и информационной безопасностью.

Ключевые слова: СМИ, права человека, экстремизм, цифровой разрыв, пропаганда, либерализм, демократия

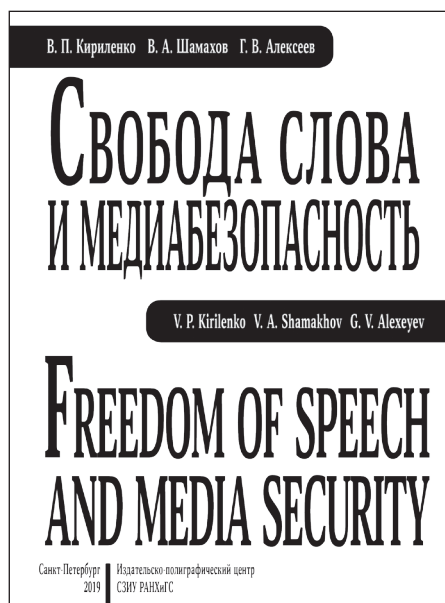
Freedom of Speech and Threats to Information Security. Review of the monograph “Freedom of Speech and Media Security”

Galina S. Melnik, Boris Ya. Misonzhnikov

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Свобода слова и медиабезопасность : монография / В. П. Кириленко, В. А. Шамахов, Г. В. Алексеев. — СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. — 440 с.

ISBN 978-5-89781-635-4

ABSTRACT

The monograph “Freedom of Speech and Media Security” is devoted to the political and legal aspects of civil freedoms implementation in to the practices of information society institutions. The study aims to protect fundamental human rights that ensure the individual’s participation in the political process. The propaganda of extremism, the digital divide and intellectual rights violations are presented in political and legal research as threats to the information security of the state, companies and any person. The originality of the study is determined by the characteristic of legal and political interconnections between freedom of speech and information security.

Keywords: media, human rights, extremism, digital divide, propaganda, liberalism, democracy

Тематика монографии «Свобода слова и медиабезопасность» [6] актуальна и интересна для широкого круга специалистов по поли-

тологии и правовому обеспечению работы СМИ. Известный американский журналист Бен Багдикян (Ben Haig Bagdikian) писал, что самый безопасный способ обеспечить разнообразие мнений — это разнообразные владельцы средств массовой информации [8]. Сплетение воедино вопросов экономической рациональности и политических интересов становится все более очевидным трендом политико-правового регулирования массовой коммуникации в современном мире. Медиабезопасность, основанная на плюрализме и взаимном уважении идеологических оппонентов, достижима с высокой степенью вероятности при условии, что все профессиональные участники медиарынка в сопоставимой степени состоятельны и авторитетны.

Авторы монографии небезосновательно полагают, что, если информированность широкой общественности по актуальным вопросам повестки дня является медийным компонентом информационной безопасности [7], то гарантировать должную степень защиты государства от угроз информационной безопасности возможно только, оставаясь в политическом поле плюрализма и правовом поле демократического государства. Фактические политико-правовые ограничения свободы слова должны не только поддерживаться большинством населения, но и не создавать политической основы для эскалации внутреннего противостояния власти и оппозиции внутри российского общества. Поиск консенсуса между властью и оппозицией в медиапространстве при сохранении приверженности правовым ценностям является центральной проблемой рецензируемой научной работы.

Доктринальный анализ проблем информационной безопасности авторами монографии обстоятелен и основан на предметном изучении угроз злоупотребления свободой слова и нелегитимного ее ограничения органами государственного управления. По сути, исследование доказывает, что «в развитом демократическом обществе плюрализм и толерантность [власти] к позиции протеста, ... заинтересованность в диалоге с социальными кругами, выражающими обеспокоенность, являются ... важной составляющей информационного правопорядка» [1, с. 28]. Очевидно, что участие органов власти демократического государства в работе средств массовой информации предполагает равный статус всех медиаресурсов и честную конкуренцию между ними за внимание целевой аудитории. Проблема секьюритизации информационного пространства России состоит в том, что активность противников российской власти в информационном противоборстве и особое значение социально-культурного поля для устойчивого развития информационного общества сами по себе не являются достаточными основаниями для нормативных ограничений свободы слова.

Концептуальная проблема секьюритизации предметного поля журналистики связана с образом врага и критическими угрозами для власти, однако для применения в медиасфере норм законодательства о безопасности необходимы особые политические условия, такие как война или стихийные бедствия. В процессе секьюритизации медиапространства гласность и объективность источников информации могут не только подвергаться ограничениям (цензуре в ее наиболее широком смысле), но стимулироваться различными политическими и экономическими средствами, становиться предметом политической пропаганды. Рецензируемое исследование показывает, что секретность, цензура и пропаганда как политические технологии обеспечения медиабезопасности могут дестабилизировать социально-культурное поле и подорвать доверие к средствам массовой информации, таким образом, эти политические технологии обеспечения информационной безопасности представляют существенную угрозу устойчивому развитию институтов информационного общества.

В представленном исследовании институт информационной безопасности получил оригинальное содержание в результате разграничения проблем медиабезопасности, кибербезопасности и секретности. Постмодернистский подход к национальной безопасности отражает достаточно сложные взаимосвязи между защитой национальных

интересов, обеспечением устойчивого развития, защитой прав человека и благосостоянием индивида, его психофизиологическим комфортом в современном поле массовой информации. Право и политика переплетаются в работе, наглядно демонстрируя пестрый клубок противоречий в политике мультикультурализма. Критические социальные системы воспроизводства культурного капитала на национальном и международном уровнях включают в себя широкий спектр медийных ресурсов, и очевидно, что сохранение доверия между рядовыми гражданами, бизнес-структурами и органами власти зависит от качества работы современных СМИ.

Политика медиабезопасности представлена в исследовании как результат компромисса между протоколами информационной безопасности и целями устойчивого развития, которые требуют открытости и постоянной модернизации социальных систем по производству и распространению массовой информации. Авторами рассматриваются вопросы информационной безопасности в контексте изменений политического и правового сознания граждан, и предлагается обеспечивать «информационную безопасность путем снижения количества опасных стрессовых и аддиктивных социальных состояний, которые чреваты утратой психического благополучия, ростом числа суицидов, высоким уровнем экстремистской социальной активности» [6, с. 84]. Существенное внимание при этом уделяется исследованию эффекта цифрового разрыва расширяющегося в результате внедрения технологий искусственного интеллекта.

Экономическая основа медиабезопасности выражается в создании таких социальных условий, при которых журналисты и другие «операторы» современных медиа получают справедливое вознаграждение за свою работу. Принципиальную роль для свободы слова в социально-культурном поле имеет юридико-экономическая проблема защиты интеллектуальных прав. Призывая к модернизации институтов авторского права, авторы стремятся создать более широкое пространство для творчества и обеспечить право доступа массовой аудитории к произведениям, составляющим базис общемирового культурного капитала. Интересы национальной безопасности говорят о том, что свобода слова в России должна постепенно из «юридического чуда» [3] превратиться в экономически обусловленную объективную реальность.

Правовое содержание пределов реализации свободы слова раскрывается через принцип недискриминации и международно-правовой запрет на разжигание социальной розни. Системный анализ различных аспектов проблемы противодействия экстремизму, а также вопросов привлечения к ответственности за диффамацию, плагиат и другие правонарушения, затрагивающие нематериальные права авторов произведений, героев журналистских репортажей и отдельных лиц, составляющих аудиторию СМИ, в значительной степени отражает сложность юридической оценки качества медиаконтента. Политизация медиасферы действительно порождает двойные стандарты к публичной оценке работы журналистов. Власть предрасполагает политические элиты достаточно часто, создавая критические угрозы равноправию, привлекают к ответственности своих оппонентов за действия, обратные политической пропаганде, которая постоянно проводится сторонниками господствующего политического режима. В таких условиях легитимные формальные юридические критерии законности действий по распространению массовой информации становятся основой для обеспечения справедливости и взаимного доверия между властью и оппозицией.

Оценивая современное состояние профессиональной журналистики, можно было бы предположить, что роль прессы в решении политических проблем несколько снизилась в сравнении с реалиями XX в., однако авторы монографии иного мнения. Они стараются доказать, что в результате появления тактических медиа и расширения форм политического дискурса меняется характер профессиональной деятельности журналистов. В условиях активизации различных форм неправовых манипу-

ляций с общественным сознанием, выражающихся в обмане и злоупотреблении доверием аудитории, пропаганде экстремизма, коррумпированности источников массовой информации и низком качестве работы большинства медиаструктур, профессиональная журналистика трансформируется в политическом плане, создавая институты медиакратии. На фоне политических угроз медиабезопасности роль профессиональной журналистики в защите национальных интересов возрастает, так как требуется высокая квалификация и опыт для того, чтобы оставаться в предметном поле журналистики, не скатываясь к общественно опасным формам активности в медиапространстве.

В представленном исследовании предлагается решать проблемы медиабезопасности, двигаясь вперед в технологическом плане, развивая при этом культурный капитал. Идеи создания общественных организаций для анализа состояния глобального медийного пространства, представления авторов о политической несамостоятельности медиатизированных социальных групп, анализ проблемы различения экстремистов и борцов за свободу демонстрируют приверженность авторов идеям плюрализма в рамках естественно правовой законности, свойственной демократическому обществу.

Структура исследования состоит из двенадцати глав, которые последовательно характеризуют современные политические и правовые условия работы журналистов. Первая глава «Политическая власть и свобода слова» отражает развитие идеи социального контроля СМИ за действиями органов власти. Вторая глава «Концепция медиабезопасности» освещает роль СМИ в обеспечении информационной безопасности государства. В третьей главе «Принципы медиабезопасности» права человека и свобода слова представлены как основа информационного правопорядка в демократическом государстве. Идея четвертой главы «Институциональный статус средств массовой информации» состоит в сравнительном анализе теоретических представлений о политической журналистике и законодательных норм о СМИ. Пятая глава «Функция средств массовой информации» отражает наиболее общие представления о роли СМИ в жизни современного общества.

Главы с шестой по восьмую посвящены угрозам медиабезопасности. Цифровой разрыв представлен авторами как форма неравенства, связанная с неспособностью использовать информационные технологии в личных интересах. Угроза деструктивной пропаганды определяется известной опасностью распространения экстремистских материалов [2; 4]. Угроза медиамонополии в условиях глобализации приобретает международный аспект и становится инструментом экономического влияния на содержание современных медиа.

Проблемы медиакратии анализируются в девятой главе монографии. Стремление использовать СМИ в политических целях и экономическое содержание развлекательной индустрии свойственны, по мнению авторов, любой из тех моделей, по которым может быть построена медиасистема [9]. В десятой главе «Реклама и медиабезопасность» анализируются некоторые проблемы предвыборной агитации и распространения коммерческой информации. В заключительных главах работы проводится анализ практики информационного противоборства, анализируются ситуации, складывающиеся в зонах вооруженных конфликтов и в регионах с особой политической напряженностью (в частности — Балтийском регионе [5]). Структура исследования представляется оправданной с точки зрения последовательности изложения материала и позволяет рационально организовать работу над монографией членов авторского коллектива.

Авторы, используя современные методы научного анализа, доказывают, что «информационное общество сформировано социальными фракталами, реализующими свой социальный потенциал благодаря политике информационной безопасности, основой которой является свобода медиакommunikаций, обеспечивающая

журналистам центральное место в информационном пространстве» [6, с. 304]. Некоторые выводы авторов затрагивают весьма дискуссионные аспекты проблемы информационной безопасности. Так, в частности, авторы полагают, что «угрозы информационной безопасности, исходящие от развития политики мультикультурализма, нейтрализуются властью в процессе продуктивного взаимодействия со СМИ» [6, с. 372], однако, как представляется, далеко не всегда удастся нейтрализовать такие угрозы в должной мере. Вместе с тем, действительно, трансформация современных технологий общения, которая превратила средства массовых коммуникаций из национальных информационных ресурсов в глобальные информационные сети, оказывает комплексное и разноплановое политическое влияние на информационную безопасность государства, и в этих условиях новые формы взаимодействия власти и СМИ, которые предлагают авторы, могут оказаться полезными в плане защиты национальных интересов.

Представленное исследование системно отражает доктринальные представления авторов о пределах и формах реализации свободы слова в информационном обществе, а также демонстрирует и подвергает доктринальному анализу основные тенденции в политико-правовом регулировании работы современных медиа. Монография, безусловно, будет интересна широкому кругу ученых и практиков, интересующихся проблемами информационной безопасности, журналистики и прав человека.

Литература

1. *Алексеев Г. В., Морозов Г. Н.* Свобода слова и информационные транснациональные корпорации // *Власть*. 2009. № 2. С. 28–33.
2. *Бастрыкин А. И.* Угрозы экстремизма и роль Следственного комитета Российской Федерации в обеспечении правовой стабильности // *Российский журнал правовых исследований*. 2016. № 1. С. 9–14.
3. *Батурин Ю. М., Федотов М. А.* Феноменология юридического чуда : монография. М. : РОССПЭН, 2012. 333 с.
4. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. Т. 12. № 4. С. 561–571.
5. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Политические технологии и международный конфликт в информационном пространстве балтийского региона // *Балтийский регион*. 2018. Т. 10. № 4. С. 20–38.
6. *Кириленко В. П., Шамахов В. А., Алексеев Г. В.* Свобода слова и медиабезопасность. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 440 с.
7. *Мельник Г. С., Никонов С. Б.* Медийный компонент в доктрине информационной безопасности // *Управленческое консультирование*. 2014. № 1. С. 18–28.
8. *Bagdikian V. H.* *The Media Monopoly*. Boston: Beacon Press. 1983. 282 p.
9. *Hallin D., Mancini P.* *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. New York : Cambridge UP, 2004. 358 p.

Об авторах:

Мельник Галина Сергеевна, профессор кафедры цифровых медиакоммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; melnik.gs@gmail.com

Мисонжников Борис Яковлевич, профессор кафедры цифровых медиакоммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор филологических наук, профессор; boris.misonzhnikov@gmail.com

References

1. *Alekseev G. V., Morozov G. N.* Freedom of Speech and Information Transnational Corporations // *Power [Vlast']*. 2009. No. 2. P. 28–33. (In rus)

2. Bastrykin A. I. Threats of Extremism and the Role of the Investigative Committee of the Russian Federation in Ensuring Legal Stability // Russian Journal of Legal Research [Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovani]. 2016. No. 1. P. 9–14. (In rus)
3. Baturin Yu.M., Fedotov M.A. Phenomenology of the legal miracle : monograph. Moscow : ROSSPEN, 2012. 333 p. (In rus)
4. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. Topical Problems of Combating Extremist Crimes // All-Russian Criminological Journal [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2018. V. 12. No. 4. P. 561–71. (In rus)
5. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Political technologies and international conflict in information space of the Baltic region // Baltic region [Baltiiskii region]. 2018. V. 10. No. 4. P. 20–38. (In rus)
6. Kirilenko V.P., Shamakhov V.A., Alekseev G.V. Freedom of speech and media security. SPb. : Publishing center of NWIM of RANEPa, 2019. 440 p. (In rus)
7. Melnik G.S., Nikonov S.B. Media Component in Information Security Doctrine // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. No. 1. P. 18–28. (In rus)
8. Bagdikian B.H. The Media Monopoly. Boston : Beacon Press. 1983. 282 p.
9. Hallin D., Mancini P. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. New York : Cambridge UP, 2004. 358 p.

About the authors:

Galina S. Melnik, Professor of the Chair of Digital Media Communications of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; melnik.gs@gmail.com

Boris Ya. Misonzhnikov, Professor of the Chair of Digital Media Communications of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Doctor of Philology, Professor; boris.misonzhnikov@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2019. № 10(130) УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.10.2019.
Подписано к печати 15.10.2019.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,93. Тираж 200 экз.
Заказ № 10/19.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97